

АПУЛЕЙ
АПОЛОГИЯ
МЕТАМОРФОЗЫ
ФЛОРИДЫ

Луций Апулей

АПОЛОГИЯ

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158638

Апулей «Апология. Метаморфозы. Флориды», серия «Литературные памятники»: Издательство Академии наук СССР; Москва; 1956

Аннотация

«Апология» Апулея свидетельствуют о хорошем знании риторики, об остроумии, ловкости и искусном владении языком. Композиция «Апологии» как речи, действительно произнесенной в суде, достаточно ясна и прозрачна, хотя несколько отклоняется от традиционной схемы. Конечно, едва ли можно думать, что она была произнесена именно в той стройной, полностью обработанной форме, в какой она была выпущена в свет, однако она написана в общем довольно простым языком, мысли, выраженные в ней, не замаскированы излишне изощренной формой и одна тема четко отделена от другой

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЯ	167
Апулей	167
О языке и стиле Апулея	191

Апулей

Апология, или Речь в защиту себя самого от обвинения в магии

1. Я право же был уверен и считал несомненным, Максим Клавдий¹ и члены совета², что Сициний Эмилиан³, старик, известный своим безрассудством, за недостатком действительных улик наполнит одной только бранью свое обвинение против меня, с которым он выступил перед тобою прежде, чем сам его хорошенько обдумал. Разумеется, обвинить можно и невинного, но уличить – только виновного. Полагаясь в особенности уже на одно это, я рад, клянусь богом, что мне представились удобный случай и возможность перед таким судьей, как ты, доказать незапятнанность философии людям, в ней не сведущим, и добиться собственного оправдания, хотя эти лживые обвинения и были на первый

¹ Клавдий Максим – римский проконсул, управлявший провинцией Африкой в промежутке между 155 и 158 гг. н. э.

² Члены совета – нечто вроде присяжных заседателей, имевших, однако, только право совещательного голоса. Члены совета при наместнике провинции были частично лица из свиты проконсула, привезенные им из Рима, частично местные жители, имевшие права римского гражданства.

³ Сициний Эмилиан – брат первого мужа Пудентиллы, жены Апулея.

взгляд весьма серьезны, а их неожиданность еще осложнила защиту. Ведь, как вы помните, прошло лишь четыре или пять дней с того момента, как я, ни о чем не подозревая, явился в суд для ведения дела моей жены Пудентиллы против Граниев ⁴ – и тут-то адвокаты Эмилиана с бранью набросились на меня и принялись обвинять в преступных занятиях магией ⁵, а под конец – в убийстве моего пасынка Понтиана. Понимая, что их цель – не столько разбор дела в суде, сколько личные нападки и скандал, я и сам потребовал от них возбудить против меня обвинение и неоднократно повторил это требование. Вот тогда-то Эмилиан, видя, что и ты сильно возмущен и что приходится от слов перейти к делу, потерял свою самоуверенность и стал искать какого-нибудь способа скрыть свое безрассудство.

2. Так вот, как только он обнаружил, что вынужден письменно подтвердить обвинение ⁶, он тут же забыл о сыне своего брата Понтиане, убитом, как вопил он незадолго до этого, мною. Он вдруг перестал говорить о смерти своего юного

⁴ По-видимому, какой-то гражданский иск, касавшийся вопросов собственности.

⁵ Занятия магией с преступными целями запрещались под страхом смертной казни уже в законах XII таблиц. Позже это запрещение неоднократно повторялось в разных формах (отдельные законы, постановления сената и т. д.).

⁶ Если дело принималось к производству, секретарь суда составлял по определенной форме изложение обвинения, которое обвинитель должен был подписать. Отказавшись подтвердить письменно свое предварительное заявление, в котором Апулей обвинялся в убийстве, Эмилиан выдвигает новое обвинение – преступные занятия магией.

родственника. А чтобы не подумали, что он вовсе отказывается подписать такое серьезное обвинение, Эмилиан выбрал, как основу для него, одну только клеветническую жалобу на занятия магией: кричать об этом легко, но доказать – значительно труднее. Да и того он не осмеливается сделать открыто, а на следующий день подает жалобу от имени моего пасынка Сициния Пудента, совсем еще мальчика, и прибавляет, что берет на себя защиту его интересов в суде. Новый прием – наносить удар чужой рукой (для того, разумеется, чтобы, прикрываясь юностью Сициния Пудента ⁷, не понести наказания за клевету). Когда ты, Максим, с необычайной проницательностью подметил это и потому вновь приказал ему поддерживать внесенное обвинение от собственного имени, то даже таким образом не удалось принудить его действовать лично, хотя он это и обещал. А теперь, уже вопреки твоему приказанию, он исподтишка настойчиво пускает в ход клевету. Итак, упорно избегая опасной роли обвинителя, он крепко держится за безобидную роль адвоката. Поэтому еще до начала процесса всякому легко было понять, что это будет за обвинение, если человек, который сам сострепал его и внес, боится выступить с ним – и в особенности, если этим человеком оказывается Сициний Эмилиан. Ведь если бы он действительно разузнал обо мне что-либо, то уж, конечно, не стал бы так медлить с привлечением к суду чужеземца, виновного в столь многочисленных и столь ужас-

⁷ Сицинию Пуденту было около 16 лет.

ных преступлений; этот Сициний Эмилиан, который, зная, что завещание, оставленное его дядей, подлинно, распустил клеветнические слухи, будто оно подложно. Он действовал с необыкновенным упорством, и когда знаменитый Лоллий Урбик, опираясь на постановление совета консуляров, объявил, что документ производит впечатление подлинного и должен считаться подлинным, этот полоумный, вопреки совершенно ясному решению, все же клятвенно утверждал, что завещание фальшиво, и в конце концов Лоллий Урбик едва не отдал распоряжения о суровом наказании Эмилиана⁸.

3. Рассчитывая на твою справедливость и на свою невиновность, я надеюсь, что подобное же решение само собой возникнет в результате нашего дела, так как Эмилиан с тем большей, разумеется, легкостью клеветает на невиновного, что был уже раз, как я сказал, уличен во лжи у городского префекта в ходе весьма важного процесса. Ведь подобно тому, как всякий порядочный человек, раз провинившись, становится впоследствии особенно осмотрительным и осторожным, так человек дурной от природы еще более нагло принимается за прежнее, и уж во всяком случае, чем чаще он со-

⁸ Лоллий Урбик – знатный римский гражданин родом из Африки. Занимал ряд важных военных и гражданских должностей. По-видимому, делом Эмилиана он занимался в качестве наместника Африки, обращаясь к консулярам (бывшим консулам), проживавшим в его провинции, как к советникам и экспертам. Некоторые комментаторы полагают, что Урбик рассматривал дело Эмилиана в бытность свою префектом города Рима (praefectus urbi).

вершает преступления, тем более открыто это делает. Стыд и честь – как платье: чем больше потрепаны, тем беспечнее к ним относишься. И поэтому, в интересах моей ничем незапятнанной чести, я считаю необходимым опровергнуть всякую хулу, прежде чем приступать к делу. Да, потому что я берусь защищать не только самого себя, но и философию, по отношению к величию которой даже малейшее порицание является величайшим преступлением, а между тем, адвокаты Эмилиана, наболтав только что немало всяких лживых небылиц по моему адресу, обратили поток своего наемного краснбайства против философов вообще, как обычно делают невежды. Можно, конечно, предполагать, что они не без пользы для себя, небескорыстно несли всю эту чушь, что она уже была оплачена задатком за бесстыдство; ведь этим сутягам присущ именно такой дар красноречия, при помощи которого они суют обычно свои ядовитые языки в чужие раны; тем не менее я должен, хотя бы даже собственного спокойствия ради, опровергнуть вкратце этот вздор. Иначе может показаться, будто я, который всегда прилагал все усилия, чтобы отвести от себя малейшее пятнышко, малейшее подозрение в бесчестии, обхожу молчанием эти вздорные нападки скорее по неумению ответить, чем из презрения. На мой взгляд огорчаться даже из-за лживых наветов – свойство скромного и застенчивого человека. Действительно, даже те, кто знают за собой какой-либо проступок, все же сильно волнуются и сердятся, если услышат о себе что-нибудь дурное,

хотя, коль скоро уж они взялись за дурные дела, они должны бы привыкнуть слышать о себе дурные отзывы: ведь если другие и хранят молчанье, то сами они все-таки сознают, что заслуженно могут подвергнуться упрекам. Тем более – всякий порядочный и невиновный человек, ушам которого неведома хула и который привык к похвалам, а не к порицаниям: он глубоко страдает, если о нем незаслуженно говорят такие вещи, в которых он сам по справедливости мог бы обвинить других. Поэтому, если будет казаться, что я в своей защитительной речи говорю о вещах весьма незначительных и даже вовсе не заслуживающих никакого внимания, то нужно укорять в этом тех, кто не гнушается даже такими мерзкими нападками, а не ставить это в вину мне, потому что отразить даже такие нападки будет для меня делом чести.

4. Итак, ты выслушал только что начало обвинительного акта, где было сказано следующее: «Мы обвиняем перед тобой философа красивой наружности и – вот ведь грех! – столь же красноречиво изъясняющегося по-гречески, как и по-латыни». Этими самыми словами, если не ошибаюсь, начал свое обвинение против меня Танноний Пудент⁹, – вот уж он человек, право же, ни в какой мере не красноречивый. Ах, если бы он, действительно, имел основание обвинять меня в таких тяжелых преступлениях, как красота и дар слова! Ни минуты не задумываясь, я ответил бы ему то же, что го-

⁹ Танноний Пудент – адвокат Эмилиана. Как показывает его имя, он был родственником пасынка Апулея, Сициния Пудента, со стороны матери.

меровский Александр Гектору:

*Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам
бессмертных;*

*Их они сами дают: произвольно никто не получит.*¹⁰

[Никоим образом не следует презирать славные дары богов; ведь этими дарами наделяют обычно сами боги, и многим из тех, кто желал бы их, они не достаются]. Так ответил бы я относительно внешности. А кроме того, сказал бы, что и философам дозволено иметь привлекательную наружность. Пифагор, который первый назвал себя философом, был самым красивым человеком своего времени; точно так же знаменитый Зенон Древний, родом из Велии, который прежде всех с искуснейшим мастерством стал вскрывать внутренние противоречия различных высказываний¹¹, также и этот Зенон был необычайно красив, как утверждает Платон; и вообще история знает немало красивых философов, которые изящную внешность украсили добродетельными нравами. Но эта защита не имеет ко мне почти никакого отношения, так как, не говоря уже о моей заурядной внешности, беспрерывные занятия науками стирают с меня всякую привлека-

¹⁰ («Илиада», III, 65-66. Пер. Н. И Гнедича). *Курсивом* выделены греческие цитаты. Латинский перевод, следующий в оригинале за греческим текстом, считается учеными интерполяцией (позднейшей вставкой). Интерполированные слова взяты в квадратные скобки.

¹¹ Может быть, имеются в виду знаменитые апории Зенона.

тельность, портят наружность, высасывают соки, лишают хорошего цвета лица, отнимают жизненные силы. Да и волосы, которые, по явно лживым словам вот этих господ, я отпустил как украшение, в целях соблазна, ты видишь, как восхитительно красивы эти волосы, вставшие дыбом и нерасчесанные, похожие на набивку из пакли, местами взъерошенные, спутанные, всклокоченные, одним словом – в полном беспорядке: так долго я вообще не заботился не то что о красивой причёске, но даже о том, чтобы распутать и расчесать свои волосы. Этим, по-моему, достаточно опровергнуто «волосяное» обвинение, выдвигая которое они надеются уличить меня чуть ли не в уголовном преступлении.

5. А что до красноречия, то, даже если бы я им и обладал, разве можно было бы удивляться или завидовать мне, коль скоро с молодых лет я всеми силами предавался занятиям наукой, отвергая все другие удовольствия, и вплоть до сего времени в большей степени, пожалуй, чем любой другой из людей, стремился овладеть красноречием, напряженно трудясь день и ночь и с полным пренебреженьем относясь к собственному здоровью. Но пусть ни в какой мере не опасаются моего красноречия: я больше надеюсь на него, чем владею им, если только вообще сколько-нибудь преуспел в этом деле. Но, несомненно, если правда, что невиновность и красноречие – одно и то же (а так, говорят, писал в своих стихотворениях Стаций Цецилий¹²), то на этом основании я пря-

¹² Цецилий Стаций – знаменитый римский комедиограф, современник Эннип.

мо и открыто заявляю, что никому в красноречии не уступлю. Кто же, действительно, окажется в этом случае красноречивее меня, раз я никогда не размышлял ни о чем таком, чего не решился бы сказать во всеуслышание? Я утверждаю в то же время, что я превосходный оратор потому, что всякий проступок всегда считал таким делом, о котором говорить не подобает ¹³. Я в то же время самый красноречивый человек оттого, что нет за мной ни одного поступка или высказыванья, о котором я не мог бы рассуждать публично. Вот и теперь я поговорю о своих стихах, которые они выдают за нечто порочащее меня. Ты, конечно, заметил ¹⁴, что сам я одновременно и смеялся, и возмущался, слушая, как неблагозвучно и неумело декламируют они ¹⁵ стихи.

6. Итак, прежде всего они выбрали из моих шуток маленькое послание в стихах о зубном порошке к некоему Кальпурниану, который использовал это письмо мне во вред, но, охваченный желанием напакостить, не видел, конечно, что, если на основании этих стихов возникнет какое-нибудь обвинение против меня, то оно будет направлено и против него

Между прочим, как сообщает Цицерон (Tusc, III, 23), Цецилию принадлежит следующий афоризм: *saepe est etiam sub pallido sordido sapientia* (часто даже под грязным плащом живет мудрость).

¹³ В оригинале игра слов (*omne peccatum semper nefas habui*), основанная на том, что слово *nefas* («недозволено, нечестиво») одного корня с глаголом *for* («говорить»), и Апулею, по-видимому, эта этимология была ясна.

¹⁴ Клавдий Максим.

¹⁵ Обвинители.

самого. Действительно, как свидетельствуют стихи, он просил у меня чего-нибудь для чистки зубов:

Пускай стихи мои привет тебе несут,
Кальпурниан. Ты порошок зубной просил –
Прими ж его. Из аравийских он плодов,
Он тонок, превосходен, белизну дает,
Десна распухнет – мигом ее вылечит
И так все крошки подметет вчерашние,
Что если смех случайный зубы обнажит,
Никто на них не разглядит ни пятнышка.

Я спрашиваю, что позорного в содержании или в словах этих стихов, что вообще в них такого, что философу нежелательно было бы считать своим) Разве только в том меня следует упрекнуть, что я послал Кальпурниану порошок из аравийских плодов, тогда как ему гораздо больше подходило бы, в соответствии с мерзейшим обычаем иберийцев, собственной мочой, как говорит Катулл ¹⁶ «чистить зубы и красные десны».

7. Я только что видел, как некоторые едва сдерживали смех, когда тот оратор сурово осуждал – извольте видеть – чистоту рта и с таким возмущением произносил слова «зубной порошок», с каким и о яде-то никто не говорит. А что же?! Философ, конечно, не может презрительно отмахнуться от обвинения, будто он непримирим ко всякой нечисто-

¹⁶ Катулл, XXXIX, 18.

плотности в самом себе, не допускает, чтобы какая-нибудь открытая часть его тела оказалась неопрятной и зловонной! В особенности – рот, которым человек чрезвычайно часто пользуется открыто и на виду у всех: или он целует кого-нибудь, или беседует с кем-нибудь, или рассуждает в присутствии слушателей, или молится в храме – ведь всякому поступку человека предшествует слово, которое, как говорит замечательный поэт, выходит «из-за ограды зубов»¹⁷. Взять теперь какого-нибудь высокопарного оратора – он на свой лад скажет, что человек, если он хоть сколько-нибудь думает о своей речи, должен в первую очередь, больше, чем об остальных частях тела, позаботиться о рте, который служит преддверием духа, вратами речи, собранием мыслей. А я, пожалуй, сказал бы так: нет ничего более противоречащего облику человека свободного и благородного, чем неопрятный рот. Ведь этот орган расположен высоко, виден хорошо, его функция – речь. У диких же зверей и домашнего скота рот расположен низко и наклонен к ногам, поближе к следу и корму; его почти никогда не видно, разве только у мертвых или взбешенных и готовых укусить животных. Напротив, у человека, когда он молчит, а еще чаще – когда говорит, ничего, пожалуй, не заметишь прежде, чем рот.

8. Так вот, мне хотелось бы, чтобы мой суровый критик

¹⁷ Имеется в виду Гомер, например, «Одиссея», 1, 64: *Дитя мое, что за слово выбежало у тебя из-за ограды зубов?* Выражение *ограда зубов* встречается и во многих других местах гомеровских поэм.

Эмилиан ответил, имеет ли он сам обыкновение мыть хоть изредка ноги. Если он этого не отрицает, то пусть открыто заявит, что больше нужно заботиться об опрятности ног, чем зубов. Но, разумеется, если кто-нибудь подобно тебе, Эмилиан, почти никогда не открывает рта ни для чего иного, как для злословия и клеветы, то я советую ему вовсе не заботиться об очищении рта, не чистить иноземным порошком зубы (пусть трет их углем из костра – так будет вернее) и даже не полоскать их обыкновенной водой. Пусть его вредный язык, орудие злобной лжи, остается постоянно погруженным в собственную грязь и зловоние. На самом деле, будь ты неладен! какой тут смысл: обладать языком чистым и прекрасным, речью же, напротив, грязной и отвратительной, по-змеиному испускать из белоснежного зуба черный губительный яд? Напротив, если бы кто-нибудь решил произнести речь небесполезную и не лишенную приятности, то, естественно, предварительно прополоскал бы свой рот, как кубок для хорошего напитка. Но зачем мне дольше рассуждать о человеческом роде? Лютое чудовище, пресловутый крокодил, который рождается в Ниле, и он также, насколько мне известно, охотно позволяет очищать свои зубы, разевая безвредную в тот момент пасть. Рот у него огромный, но лишен языка и по большей части находится в воде, поэтому между зубами застревает множество пиявок. Когда же он выйдет на берег реки и разинет пасть, то одна из речных птиц, дружески расположенная к нему птичка, запускает ему в зубы

клюв и вытаскивает пиявок, не подвергая себя ни малейшей опасности.

9. Но оставим это. Перехожу к остальным стихотворениям. Хоть они и называют их «любовными», тем не менее прочитали их так грубо и по-деревенски, что слушать было противно. Но при чем же тут преступные занятия магией, если я в стихотворении восхваляю сыновей своего друга Скрибона Лета? Или я потому волшебник, что поэт? Кто слышал когда-нибудь хоть краем уха столь правдоподобное подозрение, столь удачное предположение, столь явный довод? «Написал стихи Апулей». Если плохие, это, конечно, проступок, однако не философа, а поэта. А если хорошие – в чем же ты обвиняешь? «Но ведь он написал стихи шуточные и любовные». Так разве в этом состоит мое преступление, и вы ошибаетесь в названии его, привлекая меня к суду за занятия магией? Но ведь и другие делали то же самое, хоть вам это и неизвестно: у греков некий уроженец Теоса ¹⁸ и спартанец ¹⁹ и кеосец ²⁰ вместе с бесчисленным множеством других, и даже женщина лесбиянка ²¹, причем эта последняя – игриво и с таким изяществом, что прелесть ее песен примиряет нас с чрезмерной вольностью ее языка. У нас – Эдитуй, Порций,

¹⁸ Анакреонт (VI в. до н. э.), знаменитый греческий лирический поэт, родом из города Теоса в Малой Азии.

¹⁹ Алкман (VII в. до н. э.), греческий поэт, древнейший представитель хоровой лирики.

²⁰ Симонид Кеосский (VI в. до н. э.), греческий лирический поэт.

²¹ Сапфо (VI в. до н. э.), крупнейшая греческая поэтесса.

Катул ²², и они также – вместе с бесчисленным множеством других. «Но они не были философами». Ну, что ж, неужели ты будешь отрицать, что серьезным человеком и философом был Солон, которому принадлежит этот в высшей степени игривый стих:

К бедрам и сладким устам ты возжелания полн ²³.

Найдется ли хоть что-нибудь столь легкомысленное во всех моих стихах, если их сопоставить с одним только этим? Я уж молчу о подобного рода писаниях у киника Диогена и Зенона, основателя стоической школы, они тоже чрезвычайно многочисленны. Прочту-ка я свои стихи еще раз, чтобы знали, что мне за них нисколько не стыдно:

Критий – утеха моя, но лишь частью любви он владеет.
Часть остается еще – ты ей владеешь, Харин.
Пусть иссушают меня два огня – не надо бояться:
Пламя двойное свое вытерплю я до конца.
Пусть буду так же вам дорог, как вы себе дороги сами,
Вы же – так дороги мне, как человеку глаза.

Теперь я продекламирую и другие стихи ²⁴, которые они

²² Валерий Эдитуй, Порций Лицин и Квинт Лутаций Катул – римские поэты II в. до н. э. Их эротические эпиграммы цитирует Авл Геллий.

²³ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Solon 12.

²⁴ Стихотворение это – поздравление с днем рождения.

прочитали под конец, как якобы крайне разнuzданные:

Песни дарю я тебе и гирлянды цветов, мой любимый.
Песни ты сам принимай, гений твой ²⁵ примет цветы.
В песнях хочу я воспеть тот сладостный день, за которым
Дважды седьмая весна, Критий, приходит к тебе.
Эти гирлянды дарю, чтобы виски твои зелень покрыла ²⁶:
Пусть украшают цветы юности нежный расцвет.
Мне же за этот весенний цветок дай весну свою, милый,
Щедрым подарком своим скромный мой дар превзойди.
Сплел я гирлянды цветов – сплетись в объятьях со мною,
Розы тебе я даю – дай мне бутон своих губ.
Но уступили б и песни мои твоей сладкой свирели,
Если бы в кипрский тростник жизнь ты вдохнуть захотел.

10. Вот тебе, Максим, мое преступление, составленное из одних гирлянд и песен. Ну прямо – закоренелый прожигатель жизни, не так ли? Ты обратил вниманье, как меня порицали здесь даже за то, что, хоть у мальчиков другие имена, я назвал их Харином и Критием? Да, но ведь в таком случае можно было бы обвинить и Гая Катулла ²⁷, за то, что он Клодию назвал Лесбией, и точно так же – Тицида ²⁸, за то, что

²⁵ См. прим. 22 к кн. VIII «Метаморфоз».

²⁶ В оригинале игра слов, основанная на омонимии слова *tempus* («время» и «висок»): *ut laeto tibi tempore vempora vernet*. Такая же игра слов – в конце 62 гл.

²⁷ Некоторые источники дают другой праenomen Катулла – Квинт.

²⁸ Тицид – современник Катулла, один из представителей школы неотериков, т. е. «новых поэтов» (римское литературное течение I в. до н. э., стремившееся

он написал имя Периллы вместо Метеллы, и Проперция, который называет Цинтию, прикрывая этим именем Гостию, и Тибулла, за то, что в мыслях у него была Плания, а в стихах – Делия. А вот Гая Луцилия ²⁹, хоть он и сатирик, я, пожалуй, осудил бы за то, что в своем стихотворении он выставил на позор мальчиков Гентия и Македона, назвав их настоящие имена. Насколько, в конце концов, более скромнен мантуанский поэт, который, так же как и я, восхваляя в шутливой буколике ³⁰ сына своего друга Поллиона ³¹, имен не упоминает и зовет себя – Коридоном, а мальчика – Алексидом. Однако Эмилиан – человек, более грубый, чем вергилиевы овчары и волопасы, деревенщина и дикарь, но, по собственному мнению, гораздо более возвышенных нравов, чем Серраны ³², Курии ³³ и Фабриции ³⁴, – считает, что такие стихотворения не подобают философу-платонику. Даже в том случае,

к насаждению традиций и форм александрийской школы на римской почве).

²⁹ Гай Луцилий (около 180 – 102 гг. до н. э.) – основоположник литературного жанра сатиры.

³⁰ Вергилий, «Буколики», II.

³¹ Гай Азиний Поллион (75 г. до н. э. – 4 г. н. э.) – один из самых знаменитых сподвижников Августа.

³² Серран – cognomen (фамильное имя, присоединявшееся к родовому) многих представителей рода Атилиев, известного строгостью и простотой нравов.

³³ Маний Курий Дентат (ум. в 272 г. до н. э.) – победитель эфирского царя Пирра (битва при Беневенте, 275 г. до н. в.).

³⁴ Гай Фабриций Лусцин – консул 282 г. до н. э., также отличившийся во время войны с Пирром. Оба славились простотой жизни, были образцами старой римской virtutis (добродетели).

Эмилиан, если я докажу, что они написаны по примеру самого Платона? Из его стихов сохранились только любовные элегии: все остальные песни он сжег на огне, потому, я уверен, что они оказались менее изысканными. Так вот, познакомься со стихами философа Платона к мальчику Астеру, если только такому старику, как ты, не поздно начинать знакомство с литературой:

*Прежде звездою восточной светил ты, Астер мой,
живущим,
Мертвым ты, мертвый теперь, светишь вечерней
звездой*³⁵.

А вот, что пишет тот же Платон двум мальчикам, Александру и Федру, обращаясь к обоим с одним стихотворением:

Стоило мне лишь сказать, что Алексид блистает красою.
Все устремляют свой взор, всюду глядят на него.
Дразнишь ты костью собак, дорогой, и расквешься в
этом.
Разве не тем же путем Федра утратили мы?³⁶

Я не стану упоминать больше ни о чем, кроме последней

³⁵ Пер. Л. Блуменау. Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Plato 5. Астер – по-гречески «звезда».

³⁶ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I, Plato 7.

строчки его стихотворения о Дионе Сиракузском ³⁷:

О, мой любимый Дион, душу пленивший мою ³⁸.

Этим я и закончу.

11. Но не безумец ли я – в суде говорить о подобных вещах? Или скорее безумны вы, клеветники, не побрезговавшие в обвинении даже такими доводами, как будто поэтические забавы позволяют хоть сколько-нибудь судить о нравах человека? Разве вы не читали, что ответил Катулл своим недоброжелателям:

Сердце чистым должно быть у поэта,
Но стихи его могут быть иными ³⁹.

Божественный Адриан ⁴⁰, почтив стихами могильный холм своего друга поэта Вокона ⁴¹, написал так:

Был ты бесстыден в стихах, скромн душою и чист.

³⁷ Дион Сиракузский (408 – 354 гг. до н. э.) – философ, последователь Платона. Краткое время был тираном в Сиракузах.

³⁸ Diehl, Anth. lyr. gr., ed. 3. Lipsiae 1949, fasc. I. Plato 6.

³⁹ Катулл, XVI, 5 – 6 (пер. А. Пиотровского).

⁴⁰ Адриан (76 – 138 гг. н. э.) – римский император из династии Антонинов. Божественным назван потому, что все римские императоры после смерти причислялись к сонму богов.

⁴¹ Об этом поэте нет никаких других упоминаний.

Он никогда не сказал бы этого, если бы некоторое легкомыслие стихов непременно свидетельствовало о распущенности. Да мне помнится, я читал немало стихотворений в том же роде и самого божественного Адриана. Что ж, Эмилиан, скажи, если осмелишься, что творения императора и цензора ⁴², божественного Адриана, оставленные им в памяти потомства, приносят вред. А затем, неужели ты думаешь, что Максим осудит хоть что-нибудь из созданного мною, как ему известно, по примеру Платона? Стихи этого философа, которые я только что цитировал, столь же чисты, сколь откровенны, сочинены столь же целомудренно, сколь просто и безыскусственно само признание. В самом деле, человек испорченный в любом подобном случае будет лицемерить и скрывать, а шутник признается и обо всем будет говорить откровенно. Да, потому что природа наделила невинность речью, а злодеяние – безмолвием.

12. Я не стану останавливаться подробно на том возвышенном и божественном учении Платона, которое, за немногими исключениями, известно любому благочестивому человеку, но невеждам незнакомо. Существуют, учит Платон, две богини Венеры ⁴³; каждая из них владеет над своим особым родом любви и над различными влюбленными.

⁴² В действительности Адриан никогда не был цензором. Это слово употреблено здесь метафорически, в значении «блюститель нравов».

⁴³ Учение Платона о двух Афродитах (Urania и Pandemos) изложено в диалоге «Пир».

Одна из них – общедоступна: возбуждаемая любовью, свойственной низменной толпе, она толкает к сладострастию души не только людей, но и скота, и диких зверей, с безмерной и грозной силой сплетая в объятиях покорные тела потрясенных ею живых существ. А другая – небесная Венера, проникнутая благороднейшей любовью; она печется только о людях, да и среди них – о немногих; никакими понуждениями, никакими соблазнами она не толкает своих приверженцев к безнравственности. Ибо любовь ее не похотлива, не разнуздана; напротив, простая и серьезная, она красотой добродетели укрепляет в подчиненных ей влюбленных высокие нравственные качества, а если и наделяет когда-нибудь прекрасные тела очарованием, то вовсе устраняет всякое желанье причинить им бесчестье. Ведь только в той мере достойна любви физическая красота, в какой она напоминает божественным душам о другой красоте, истинной и чистой, которую они видели когда-то среди богов ⁴⁴. Вот почему, хоть Афраний ⁴⁵ и оставил следующее весьма изящное изречение: «мудрый будет любить, будут желать остальные», – все же, Эмилиан, если хочешь знать истину и если ты вообще способен это понять, мудрый не столько любит, сколько вспоминает.

13. Так уж ты прости философу Платону его стихи о любви, чтобы мне не пришлось, вопреки совету Неоптолема у

⁴⁴ См. диалоги Платона «Менон» (81) и «Федон» (76).

⁴⁵ Луций Афраний – знаменитый римский комедиограф конца II в. до н. э.

Энния, философствовать чересчур многословно ⁴⁶. А если ты не согласен, – что ж, я легко перенесу это, коль скоро за подобного рода стихи меня обвиняют вместе с Платоном.

А тебе, Максим, я безгранично признателен за то, что ты так внимательно слушаешь даже эти приложения к моей защите; но они необходимы, как ответ на обвинение. Поэтому то, что мне остается сказать, прежде чем перейти к самим обвинениям, выслушай, прошу тебя, столь же благосклонно и внимательно, как слушал до сих пор.

Дело в том, что дальше идет необыкновенно длинная и суровая речь о зеркале ⁴⁷, предмете настолько ужасном, что Пудент едва не надорвался, восклицая: «У философа есть зеркало! Философ обладает зеркалом!» Положим, я признаю это – ведь иначе, если я стану это отрицать, ты решишь, что уличил меня в чем-то, – тем не менее вовсе не обязательно делать из этого вывод, будто я обычно прихорашиваюсь перед зеркалом. Неужели же, будь я владельцем театрального имущества, ты на этом основании мог бы доказать, что я привык носить трагическую сирму ⁴⁸, женское актерское

⁴⁶ Апулей, по-видимому, намекает на какое-то место из недошедшей трагедии Энния.

⁴⁷ Насколько можно судить по защите Апулея, противники обвиняли его не в использовании зеркал с магическими целями (катоπτρομαντία; ср. крещенские и рождественские гадания по зеркалу), а просто в неподобающем философу легкомыслии и кокетстве. Но возможно и обратное, так как Апулей, искусный оратор, мог умышленно перевести вопрос в другую плоскость.

⁴⁸ Сирма – длинное, волочившееся по земле одеяние трагического актера.

платне ⁴⁹, разноцветное тряпье мимов? ⁵⁰ Не думаю... Потому что, напротив, многим я не обладаю, как собственно-стью, но пользуюсь и получаю удовольствие. Если же обладание не служит доказательством использования, а необладание – неиспользования и если моя вина не столько в том, что я обладаю зеркалом, сколько в том, что смотрюсь в него, то мне должны, кроме всего, обязательно сообщить, когда и в чем присутствии я смотрелся в зеркало, раз уж ты считаешь, по-видимому, большим святотатством, если философ увидит зеркало, чем если непосвященный – убор Цереры ⁵¹.

14. А ну-ка, скажи теперь вот что: пусть я даже признаюсь, что действительно смотрелся в зеркало, но что же это за преступление – быть знакомым с собственным изображением и вместо того, чтобы прятать его в каком-либо одном определенном месте, носить его с собою в маленьком зеркале, куда захочешь. Или ты, может быть, не знаешь, что у человека ничто не заслуживает более внимательного изучения, чем собственная внешность? Мне-то во всяком случае известно, что и нам из детей дороже те, которые похожи на нас, и что каждому в награду за заслуги воздвигается от государства его статуя, чтобы сам награжденный ви-

⁴⁹ В римском театре женские роли исполнялись мужчинами.

⁵⁰ Мим – один из жанров античного театра (бытовые и пародийно-сатирические сценки, пьесы с острым авантюрным сюжетом и т. д.). Так же назывались и актеры – исполнители мимов.

⁵¹ Священные эмблемы Цереры, которые показывали только посвященным во время мистерий.

дел себя. А иначе зачем нужны статуи и изображения, сделанные различными способами? Возможно ли, чтобы произведения искусства считались достойными похвалы, а тот же самый предмет, если его создала природа, должен быть признан заслуживающим осуждения? А ведь она еще более изумительно, чем искусство, и притом с большей легкостью передает сходство. Действительно, всякое изображение, созданное человеческими руками, требует продолжительного труда, и все же такого сходства, как в зеркале, пожалуй, не будет: глине не хватает упругости, камню – краски, рисунку – объемности, наконец, всем им не хватает движения, которое с особенной убедительностью создает сходство. Напротив, в зеркале виден изумительно переданный образ, одновременно и похожий, и подвижный, и покорно отвечающий на любой жест своего владельца. Этот образ – всегда ровесник тому, кто смотрит, с первых дней детства до глубокой старости – так велика его способность разделять все приходящие с годами изменения, принимать разнообразные позы, подражать то веселому, то печальному выражению лица одного и того же человека. А то, что вылеплено из глины, вылито из меди, изваяно из камня, нарисовано горячим воском⁵², написано красками, изображено, наконец, средствами любого человеческого искусства, – все это через небольшой промежуток времени перестает быть похожим и своим неизменным и к тому же неподвижным выражением лица напо-

⁵² Живопись восковыми красками: расплавленный воск наносился на грунт.

минает труп. Вот насколько тщательная полировка зеркала и творческая сила его блеска превосходят изобразительные искусства в передаче сходства.

15. Итак, либо мы должны следовать взглядам одного только спартамца Агесилая ⁵³, который не надеялся на свою красоту и не позволял ни рисовать, ни ваять себя, либо придерживаться обычая всех остальных людей и не пренебрегать статуями и изображениями; и тогда почему, на твой взгляд, видеть свой образ в камне или на доске ⁵⁴ можно, а в серебре, в зеркале – нельзя? Или, по-твоему, постоянно изучать свою внешность постыдно? А разве не про философа Сократа рассказывают, что он даже советовал своим ученикам почаще рассматривать самих себя в зеркале: тот из них, кто останется доволен своей красотой, пусть прилагает все усилия, чтобы не опозорить благородной наружности дурными нравами; а тот, кто решит, что его внешность не слишком привлекательна, пусть старается прикрыть свое безобразие подвигом добродетели ⁵⁵. Так самый мудрый из людей пользовался зеркалом даже для воспитания добрых нравов. А Демосфен, первый среди мастеров речи! Да есть ли такой человек, который не знал бы, что он всегда перед зеркалом, как перед учителем, готовился к выступлениям в

⁵³ Агесилай (440 – 360 гг. до н. э.) – знаменитый спартамский царь.

⁵⁴ В древнем Риме (как и в Греции) картины писались на досках (вроде того, как пишутся иконы).

⁵⁵ См. Diog. Laert., II, 33.

суде? ⁵⁶ Так этот величайший оратор, хоть он и почерпнул из источника красноречия у философа Платона, а у диалектика Эвбулида ⁵⁷ изучил искусство аргументации, обращался к зеркалу, чтобы придать совершенную гармоничность своей декламации. Так кто же, на твой взгляд, должен, произнося серьезную речь, больше заботиться о красоте формы, – ругающийся ритор или отругивающийся ⁵⁸ философ? Тот, кто всего какой-нибудь часок выступает перед wybranными по жребию судьями или кто постоянно рассуждает перед всеми людьми? Кто ведет тяжбу из-за границ поля или кто учит о пределах добра и зла? ⁵⁹

А что если есть еще одно соображение, заставляющее философа смотреться в зеркало? Дело вот в чем. Нам часто приходится изучать не только свое подобие, но и причину самого подобия: исходят ли, как утверждает Эпикур, образы от нас, истекая от тел непрерывным потоком и напоминая что-то вроде снятых одежд, а натолкнувшись на что-либо гладкое и плотное, отражаются ли они и оказываются ли перевернутыми, если взглянуть на них с противоположной стороны? Или, как рассуждают другие философы, наши собственные лучи, то ли вытекая из середины глаз, а затем смешиваясь с

⁵⁶ Об этом упоминают Квинтилиан (XI, 3, 68) и Плутарх («Демосфен», XI, 1).

⁵⁷ Эвбулид (V – IV вв. до н. э.) – софист, родом из Милета.

⁵⁸ В оригинале: *iurganti... obiurganti*.

⁵⁹ Приблизительно передана игра слов оригинала, основанная на конкретном и абстрактном значениях слова *finis*: *de finibus agrorum litiganti, an de finibus bonorum et malorum docenti*.

наружным светом и тем самым соединяясь с ним, – так полагает Платон, – то ли просто исходя из глаз без какой-либо опоры вовне, – так думает Архит ⁶⁰, – то ли собираясь воедино благодаря давлению воздуха, – так считают стоики, – падают на какое-нибудь тело, плотное, гладкое и блестящее, и отражаются под таким же углом, под каким упали, возвращаясь назад к нашему лицу и воспроизводя таким образом внутри зеркала то, чего касаются и что видят снаружи.

16. Не кажется ли вам, что философы должны все это исследовать и изучать, что только они одни должны обращать внимание на все без исключения зеркала, безразлично – жидкие или твердые. Но кроме того, о чем я уже упомянул, философам необходимо еще поразмыслить, почему отражения в плоских зеркалах кажутся почти равными самим предметам, а в выпуклых и шарообразных все выглядит уменьшенным, в вогнутых же – напротив, увеличенным; где и почему меняется местами правое с левым; когда образ в одном и том же зеркале то уходит в глубину, то выдвигается вперед ⁶¹; почему вогнутое зеркало, если его держать против солнца, воспаляет лежащий рядом трут; как это получается, что радуга в тучах играет разными цветами, что бывают видны два совершенно одинаковых солнца, как происходит,

⁶⁰ Архит – философ-пифагореец первой половины IV в. до н. э.; родом из Тарента.

⁶¹ Очевидно, имеется в виду тот случай, когда человек то подходит к зеркалу (отражение движется ему навстречу), то отодвигается от него (отражение уходит в глубину).

наконец, множество других явлений подобного рода, о которых пишет в огромном сочинении Архимед Сиракузский⁶², намного превосходивший всех своей удивительной изощренностью в любой области математики, но, пожалуй, заслуживающий особого упоминания именно потому, что он часто и внимательно смотрел в зеркало. Да, Эмилиан, будь ты знаком с этой книгой и посвяти ты себя не только пашне и глыбам земли, но и абаку⁶³, и тонкому песку⁶⁴, то, уж поверь мне, хотя лицо твое почти ничем не отличается от ужасной маски Фиеста из трагедии⁶⁵, все же, охваченный страстью к знаниям, ты непременно стал бы смотреть в зеркало, а в конце концов бросил бы плуг и принялся с изумлением разглядывать многочисленные морщины, избороздившие твое лицо.

Впрочем, я несколько не удивился бы, если бы ты обрадовался, что о твоем лице, необычайно безобразном, я говорю, а о нравах твоих, куда более отталкивающих, умалчиваю. Дело тут вот в чем. Прежде всего, я не сварлив, а затем – вплоть до недавнего времени я, к счастью, не знал, черен

⁶² Речь идет о сочинении Архимеда «О зеркалах». До нас это сочинение не дошло.

⁶³ Нечто вроде современных счетов.

⁶⁴ Этот песок рассыпали на ровном месте и пользовались им для чертежей и расчетов, как теперь пользуются черной доской и мелом.

⁶⁵ Вероятно, та маска, которая была на актере, исполнявшем роль Фиеста, во время сцены ужасного пира, когда отец узнает, что он съел родных детей.

ты или бел ⁶⁶, да и теперь, клянусь богом, не очень-то знаю. Произошло же это как раз оттого, что ты никому неизвестен, поскольку ты занят сельским хозяйством, а я свободным временем не располагаю, поскольку я занят науками. Таким образом, тьма безвестности заслоняет тебя от всякого, кто мог бы подвергнуть тебя оценке, а сам я никогда не стремился узнавать о чьих бы то ни было дурных поступках. Наоборот, я всегда старался лучше скрыть свои провинности, чем выслеживать чужие. Вот и получилось у нас с тобой же самое, что бывает, когда один оказывается в ярко освещенном месте, а другой наблюдает за ним из темноты. В самом деле, так оно и есть: ты легко замечаешь из твоих потемок то, что делаю я открыто и на глазах у многих, в то время как сам, со своей стороны, скрываясь под покровом своего ничтожества и убегая от света, остаешься вне круга моего зрения.

17. Так, например, есть ли у тебя рабы, чтобы обрабатывать землю, или нет, или ты пользуешься для этого услугами соседей, отвечая им тем же, – я даже этого не знаю, да и знать не желаю. А ты вот, оказывается, знаешь, что я в один и тот же день отпустил в Эе ⁶⁷ на волю трех рабов. Это и было одним из тех обвинений, которые ты подсказал своему

⁶⁶ Поговорка.

⁶⁷ Ныне Триполи. Родной город Пудентиллы, жены Апулея. Писатель поселился там примерно за год до женитьбы и после трехлетнего пребывания в Эе переехал в Карфаген. Это переселение произошло уже после процесса, т. е. после 158 года.

адвокату ⁶⁸ и которые он предъявил мне, хотя сам чуть-чуть раньше заявил, что я прибыл в Эю в сопровождении одного единственного раба. Вот мне и хотелось бы получить от тебя ответ на такой вопрос: как это я умудрился, имея одного, отпустить на волю трех? Разве только и здесь колдовство? Не знаю, что и думать – то ли ложь слепа, то ли таков ее обычай? «Прибыл Апулей в Эю с одним рабом», а затем, протаторив еще два-три слова: «Апулей в Эе за один день отпустил на волю трех». Прибыть с тремя и всех троих освободить – едва ли это правдоподобно! Однако, если бы я именно так и поступил, то почему в трех рабах ты видишь признак бедности, а в трех вольноотпущенных не видишь признака богатства? Не умеешь ты, Эмилиан, вовсе не умеешь обвинять философа, если ставишь мне в упрек малочисленность челяди. Да я славы ради должен был бы даже ложно приписывать себе это качество, потому что, как мне известно, не только философы, последователем которых я себя считаю, но и римские полководцы гордились немногочисленностью своих рабов. Неужели, наконец, даже и того не читали твои адвокаты ⁶⁹, что в доме консуляра Марка Антония ⁷⁰ было

⁶⁸ Т. е. Таннонию Пуденту.

⁶⁹ Помимо основного адвоката, Таннония Пудента, который вел дело, у Эмила-на были, вероятно, вспомогательные обвинители (*subscriptores*), которые и имеют-ся здесь в виду под словом *patroni*.

⁷⁰ Марк Антоний (143 – 87 гг. до н. э.) – знаменитый оратор, дядя триумвира Марка Антония.

только восемь рабов, а у Карбона ⁷¹, того самого, что овладел верховной властью, – на одного меньше; а за Манием Курием ⁷², которому бесчисленные военные награды принесли громкую славу, который трижды прошел как триумфатор под одними и теми же воротами ⁷³, за этим, говорю я, Манием Курием следовало только двое слуг в военном обозе. Таким образом, этот славный муж, победитель сабинян, самнитов и Пирра, имел меньше рабов, чем триумфов. А Марк Катон ⁷⁴, не дожидаясь чужих похвал, сам объявил в своей речи, которую позже записал, что, отправляясь консулом в Испанию, он увез из Рима только трех рабов. Уже добравшись до *villa publica* ⁷⁵, он решил, что для его потребностей этого все же недостаточно, и приказал купить на рабском рынке двух мальчиков; этих пятерых он и увез в Испанию. Если бы Пундент читал обо всем этом, то, на мой взгляд, он либо отказался бы от всякой хулы по этому поводу, или уж, во всяком случае, упрекнул бы меня за моих трех рабов, как за чересчур многочисленную для философа, – а уж никак не мало-

⁷¹ Гней Папирий Карбон – консул 85 и 84 гг. до н. э., виднейший деятель партии Мария.

⁷² См. прим. 33.

⁷³ Триумфальные ворота на Марсовом поле в Риме.

⁷⁴ Марк Порций Катон Старший (234 – 149 гг. до н. э.) – известный римский государственный деятель, сторонник и хранитель древней строгости нравов.

⁷⁵ Так назывался сборный пункт для новобранцев на Марсовом поле. Это было большое здание, где, кроме набора войск, проводили ценз и устраивали приемы в честь иностранных послов.

численную – свиту.

18. Он же попрекнул меня бедностью – обвинение для философа лестное и, более того, такое, о котором следует самому заявить во всеуслышание. В самом деле, бедность – издавна служанка философии. Умеренная, благоразумная, владеющая немногим, ревнующая о доброй славе, она предохраняла от опасностей, связанных с богатством; она равнодушна к своей внешности, в образе жизни – проста, хорошая советчица; никогда и никого не сделала она высокомерным, никого не превратила в раба собственных страстей, никого не ожесточила тиранией. Обжорства и разврата она не желает и желать не может: ведь и эти и другие гнусности – обычно питомцы богатства. Припомни величайших преступников, каких только знает человеческая история, – ты не найдешь среди них ни одного бедняка! И наоборот, среди людей знаменитых нелегко найти богачей, а всякий, кто заслужил наше восхищение чем бы то ни было, – бедность вскормила того с колыбели. Бедность, утверждаю я, была в древние времена основательницей всех государств, изобретательницей всех искусств и ремесел; за ней нет никаких преступлений, она – неисчерпаемый источник всяческой славы, нет народа, который не принес бы ей всех возможных похвал. Поистине, одна и та же бедность у греков в Аристиде ⁷⁶ – справедлива, в Фокионе ⁷⁷ – щедра, в Эпамии-

⁷⁶ Аристид (по прозвищу Справедливый) – знаменитый афинский общественный деятель V в. до н. э.

нонде ⁷⁸ – доблестна, в Сократе – мудра, в Гомере – красноречива. Все та же бедность была основательницей государства римского народа. Вот почему вплоть до сегодняшнего дня, принося жертвы бессмертным богам, пользуются глиняной миской и ложкой ⁷⁹. Да, если бы только судьями на этом процессе заседали Гай Фабриций ⁸⁰, Гней Сципион ⁸¹, Маний Курий ⁸², дочери которых из-за бедности получили приданое в дар от государства и пришли к мужьям, неся славу из дому, а деньги – из государственной казны; Публикола ⁸³, изгнавший царей, и Агриппа ⁸⁴ – умиротворитель народа, оба такие бедняки, что римляне сложились и устроили им похороны вскладчину; Атилий Регул ⁸⁵, клочок земли которого

⁷⁷ Фокион – видный афинский полководец и политик IV в. до н. э.

⁷⁸ Эпаминонд (умер в 362 г. до н. э.) – знаменитый – фиванский государственный деятель и полководец.

⁷⁹ Для возлияний.

⁸⁰ См. прим. 34.

⁸¹ Гней Корнелий Сципион Кальв – консул 222 г. до н. э., дядя Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего.

⁸² См. прим. 33.

⁸³ Публий Валерий Публикола – один из зачинщиков и самых активных участников борьбы против последнего римского царя Тарквиния Гордого: троекратно занимал должность консула в первые годы республики (конец VI в. до н. э.).

⁸⁴ Менений Агриппа – консул 503 г. до н. э. Он выступил в 494 г. посредником между патрициями и плебеями, когда последние удалились из города на Священную гору.

⁸⁵ Марк Атилий Регул – консул 267 и 256 гг. до н. э., знаменитый полководец времен Пунической войны.

по той же причине обрабатывался за счет государства; если бы, наконец, все славные и древние роды консулов, цензоров и триумфаторов, увидев на короткое время свет дня, были посланы сюда и слушали нашу тяжбу, осмелился бы ты перед столькими консулами-бедняками попрекать бедностью философа?

19. Или, может быть, Клавдий Максим кажется тебе подходящим слушателем, чтобы в его присутствии издеваться над бедностью потому лишь, что ему выпало на долю получить большое и богатое наследство? Ошибаешься, Эмилиан, и вовсе не понимаешь этого человека, если меришь его душу, исходя из обильных даров судьбы, а не из принципов философии, если думаешь, что муж столь сурового образа жизни, столько лет прослуживший в войске, не расположен более дружественно к скромной умеренности, чем к изнеженности и богатству, и что он не относится к имуществу, как к тунике, одобряя скорее соразмерность, чем длину. Да, потому что имущество, если его не носят, а волочат, точно Так же, как свисающие края одежды, мешает двигаться и ведет к падению. Ведь все, чем бы ты в жизни ни пользовался, оказывается скорее обременительным, чем полезным, если только выходит за пределы целесообразной умеренности. Поэтому чересчур большие богатства напоминают чудовищно огромные кормила, которые легче топят, чем держат правильный курс: их изобилие – бесполезно, а излишество – вредно. И даже среди самих богачей, насколько я вижу, больше всего

хвалят тех, которые стараются жить тихо, незаметно и умеренно и не выставляют своих возможностей напоказ. Своими богатствами они распоряжаются без похвалы, без высокомерия и скромностью образа жизни напоминают бедняков. А уж если сами богачи стремятся создать какое-то подобие и видимость бедности, как доказательство своей скромности, то зачем же станем стыдиться бедности мы, маленькие люди, мы, которые не притворяемся бедняками, а на самом деле бедны?

20. Впрочем, я могу поспорить с тобой и о самом слове «бедность». Я утверждаю, что никто из нас не может быть назван бедняком, если он отказывается от излишнего и наделен всем необходимым, а природа сводит это к очень немногому. В самом деле, тот будет иметь больше всего, кто меньше всего будет желать, и, разумеется, тот будет иметь, сколько захочет, кто захочет наименьшего. Поэтому мера богатства – не столько земли и доходы, сколько сама душа человека: если он терпит нужду из-за жадности и ненасытен к наживе, то ему не хватит даже золотых гор, он постоянно будет что-нибудь выпрашивать, чтобы приумножить нажитое прежде. Но ведь это и есть настоящее признание в бедности, потому что всякая страсть к стяжательству исходит из предположения, что ты беден, и несущественно, насколько велико то, чего тебе не хватает. У Фила⁸⁶ не было такого состояния, как

⁸⁶ Луций Фурий Фил – консул 136 г. до н. э. Друг Сципиона Младшего.

у Лелия ⁸⁷, у Лелия – как у Сципиона ⁸⁸, у Сципиона – как у Красса Богатого ⁸⁹, но и у Красса Богатого, в свою очередь, не было такого состояния, какого он сам хотел. Таким образом, хоть он и всех превосходил, его самого превзошла собственная алчность, и он казался богатым всем и каждому, но только не самому себе. Наоборот, те философы, о которых я упомянул, не хотели ничего большего, чем то, что у них было, и, соразмеряя желания с возможностями, были богаты и счастливы, законно и по заслугам. Бедняком, если хочешь знать, тебя сделают стремления, которые ты не в силах осуществить, а богачом – удовлетворенность, которую рождает отсутствие потребностей. Действительно, признак нужды – желание, изобилия – сытость. Стало быть, Эмилиан, если хочешь, чтобы меня считали бедняком, тебе придется доказать сначала, что я жаден. Потому что коль скоро в душе я не испытываю недостатка ни в чем, то хватает ли мне вещей, находящихся вне меня, или нет – мне безразлично. В изобилии этих вещей нет никакой заслуги, так же как в недостатке – вины.

21. Но допустим, что обстоятельства сложились иначе,

⁸⁷ Гай Лелий (по прозвищу Мудрый) – консул 140 г. до н. э. Также друг Сципиона.

⁸⁸ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший – консул 147 г. до н. э., разрушитель Карфагена, победитель испанцев (взял штурмом их главную крепость Нуманцию).

⁸⁹ Не знаменитый триумвир, а современник Лелия и Сципиона Публий Лициний Крассе Дивес (т. е. «Богатый») Муцион.

что завистница-судьба сделала меня бедняком и, как это обыкновенно случается, мое богатство отнял у меня опекун, либо похитил враг, либо мне ничего не оставил отец. Пусть так, но можно ли ставить человеку в упрек его бедность, в то время как ни одному из животных, не вменяется это в вину, ни орлу, ни быку, ни льву? Вот, например, конь: коль скоро он обладает присущими ему достоинствами, то есть – тяжести перевозит спокойно, а бегаёт резво, то никто не бранит его, если ему не хватает корма. А ты станешь обвинять меня не за испорченность, проявившуюся в каком-нибудь слове или поступке, но за то, что живу я в доме без украшений, что рабов у меня очень немного, что питаюсь я довольно скудно, довольно просто одеваюсь, довольно редко угощаю друзей? Ну, что ж, каким бы ничтожным ни казалось тебе все это, я многое, напротив, считаю даже излишним и хочу ограничить себя ещё сильнее: я буду тем счастливее, чем умереннее будет мой образ жизни. Ведь для духа, как и для тела, здоровье равносильно полной свободе, а слабость – связанности и скованности, и верный признак немощи – испытывать недостаток во многом. Одним словом, для жизни, как и для плавания, больше пригоден тот, кто менее обременен грузом; да, есть и в этой буре жизни человеческой предметы легкие, которые помогают удержаться на поверхности, есть и тяжелые, которые тянут ко дну. Нас учат, что боги более всего превосходят людей именно тем, что ни в чем не испытывают недостатка и ни в чем не нуждаются. В таком случае

тот из нас, у кого потребности самые незначительные, больше других подобен богам.

22. Вот почему, когда, с целью оскорбить меня, вы заявили, что все мое имущество состояло из сумы да посоха, я принял ваши слова с благодарностью. Ах, если бы я был так велик душою, чтобы не нуждаться ни в каком ином имуществе, кроме этого, и с достоинством носить то же самое снаряжение, которого пожелал для себя Кратет ⁹⁰, добровольно отказавшись от богатства. Кратет, говорю я (а ты, Эмилиан, хочешь – верь, хочешь – не верь), человек богатый и знаменитый, принадлежавший у себя на родине, в Фивах, к числу знатнейших граждан, из любви к тому самому образу жизни, который ты ставишь мне в упрек, роздал народу свое большое и доходное имущество и, отпустив на волю своих многочисленных рабов, сам избрал одиночество; ради одного только посоха он отверг множество плодоносных деревьев, благоустроенные поместья променял на одну маленькую суму; позже, убедившись, насколько она полезна, он прославил ее даже в песне, изменив для этого гомеровы стихи, в которых тот восхваляет остров Крит ⁹¹. Я процитирую начало, не то ты, пожалуй, решишь, что я придумал это в целях защиты:

⁹⁰ Кратет из Фив – знаменитый философ-киник IV в. до н. э. Глава кинической школы после смерти Диогена.

⁹¹ «Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный, Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный; Там девяносто они городов населяют великих», («Одиссея», XIX, 172 – 174. Пер. В. А. Жуковского).

Град есть некий Сума средь мрака и тьмы беспросветной.

Все дальнейшее тоже настолько чудесно сказано, что, прочти ты это, ты больше позавидовал бы моей суме, чем женитьбе на Пудентилле. Ты порицаешь суму и посох философов? Стало быть, ты должен порицать и фалеры⁹² у всадников, и щиты у пехотинцев, и знамена у знаменосцев, и, наконец, белую квадригу и затканную пальмами тогу у триумфаторов⁹³. А впрочем ни сума, ни посох не характерны для школы Платона, они служат отличительным признаком философов кинического направления. Но для Диогена и Антисфена⁹⁴ сума и посох были тем же, что для царей – диадема, для полководцев – военный плащ, для жрецов – шапка из меха⁹⁵, для авгуров – жезл. Диоген, споря с Александром⁹⁶ об истинном характере царской власти, хвастался своим посохом, как если бы это был скипетр. Наконец, сам непобедимый Геркулес (раз уж те, о которых я упомянул, эти жалкие нищие – не правда ли? – вызывают у тебя такое презренье), сам, говорю я, Геркулес, который обошел весь свет, очищая его от чудовищ и покоряя народы, этот бог, незадолго до то-

⁹² Металлические бляхи на груди и на лбу у военных коней.

⁹³ Триумфатор въезжал в Рим на колеснице, запряженной четверкой белых коней. Пальма – символ победы.

⁹⁴ Антисфен из Афин (V – IV вв. до н. э.) – основатель кинической школы, учитель Диогена.

⁹⁵ Такая шапка шилась из шкуры принесенного в жертву животного.

⁹⁶ Александр Македонский.

го, как в награду за геройские подвиги был взят на небо, ходил тем не менее из страны в страну, одетый в одну только шкуру, а вся его свита состояла только из одной палки.

23. Но если все эти примеры ты и в грош не ставишь и если ты вызвал меня сюда не судебным процессом заниматься, а поговорить о размерах моего имущества, то я хочу, чтобы ты узнал все о положении моих дел, разумеется, если ты не осведомлен о них. Так вот, я заявляю тебе, что мне и моему брату осталось от отца что-то около 2 миллионов сестерциев, но эта сумма несколько поуменьшилась из-за моего продолжительного путешествия, длительных занятий науками и подарков, которые я нередко делал людям. Ведь и многим из друзей я оказывал помощь, и многочисленным учителям платил услугами за услуги, а дочерям некоторых из них даже давал приданое. И я, право же, без колебаний затратил бы и все свое наследство, чтобы приобрести себе то, что ценнее презренья к этому наследству, А ты, Эмилиан, и люди твоего сорта, такие же, как ты, необразованные и грубые, вы, действительно, стоите ровно столько, сколько сами имеете, как бесплодное несчастное дерево, которое само не приносит никаких плодов, и красная цена ему – цена древесины в стволе. Так или иначе, Эмилиан, но впредь остерегайся попрекать бедностью кого бы то ни было: ведь ты сам вплоть до недавнего времени в одиночку, с помощью единственного ослика за три дня вспахивал в дождливую пору свой клочок

земли возле Зарата ⁹⁷. И не так уже много времени прошло с тех пор, как поумирали один за другим многие из твоих родственников и тебе совершенно незаслуженно досталось в наследство их имущество. Отсюда-то главным образом (а не только из-за твоей отталкивающей наружности) и прозвище у тебя – Харон.

24. Что же касается моей родины, то вы ⁹⁸, ссылаясь на мои собственные сочинения, указали, что она расположена на самой границе Нумидии ⁹⁹ и Гетулии ¹⁰⁰. Да, выступая публично в присутствии знаменитого Лоллиана Авита ¹⁰¹, я прямо заявил, что я полунумидиец-полугетулиец. Но я не вижу, что позорного для меня в этом обстоятельстве, как не вижу никакого позора и для Кира Старшего, в том, что родом он был полумидянин-полуперс. Не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь. Зеленщик и кабатчик вправе хвалить свои овощи и вино, ссылаясь на превосходство почвы в той или иной стране. Они говорят: вино

⁹⁷ По-видимому, деревушка близ Эй.

⁹⁸ Т. е. обвинители.

⁹⁹ Страна в Северной Африке. Приблизительно совпадает с территорией нынешнего Алжира.

¹⁰⁰ Часть древней Мавритании, южная часть нынешнего Марокко и западного Алжира. Родина Апулея, Мадавры (ныне Мдауруш), находилась в южной части Нумидии.

¹⁰¹ Предшественник Клавдия Максима на посту правителя Африки, Лоллиан Авит был консулом в 144 г.

– фасосское ¹⁰², овощи – флиунтские ¹⁰³. Действительно, особенно тонкий вкус этим питомцам земли в первую очередь сообщают плодородие страны, богатое дождями небо, мягкий ветерок, ясное солнышко, влажная почва. Но человеческая душа, которая извне вселяется во временное пристанище тела! Могут ли все эти обстоятельства хоть сколько-нибудь увеличить ее хорошие или дурные качества или как-нибудь уменьшить их? Разве самые разнообразные таланты встречаются не у всех народов, хотя одни из них как будто отличаются особенной глупостью, а другие – умом. Среди тупо-умнейших скифов родился мудрый Анахарсис ¹⁰⁴, а среди смышленных афинян – дурак Мелетид ¹⁰⁵...

Но не потому сказал я все это, что стыжусь своей родины, нет – мне не пришлось бы краснеть за нее, будь мы даже еще сегодня городом Сифака ¹⁰⁶. Впрочем, после того, как Сифак потерпел поражение, мы перешли к царю Масиниссе ¹⁰⁷, как подарок от римского народа, а затем наш город был

¹⁰² Фасосское вино (о-в Фасос лежит в Эгейском море у берегов Фракии) древние высоко ценили.

¹⁰³ Флиунт – город в северо-восточной части Пелопоннеса.

¹⁰⁴ Анахарсис – скифский царевич, который в поисках мудрости прибыл в Афины, где стал другом Солона.

¹⁰⁵ Мелетид – афинянин, глупость которого вошла в поговорку. Он не умел считать дальше пяти и не мог отличить своего отца от матери.

¹⁰⁶ Нумидийский царь, союзник римлян во II Пунической войне, перешедший в конце войны на сторону карфагенян.

¹⁰⁷ Масинисса – царь Западной Нумидии. Во время II Пунической войны он

как бы вновь основан, и мы стали блистательной колонией военных ветеранов. В этой колонии мой отец занимал высочайший пост дуумвира ¹⁰⁸, пройдя предварительно через все почетные должности. Положение, которое отец приобрел в этом городе, я храню не менее достойно, чем он сам, с тех пор, как я начал принимать участие в заседаниях сената ¹⁰⁹, пользуясь при этом, как я надеюсь, таким же почетом и доброй репутацией. Но для чего, в конце концов, я рассказал обо всем этом? Для того, чтобы ты, Эмилиан, не так сердился на меня и поскорее оказал бы мне снисхождение, раз уж я, может быть, по моей беспечности, не избрал местом своего рождения твой Зарат – этот светоч аттицизма.

25. Неужели вам не стыдно в присутствии такого человека, как Клавдий Максим, так упорно обвинять меня во всем этом? Ведь вы говорите о пустяках, которые, вдобавок, еще и противоречат друг другу, и тем не менее вы нападаете и на то и на другое! Как бы то ни было, но вы ставите мне в вину вещи прямо противоположные: суму и палку – как признак суровости, песни и зеркало – жизнерадостности; одного раба – как проявление скупости, трех вольноотпущенников – расточительности; наконец, красноречие греческое, а родину – варварскую... Очнитесь, очнитесь же и подумайте о том,

поддерживал сначала Карфаген, а потом Рим.

¹⁰⁸ Дуумвиры – высшие должностные лица в колонии.

¹⁰⁹ Дети знати допускались к участию в заседаниях сената колонии с правом совещательного голоса.

что вы говорите в присутствии Клавдия Максима, человека строгого и занятого Делами всей провинции! Бросьте, говорю вам, эту бессмысленную клевету! Подавайте-ка сюда ваши обвинения – все эти лютые преступления, невероятные злодеяния, безбожные занятия! Почему в вашей речи доказательства завяли, а крик пышно расцвел?

Теперь я приступаю к самому обвинению в магии; его запалили с невероятным шумом, чтобы возбудить ненависть ко мне, но, вопреки всеобщим ожиданиям, огонь поддерживали какими-то бабьими сказками, и все обвинение сгорело дотла. Ты видел когда-нибудь, Максим, как пламя, охватив солому, звонко потрескивает, далеко бросает свой отблеск и быстро растет? Но вот – легкая солома сгорела, пламя угасло, и от костра ничего не осталось. Вот тебе обвинение того же сорта – оно начинается с брани, многословно, но бездоказательно, а после твоего приговора оно исчезнет, не оставив после себя никаких следов клеветы. Все это обвинение направлено у Эмилиана к одной цели – доказать, что я маг; и поэтому мне хочется спросить у его учнейших адвокатов: что такое маг?

Ведь если, как читал я у многих писателей, на языке персов «маг» – то же самое, что наше «жрец», что же это, в конце концов, за преступление – быть жрецом, изучить, как принято, законы священных обрядов, правила жертвоприношений, различные религиозные системы, понимать их и хорошо в них разбираться? А если магия – это то, что понима-

ет под этим словом Платон, упоминая, каким наукам обучают персы юного наследника царского престола... но память моя в точности запечатлела слова божественного мужа, а ты, Максим, припомни их вместе со мной:

«Когда же ребенок достигает возраста 14 лет, его берут к себе те, кого они называют царскими педагогами. Это четверо избранных персов, самые знаменитые люди своего поколения: самый мудрый, самый справедливый, самый благоразумный и самый мужественный. Один из них учит и магии, науке Зороастра, сына Оромаза, иными словами – почитанию богов. Учит он и искусству царствовать»¹¹⁰.

26. Слышите ли вы, безрассудные обвинители магии? Это – наука, угодная бессмертным богам, обладающая знанием того, как чтить их и поклоняться им. Она безусловно священна, и божественное ведомо ей, она знаменита еще со времен Зороастра и Оромаза ¹¹¹, своих основателей. Она – жрица небожителей, ее изучают как одну из наук особенно необходимых царю, и у персов не разрешают сделаться магом первому встречному, как не разрешают ему и стать царем. Тот же Платон в другом своем диалоге так написал о некоем Залмоксе, родом фракийце, но занимавшемся тою же нау-

¹¹⁰ Платон, «Алкивиад», I, р. 121 E

¹¹¹ Зороастр (Заратустра) – реформатор древнеперсидской религии, главным богом который был Оромаз (Ормузд); Апулей вслед за Платоном считает Оромаза человеком, отцом Зороастра.

кой: «Заговоры – это прекрасные слова» ¹¹². А раз так, то почему бы мне и не знать прекрасных слов Залмокса или жреческого искусства Зороастра?... Но если, вместе с толпой, мои обвинители думают, что маг это только тот, кто вступил в общение с бессмертными богами, узнал какой-то невероятной силы заклинания и поэтому может исполнить все, чего ни пожелает, то я чрезвычайно изумлен, как они не побоялись обвинять человека, который, по их же собственным словам, обладает такой безграничной властью. Да, потому что столь таинственное и божественное могущество нельзя сравнивать ни с чем остальным, и от него не уберешься. Если кто-нибудь привлечет к суду убийцу, то появляется на улице с провожатыми; кто обвиняет отравителя, бывает особенно осторожен в еде; кто уличит вора, оберегает свое имущество. Но уж если кто-нибудь посягнет на жизнь мага (я употребляю это слово в том смысле, какой ему придают они), то какими провожатыми, какими предосторожностями, какой охраной сумеет этот человек предотвратить невидимую и неизбежную гибель? Разумеется, никакими. Вот почему обвинять в таких преступлениях значит не верить в них.

27. Однако из-за какого-то общего для невежественных людей заблуждения философы нередко подвергаются подобным обвинениям. Те из них, что исследуют простые и непосредственные причины существования тел (и поэтому о них ходят слухи, что они отрицают богов), считаются нечестив-

¹¹² Платон, «Хармид», р. 157 А

цами, например Анаксагор, Левкипп, Демокрит, Эпикур и остальные защитники природы. Других же философов, тех, что с особенной пытливостью изучают царящее в мире провидение и особенно часто прославляют богов, их-то как раз и называют магами (в ходячем смысле слова), как будто, коль скоро им известно то, что совершается, так они и сами могут совершать то же самое. Таковы некогда были Эпименид ¹¹³, Орфей, Пифагор, Остан ¹¹⁴, а затем приблизительно тем же подозрениям подвергались «Очищения» Эмпедокла ¹¹⁵, Демонион Сократа ¹¹⁶, то то ἄυαθον Платона ¹¹⁷. В таком случае я поздравляю себя, потому что и я оказываюсь в числе столь великого множества столь знаменитых людей.

Впрочем, сами факты, на которые они опираются, чтобы доказать мою вину, – ничтожны и нелепы, и, признаюсь, я опасуюсь, как бы ты не признал преступным в них только то,

¹¹³ Эпименид – критский жрец и философ. В 596 г. до н. э., как рассказывает греческий писатель III в. н. э. Диоген Лаэртский (I, 109 ел.), очистил Афины от Килоновой скверны (так называлось проклятие, тяготевшее над убийцами и потомками убийц, умертвивших в 612 г. до н. э. участников заговора Килона, которые искали спасения у алтарей богов).

¹¹⁴ Об Остане нам почти ничего не известно. Лексикограф Свида считает даже, что «остан» – имя нарицательное.

¹¹⁵ Философ Эмпедокл написал книгу «Очищения», от которой е сохранилось почти ничего.

¹¹⁶ Знаменитое божество Сократа. По словам философа, это был какой-то внутренний голос, удерживавший его от дурных поступков (см., например, Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе» I, 1).

¹¹⁷ Благо, которое Платон отождествляет с Демиургом (см. диалог «Тимей»).

что они выдвинуты как судебные доказательства. «Почему, – спрашивает он, – ты разыскивал некоторые сорта рыб?» Как будто философ из любви к знанию не имеет права делать то, что может делать изнеженный обжора из любви к собственному брюху! «Почему свободная женщина вышла за тебя замуж после 14 лет вдовства?» Как будто не заслуживает еще большего удивления то, что она столько лет не выходила замуж! «Почему, прежде чем выйти за тебя замуж, она высказала в письме какое-то свое личное мнение?» Как будто кто-нибудь обязан давать отчет о причинах чужих мнений! «Но ведь она старше тебя и все же не отвергла молодого человека...» Да разве уже само это обстоятельство не служит доказательством, что нет никакой нужды в магии, чтобы женщина вышла замуж за мужчину, вдова – за холостяка, пожилая – за молодого?... А вот еще одно обвинение того же сорта: «Есть в доме у Апулея какой-то предмет, который он благоговейно чтит». Как будто не большее преступление вовсе не знать никакой святыни! «В присутствии Апулея упал мальчик». Ну, а что, если бы молодой человек, что, если бы даже старик упал у меня на глазах либо под бременем болезни, либо поскользнувшись на гладком полу?... Так вот какие аргументы служат у вас доказательством моих занятий магией: паденье ребенка, брак женщины и рыбная закуска!

28. Я мог бы, право же, ничем не рискуя, ограничиться тем, что уже сказал, и закончить речь. Но так как, из-за размеров обвинения, в моем распоряжении еще вдоволь воды

¹¹⁸, рассмотрим, пожалуй, если вам угодно, каждый факт в отдельности. И я не стану отрицать ни одного из поступков, которые вменяют мне в вину, будь это правдой или ложью; допустим, что все это действительно случилось; пусть все присутствующие, которые в огромном количестве собрались отовсюду послушать наш процесс, ясно поймут, что против философов невозможно, я уже не говорю, привести истинных фактов, но даже придумать какую-либо ложь: совершенно уверенные в собственной невинности, они все же предпочитают защищаться, хотя могли бы просто все отрицать. Так вот, прежде всего я опровергну их доводы и докажу, что все это дело не имеет ничего общего с магией. Затем, окажись я даже самым великим магом на свете, я все же ясно покажу, что не было ни малейшего основания, ни малейшего повода привлекать меня к суду за какое-нибудь злодеяние. Дальше я скажу о не заслуженной мною ненависти, о письмах жены, неверно прочтенных и еще хуже истолкованных, о моем браке с Пудентиллой; я докажу, что вступил в него скорее из чувства долга, чем из корыстолюбия. Каких только беспокойств, каких мучений не доставил Эмилиану наш брак! Он-то и оказался причиной этого обвинения, которому я подвергся, и причиной его гнева, его ярости, его безумия, наконец. Если все это я установлю точно и неопровер-

¹¹⁸ Стороны на суде имели право говорить ограниченное время, причем обвиняемый получал времени в несколько раз больше, чем обвинитель. Измеряли время с помощью водяных часов – клепсидры, поэтому Апулей и говорит, что у него «еще много воды». Описание клепсидры см. в «Метаморфозах», III, 3.

жимо, тогда лишь, Клавдий Максим, я призову в свидетели тебя и всех здесь присутствующих, что тот мой пасынок Сициний Пудент, под прикрытием и с согласия которого его дядя обвиняет меня, был совсем недавно вырван из-под моей опеки (после того, как умер брат его Понтиан, и старший по возрасту, и лучший по характеру); что, воспользовавшись этим, в нем возбудили безбожную злобу против меня и родной матери; что, не по моей вине, оставив занятия, подобающие свободному человеку, и презрев всякое образование, он уже первыми своими шагами, этим преступным обвинением, станет похож скорее на своего дядю Эмилиана, чем на брата Понтиана.

29. Теперь я перехожу, как и решил, ко всем бредням этого самого Эмилиана. Я начну с того, что, как ты слышал, он поторопился выложить прежде всего, считая, по-видимому, эти свои соображения самой основой для подозрений в магии. Я, де, за плату разыскивал через каких-то рыбаков определенные сорта рыб. Но какое же из этих двух обстоятельств способно вызвать подозрение в магии? Не то ли, что рыбу для меня искали рыбаки? Ну, конечно, следовало поручить эту работу вышивальщикам или плотникам. Если бы я захотел избежать ваших наветов, мне пришлось бы так изменить задачу каждого ремесла, чтобы плотник ловил у меня неводом рыб, а рыбак, наоборот, – обтесывал бревно... Или вы потому решили, что рыбешек разыскивали для злодеяния, что их разыскивали за деньги? Разумеется, я раздобыл бы

их даром, если бы они были нужны мне для пира. Так что же вы не уличили меня еще во многом другом? Ведь я часто покупал за деньги и вино, и зелень, и фрукты, и хлеб! В этом случае ты обрекаешь на голод всех, изготавливающих лакомства: кто осмелится покупать у них продовольствие, если установлено, что все съестные припасы, которые приобретают за деньги, нужны не для обеда, а для магии? А если не остается никакого места для подозрений ни в том, что рыбакам предлагают за деньги заниматься обычным для них делом – ловить рыбу (рыбакам, которых они ¹¹⁹ все же не привели как свидетелей, потому что таких рыбаков и не существует), ни в том, что за товар заплатили определенную сумму (величину которой они ¹²⁰ все же не назвали, чтобы умеренную цену не пропустили равнодушно мимо ушей, а к чересчур большой – не отнеслись с недоверием), если все это, говорю я, не вызывает ни малейшего подозрения, то пусть Эмилиан ответит мне, что за убедительный довод побудил его обвинить меня в магии?

30. «Ты разыскиваешь рыб», – говорят мне. Я не намерен отрицать этого, но скажи, пожалуйста, значит, тот, кто разыскивает рыб, – маг? Не в большей степени, на мой взгляд, чем если б я разыскивал зайцев, вепрей или каплунов ¹²¹. Или, быть может, одни только рыбы несут в себе нечто,

¹¹⁹ Обвинители.

¹²⁰ Обвинители.

¹²¹ Мясо этих животных высоко ценилось гурманами

скрытое от других, но известное магам? Если ты знаешь, что это такое, то ты маг, и это несомненно; а если не знаешь, то тебе придется сознаться, что ты обвиняешь в том, чего сам не знаешь... Неужели вы до такой степени незнакомы со всеми науками, и даже, наконец, со всеми ходячими рассказями, что не в состоянии придать хоть видимость правдоподобия вашим измышлениям? Да и каким образом способна разжечь любовный пыл глупая и холодная рыба или вообще любой найденный в море предмет? Разве только то ввело вас в заблуждение, что Венера, как говорят, рождена морем?! ¹²². Узнай же, Танний Пудент, как велико было твое невежество, когда ты рассчитывал извлечь из рыб доказательство занятий магией. Если бы ты читал Вергилия, то несомненно знал бы, что эти занятия требуют совсем других вещей. Действительно, насколько мне известно, поэт перечисляет ¹²³ мягкие повязки ¹²⁴, пышные ветви ¹²⁵, лучший ладан ¹²⁶, разноцветные нити ¹²⁷, затем – сухой лавр ¹²⁸, быстро

¹²² См. прим. 34 к кн. II «Метаморфоз».

¹²³ «Буколики», VIII, 69 ел.

¹²⁴ Ими украшали алтарь, на который возлагались магические приношения.

¹²⁵ Ветви деревьев вообще играли важную роль в религиозных обрядах, так как многие деревья были посвящены богам (например, лавр – Аполлону).

¹²⁶ Сжигание ароматических веществ, в частности – ладана, было составной частью жертвоприношения божеству. Ср. Лукиан, «Зевс-трагик», 15.

¹²⁷ Такие нити выполняли роль амулетов; особенное значение имел черный цвет

¹²⁸ Сухие листья лавра сжигали, написав на них имя человека (это должно было

твердеющую глину ¹²⁹ и быстро плавящийся воск ¹³⁰, а кроме того, еще другие средства, которые он описывает в своей глубокомысленной поэме:

В дело идут, при луне серпами медными жаты,
Травы, что в соке молочном губительный яд источают,
Также берется нарост волшебный ¹³¹ со лба жеребенка
Новорожденного, отнятый у кобылицы... ¹³²

А ты, рыбий обвинитель, наделяешь магов совсем другими средствами: эти средства не снимают, оказывается, с нежных лбов, а сдирают с чешуйчатых хребтов, не срывают в поле, а вытаскивают из пучины, не скашивают серпами, а подцепляют крючками. Наконец, говоря о колдовстве, Вергилий называет яд, ты – порошок, он – травы и сучья, ты – чешую и кости, он скашивает луг, ты обшариваешь волну.

Я напомнил бы тебе о таких же точно местах у Феокрита, затем – у Гомера, у Орфея (у него их множество!); я без конца цитировал бы греческие комедии и трагедии, истори-

принести ему несчастье).

¹²⁹ По-видимому, чтобы достать отпечаток ноги человека. Верили, что человек начинает сохнуть, когда такой след на глине обожгут на огне.

¹³⁰ Из воска делали изображение любимого, которого хотели привязать к себе, или врага, которого хотели погубить.

¹³¹ Речь идет о так называемом *hippomanes*, т. е. мясистом наросте на лбу новорожденного жеребенка. Считали, что если этот нарост не срезать, то мать откусывает и пожирает его.

¹³² «Энеида», IV, 513 – 515.

ческие сочинения, если бы не обнаружил недавно, что ты не сумел прочесть письма Пудентиллы, написанного по-гречески. Ну, что ж, приведу еще одного латинского поэта. А вот и сами стихи, их узнают те, кто читал Левия ¹³³:

Есть много приворотных средств,
Их можно всюду отыскать:
Сучочки, ногти, антипат ¹³⁴,
Пилюльки, травы, корешки,
Двухвостых ящериц соблазн,
И лошадей любовный пыл ¹³⁵.

31. Вот ты бы и выдумал, если б был хоть капельку образован, будто все это, или что-нибудь вроде этого, а вовсе не рыб, я разыскиваю (так было бы куда правдоподобнее, а общераспространенность подобных взглядов, может быть, и заставила бы людей поверить тебе). И правда, для чего еще пригодна пойманная рыба, кроме как для того, чтобы сварить ее и съесть? А что касается магии, то для нее, на мой взгляд, рыбы совсем бесполезны. И вот откуда у меня это предположение. Многие считали Пифагора последователем

¹³³ Левий (р. в 129 г. до н. э.) – первый представитель александризма в римской поэзии. Написал «*Erotopaegnia*» («Любовные шутки»), откуда, может быть, и взята эта цитата.

¹³⁴ Греческое слово, которое, по-видимому, означает средство, вызывающее чувство взаимности.

¹³⁵ Возможно, упомянутый выше *hippomanes*, но, может быть, – называвшаяся тем же именем трава, возбуждающе действующая на кобылиц.

Зороастра и, подобно ему, человеком искусным в магии. Тем не менее сохранилось воспоминание, что Пифагор, заметив вблизи Метапонта ¹³⁶, на побережье своей родной Италии, которую он сделал как бы второй Грецией, каких-то рыбаков, тянувших невод, купил судьбу этого улова и, уплатив деньги, приказал немедленно освободить из сетей и вернуть пучине пойманных рыб. Разумеется, он не выпустил бы этих рыб из рук, если бы в них, по его сведениям, было что-нибудь полезное для магии. Но этот муж, обыкновенно ученый и ревностный подражатель древним, вспомнил, что Гомер, поэт, обладавший самыми разнообразными познаниями или даже, скорее, знавший все без исключения, приписывал всю силу магических снадобий не морю, а земле. Вот как упоминает он об одной колдунье:

«Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает» ¹³⁷.

И точно так же – где-то в другой песне:

*«...земля там богато-обильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых».*
¹³⁸.

¹³⁶ Город в Южной Италии.

¹³⁷ «Илиада», XI, 741. Пер. Н. И. Гнедича.

¹³⁸ «Одиссея», IV, 229 – 230. Пер. В. А. Жуковского.

По Гомеру, никогда никакого снадобья, полученного из моря или из рыб, не применял Протей для колдовства над своим обличем¹³⁹, Улисс – над ямой¹⁴⁰, Эол – над кожаным мехом¹⁴¹, Елена – над кратером¹⁴², Цирцея – над кубком¹⁴³, Венера – над поясом¹⁴⁴. Насколько хватает памяти, вы одни такие нашлись, чтобы перенести могущество трав, корней, сучков, камешков, как бы обращая природу в хаос, с вершин гор в море и зашить это могущество в рыбы желудки. В таком случае, если раньше было принято призывать при магических обрядах Меркурия – переносчика заклинаний, и соблазнительницу душ Венеру, Луну, соучастницу ночей, и владычицу теней Тривию¹⁴⁵, то отныне Нептуна с Салацией¹⁴⁶, Портуном¹⁴⁷ и всем хором Нереид перенесут из-за вас от бурь морей к бурям страстей.

32. Я сказал, почему, на мой взгляд, магам нет никакого дела до рыб. Теперь, если угодно, поверим Эмилиану и до-

¹³⁹ См. «Одиссея», IV, 364 ел.

¹⁴⁰ См. «Одиссея», XI, 25 ел.

¹⁴¹ См. «Одиссея», X, 19 ел.

¹⁴² См. «Одиссея», IV, 219 ел.

¹⁴³ См. «Одиссея», X, 234.

¹⁴⁴ В поясе Венеры (Афродиты) заключены все любовные чары (ср. песнь XIV «Илиады» – «Обольщение Зевса»).

¹⁴⁵ Диана (Геката), которая называлась Тривией из-за того, что ее храмы воздвигались на перекрестках дорог (triviura).

¹⁴⁶ Салация – богиня бурного моря.

¹⁴⁷ Портун – римский бог портов и пристаней.

пустим, что и рыбы обыкновенно служат целям магии. Что ж, стало быть, всякий, кто разыскивает рыб, и сам – маг? Но в таком случае, кто станет разыскивать миопарон ¹⁴⁸, окажется пиратом, лом – взломщиком, а меч – убийцей. Ты не назовешь ни одной вещи настолько безопасной, чтобы она не могла кому-либо каким-нибудь образом повредить, ни настолько приятной, чтобы она не могла принести кому-нибудь огорчения. Однако не привязывают же из-за этого ко всему нелепых обвинений! И разве стал бы ты считать, что ладан, душистую кассию, мирру и остальные благовония того же рода, которыми пользуются и для приготовления лекарств, и для жертвоприношений, покупают только для похорон?! Впрочем, на основании того же «рыбьего» доказательства магами будут, по-твоему, и спутники Менелая, которые, как говорит замечательный поэт ¹⁴⁹, с помощью изогнутых крючков боролись с голодом близ острова Фароса. Даже нырков, дельфинов и краба ты запишешь в маги, даже всех обжор, на которых наживаются рыбаки ¹⁵⁰, и даже самих рыбаков, которые в силу своего ремесла добывают рыбу всех сортов. «Почему же ты разыскиваешь рыб в таком случае?» Я не желаю и не обязан отвечать тебе. Нет, ты лучше докажи, если можешь, собственными средствами, что я разыскивал

¹⁴⁸ Миопарон – легкое небольшое судно, часто употреблявшееся пиратами.

¹⁴⁹ Гомер, «Одиссея», IV, 368 – 369.

¹⁵⁰ В древности рыба была одним из самых любимых лакомых блюд, и редкие сорта ее ценились очень высоко.

рыб для той именно цели, о которой ты говоришь. Допустим, что я покупал бы эллебор¹⁵¹ или цикуту, или маковый сок, или другие подобные средства, которые при умеренном употреблении – полезны, а в смеси или в большем количестве – вредны; кто мог бы равнодушно стерпеть, если бы ты под этим предлогом привлек меня к суду по делу об отравлении, потому что этими снадобьями можно умертвить человека?

33. Посмотрим, однако, что это были за сорта рыб, в которых я так остро нуждался и которые попадают так редко, что человек, доставивший их, заслуживает вознаграждения. Они назвали в общем три сорта, один – заблуждаясь, а два – клевета. Заблуждались они, называя морским зайцем¹⁵² то, что было совсем другой рыбой, которую без всякого принуждения с моей стороны принес мне посмотреть (как вы слышали это от него самого) мой раб Темисон¹⁵³, хорошо разбирающийся в медицине. А зайца он все еще не нашел. Но я признаюсь, что разыскиваю и другие сорта и даю поручения не только рыбакам, но и своим друзьям, с тем чтобы, если им попадется на глаза какая-нибудь малоизвестная рыба,

¹⁵¹ *Helleborus orientalis* Willd. Другое название этой травы – чемерица. Ее применяли как средство против душевных болезней, а также как слабительное и рвотное.

¹⁵² *Aplysiadepilans* L., ядовитый моллюск, широко распространенный в Средиземном море.

¹⁵³ Это имя носил знаменитый врач из Лаодикеи (I в. до н. э.), который впервые применил пиявки. Древние любили давать рабам, опытным в каком-либо ремесле или искусстве, имена знаменитых представителей этой профессии.

они либо описывали мне ее внешний вид, либо показывали ее самое, если можно – живьем, если нет – то хотя бы мертвую. Почему я так поступаю, я скоро объясню... А солгали мои хитроумнейшие обвинители – ведь таковыми они сами себя считают – когда для пущей клеветы выдумали, будто я разыскиваю два морских существа с непристойно звучащими названиями. Хоть этот Танноний и желал дать понять, что речь идет о детородных органах обоих полов, но вымолвить эти названия, из-за отсутствия дара речи, наш великий адвокат не сумел. После долгих колебаний, прибегнув к какой-то скверной и грязной перифразе, он все же назвал то морское существо, которое именем подобно мужскому органу; что касается женского органа то не находя никакого способа выразиться прилично, он обратился к моему сочинению, процитировав из какой-то моей книги: «Пусть и преградой бедра и завесой ладони прикроет то, что заключено у нее меж бедрами»¹⁵⁴.

34. Как человек безупречной нравственности, он пытался найти доказательства моей порочности и в том, что я, мол, не стесняюсь в благопристойных якобы выражениях, говорить о вещах чрезвычайно неприличных. Напротив, я, с большим правом, мог бы упрекнуть его в том, что, всенародно объявляя красноречие своей профессией, он неприлично пусто-словит даже о предметах благопристойных и часто, в делах совсем несложных, что-то невнятно лепечет, если только во-

¹⁵⁴ Цитата из недошедшего сочинения.

все не безмолвствует. Но послушай-ка, а что, если б я ничего не сказал о статуе Венеры ¹⁵⁵ и не употребил бы слова «междедрие», в каких выраженьях составил бы ты тогда это обвинение, одинаково достойное и твоей глупости и твоего дара речи? Да и может ли быть что-нибудь глупее, чем предполагать сходную сущность у самих вещей из-за близости их названий? Должно быть, открытие ваше показалось вам чрезвычайно глубокомысленным, и вы вообразили, будто для магических обольщений я разыскивал те два морских существа, которых называют «веретилла» и «виргинал» ¹⁵⁶. Да, да, вот тебе их латинские названия: я для того назвал их иначе, чтобы ты продолжал свое обвинение, обогащенный новыми знаниями. Помни, однако, что приводить в качестве доказательства слухи, будто я раздобываю для любовных дел морские существа, носящие неприличные названия, столь же нелепо, как если бы ты сказал, будто морской гребень ¹⁵⁷ добывают для причесывания волос, рыбу-ястреба ¹⁵⁸

¹⁵⁵ Вероятно, речь идет о Венере Книдской.

¹⁵⁶ Что это за рыбы – неясно. Возможно, что последняя – то же, что морской заяц. Вопреки уверениям Апулея, вполне вероятно, что они употреблялись для составления приворотных зелий именно из-за «близости» названий, так как известно, например, что *herba scorpio* употреблялась как средство от укусов скорпиона.

¹⁵⁷ *Pecten*, род пластинчато-жаберных моллюсков с гребенчатой двустворчатой раковиной.

¹⁵⁸ *Trigla*, род рыб из отряда панцырнощеких.

– для охоты на птиц, рыбу-кабанка ¹⁵⁹ – для погони за кабаном, а рыбу-череп ¹⁶⁰ – для заклинания мертвых. Одним словом – вот вам мой совет на эту часть обвинения, настолько же нелепо придуманную, насколько бессмысленную: этой морской дряни и береговых отбросов я не разыскивал ни за деньги, ни даром.

35. А затем – еще один ответ: не знали вы того, что именно, – если верить вашим измышлениям, – я старался раздобыть. Да, потому что та мелочь, о которой вы упомянули, грудками, кучами валяется на всех побережьях в огромном количестве, и самый незначительный прибой, без чьей-либо помощи, выносит ее на берег. Так почему бы вам заодно не сказать, что, щедро расплачиваясь с целой флотилией рыбацких судов, я стараюсь получить с берега покрытых бороздками улиток, ракушки с обтертыми краями и обточенные камешки? А кроме того – клешни крабов, скорлупки морских ежей, щупальцы каракатиц, затем – обломки, стебельки, веревочки и червеобразных пергамских устриц, наконец – мох, морскую траву и остальные отбросы моря, которые где угодно выбрасывает на берег ветер, выплевывает морская зыбь, носит по волнам буря и оставляет без движения тихая погода? Ведь те вещи, о которых я упомянул, могут, если судить по названиям, вызвать ничуть не меньшие подозрения... Вы утверждаете, что на любовные дела оказы-

¹⁵⁹ Предположительно, *Trigla lyra* L.

¹⁶⁰ Что это за рыба – неизвестно.

вают влияние вытасщенные из моря существа из-за сходства их названий с фаллом и гениталиями ¹⁶¹; так почему же камешку с того же берега не оказывать влияния на мочевой пузырь ¹⁶², раковине – на завещание ¹⁶³, раку – на язву ¹⁶⁴, а морской траве – на бросающую в озноб лихорадку? ¹⁶⁵ Да, Клавдий Максим, ты даже слишком терпеливый человек, а доброта твоя, право же, неистошима, если ты так долго, клянусь богом, переносил всю эту их аргументацию. А я, когда они говорили об этом, как о чем-то важном и легко доказуемом, над их глупостью смеялся, а твоему долготерпению изумлялся.

36. Почему, однако, я изучил уже очень большое количество рыб, причем есть среди них такие, что не знать о них ничего вплоть до этой минуты мне бы не хотелось? Пусть Эмилиану станет известна причина – ведь он так заботится о моих делах! Хоть он уже и в преклонном возрасте и от старости одряхлел, пусть все же, если не возражает, поучится, правда

¹⁶¹ Едко иронизируя, Апулей употребляет синонимы слов «веретилла» и «виргинал», чтобы обозначить ими тех же рыб, о которых он говорил в предыдущей главе.

¹⁶² Намек на камни в мочевом пузыре.

¹⁶³ Непереводаемая игра слов: раковина по-латыни *testa*, а завещание – *testamentum*.

¹⁶⁴ Имеется в виду, надо полагать, раковая опухоль (по-гречески – *χαρχίνομα*, а рак – *χαρχίνοσ*). В латинском тексте игра слов не выдержана.

¹⁶⁵ Непереводаемая игра слов: морская трава – *alga*, а «холодный» по-латыни – *algidus*.

– явно с опозданием и в последний раз в жизни. Пусть почитает сочинения древних философов и поймет, в конце-то концов, что не я первый занялся этими исследованиями, но, еще задолго до меня, мои предшественники: я говорю об Аристотеле, Теофрасте ¹⁶⁶, Эвдеме ¹⁶⁷, Ликоне ¹⁶⁸ и остальных последователях Платона, которые оставили очень много книг о размножении животных, об их образе жизни, о частях их тела и о всех различиях между ними. Хорошо, Максим, что дело разбирается в твоём присутствии: такой образованный человек, как ты, несомненно читал огромные томы сочинений Аристотеля: «*О происхождении животных*», «*Об анатомии животных*», «*Об истории животных*», а кроме того – бесчисленные «Проблемы» ¹⁶⁹ того же философа и затем – сочинения представителей этой же школы, в которых рассматриваются разнообразные вопросы подобного рода. Если для них было делом почетным и славным описывать результаты своих изысканий, которые велись с таким усердием, то как могут эти исследования оказаться позором

¹⁶⁶ Теофраст (372 – 287 гг. до н. э.) – ученик и друг Аристотеля. Из его многочисленных сочинений по зоологии (ни одно из них не дошло) самым большим было «О животных».

¹⁶⁷ Эвдем Родосский (IV в. до н. э.) – друг и ученик Аристотеля. От его сочинений не осталось даже фрагментов.

¹⁶⁸ Ликон из Троады был одно время (около 270 г. до н. э.) главой перипатетической школы. О его исследованиях в области зоологии Моі не знаем ничего.

¹⁶⁹ Из четырех упомянутых сочинений не дошло второе и сомнительна принадлежность Аристотелю четвертого.

для меня? В особенности, если я прилагаю все усилия, чтобы более правильно и сжато написать то же самое по-гречески и по-латыни, повсюду добавляя пропущенное или восполняя недостающее. Позвольте, если есть время, прочитать что-нибудь из моих «магических» сочинений, чтобы Эмилиан понял, что я изучаю и тщательно исследую нечто большее, чем он полагает. Возьми-ка ты одно из моих греческих сочинений (они случайно оказались здесь ¹⁷⁰ у моих друзей – ревностных испытателей природы), а лучше всего – то, где много написано о рыбах. Тем временем – пока он ищет – я приведу один пример, подходящий к нашему делу.

37. Поэт Софокл, современник Эврипида, переживший его – ведь он дожил до глубокой старости, – обвиненный родным сыном в безумии (тот утверждал, что преклонный возраст отнял у отца разум), предъявил, как рассказывают, судьям своего «Колонца» ¹⁷¹, замечательную трагедию, которую он как раз в то время писал. Прочитав ее судьям, Софокл не прибавил ни слова больше в свою защиту. Он сказал только, чтобы судьи смело осудили его как безумца, если им не нравятся стихи старика. Тогда все судьи, насколько мне известно, поднялись и стоя приветствовали великого поэта, превознося его восторженными похвалами и восхищаясь за-

¹⁷⁰ Разумеется, книги оказались в суде не случайно, а по предварительному уговору с друзьями. Ни греческие, ни латинские сочинения Апулея по естественной истории до нас не дошли.

¹⁷¹ Т. е. трагедию «Эдип в Колоне».

нимательностью содержания и возвышенностью стиля трагедии. В конце концов едва не вышло так, что не Софокл, а наоборот, его обвинитель был осужден как безумец ¹⁷².

Нашел ты книгу? Превосходно! Ну-ка, давай попробуем, не помогут ли и мне в суде мои писания. Прочти немного из начала, а потом – несколько отрывков о рыбах. А ты, пока он читает, задержи воду ¹⁷³. 38. Большую часть того, что ты выслушал, Максим, ты, разумеется, уже читал у древних философов. И не забывай, что вся эта книга написана мной об одних только рыбах: какие из них рождаются от совокупления, какие возникают из ила ¹⁷⁴; сколько раз в год и в какое время возбуждается половой инстинкт у самок и самцов каждого вида рыб; по каким членам и признакам природа установила различие между живородящими и яйцекладущими – так я называю по-латыни то, что греки зовут ζωοτόχα и ὄτοχα; а затем – чтобы уж мне не излагать во всех подробностях размножения животных – я говорю об их характерных различиях, привычках, частях тела, продолжительности жизни и о

¹⁷² Этот же анекдот передают Плутарх и анонимный античный биограф Софокла.

¹⁷³ Читаются указанные Апулеем отрывки. Во время чтения свидетельских показаний или каких-либо документов водяные часы останавливались. Письменные документы зачитывал обыкновенно секретарь суда.

¹⁷⁴ У Аристотеля (*De gen. an.*, 762) высказывается мнение, что из земли и воды рождаются земляные черви, которые затем обращаются в угрей. Феофраст предполагал, что ископаемые окаменелости рыб потому находят иной раз далеко от моря, что сама земля породила этих рыб.

многом другом, что знать-то вообще необходимо, но к суду все это не имеет ни малейшего отношения.

Я попрошу еще прочесть немного из моего латинского сочинения, посвященного тому же научному вопросу. В нем, как ты заметишь, мною ¹⁷⁵... кое-что, редко подвергавшееся изучению, а потому также встречаются и названия, у римлян неупотребительные и до сих пор, насколько мне известно, никем, кроме меня, не создававшиеся. Однако эти слова благодаря моему труду и усердию произведены от греческих таким образом, как будто они были отчеканены на латинском монетном дворе. Что ж, Эмилиан, пусть твои адвокаты скажут нам, где они прочли по-латыни те названия, которые я произнесу. Я скажу только о животных, обитающих в воде, а остальных коснусь лишь в той мере, в какой и им свойственны черты, присущие тем ¹⁷⁶. Итак, слушай внимательно (уж тут-то ты наверняка завопишь, что я перечисляю магические термины на египетский или вавилонский лад «*Акулы, моллюски (без наружных раковин), ракообразные, хрящекостные, моллюски (с твердой наружной скорлупой), острозубые, земноводные, чешуйчатые рыбы, чешуйчатые рептилии, летучие мыши, перепончатопалые, живущие одиноко, живущие стадами*» ¹⁷⁷. Я могу и продолжить, но терять без

¹⁷⁵ В рукописях пропуск нескольких слов

¹⁷⁶ Т. е. различия между остальными животными, аналогичные различиям между рыбами, например: жизнь стадами, парами или в одиночку.

¹⁷⁷ Эти греческие научные термины звучат для человека необразованного так

толку целый день на это незачем, иначе мне не хватит времени приступить к остальному. Прочти-ка пока вслух мой латинский перевод тех нескольких слов, которые я произнес.

39. Так вот, как ты думаешь, что для философа, не грубого неуча и не безрассудного на кинический манер, но для такого, который помнит, что он из школы Платона, что, по твоему, позорно для него – знать или не знать об этих вещах, пренебрегать ими или размышлять о них, вникать даже в то, какой замысел провидения заключен в них, или верить рассказам отца и матери о бессмертных богах?... Квинт Энний в стихах описал разные лакомые блюда ¹⁷⁸. Он перечислил бесконечное множество сортов рыб, которые прежде, без сомнения, тщательно изучил. Несколько стихов я помню и сейчас их прочту.

Лучшего в мире налима найдешь, полагаю, в Клупее ¹⁷⁹,
В Эносе ¹⁸⁰ – ракушек много, а устриц шероховатых
Ты в Абидосе ¹⁸¹ ищи; гребешок – в Митилене, в Харадре
(Что в Амбракийской земле) ¹⁸². В Брундузии – сарг ¹⁸³

странно, что немудрено, если Эмилиан действительно принял их за варварские склоняния. Латинского перевода этих терминов в тексте нет.

¹⁷⁸ Цитируемый Апулеем отрывок – все что осталось от поэмы Энния «Лакомые блюда» («Nedyphagetica»).

¹⁷⁹ Город в Африке (ныне Келибия в Тунисе).

¹⁸⁰ Город во Фракии (ныне на территории Турции).

¹⁸¹ Известны 2 города Абидоса – в Мисии (в Малой Азии) и в Верхней Египте.

¹⁸² Гребешок – см. прим. 157. Митилена – город на о-ве Лесбос. Харадр – порт близ г. Амбракии в Южном Эпире. Впрочем, все место испорчено, перевод

превосходный,
Смело его покупай, если встретишь размером побольше.
Знай: кабанэк первосортный в Таренте ¹⁸⁴, в Сурренте ¹⁸⁵
– стерлядка,
А голубую акулу советую брать тебе в Кумах ¹⁸⁶.
Надо и скара ¹⁸⁷ назвать – мозгу Зевса его уподоблю
(Ловят на родине Нестора ¹⁸⁸ чудного скара), мерулу ¹⁸⁹,
Тень морскую ¹⁹⁰, губана и чернохвостку. А окунь,
Сладкий еж морской ¹⁹¹, багрянки, полипы, мурексы,
Ракушки и кальвария ¹⁹² – славится этим Корцира ¹⁹³.

И других рыб прославил он в многочисленных стихотворениях, указав при этом, где и каким образом приготовленный, изжаренный или сваренный в собственном соку наиболее приближителен.

¹⁸³ Вид рыбы (*Spamssargus*L.). Брундузий (ныне Бриндизи) – портовый город на юго-востоке Италии.

¹⁸⁴ Ныне Таранто на юге Италии.

¹⁸⁵ Ныне Сорренто.

¹⁸⁶ Кумы – древний город на западном берегу Италии.

¹⁸⁷ Скар, по-видимому, какая-то рыба из семейства губанов, был настолько изысканным деликатесом, что Апулей сравнивает его с мозгом Зевса (такое же сравнение употребляют и другие авторы).

¹⁸⁸ Т. е. в Пилосе на юго-западе Пелопоннеса.

¹⁸⁹ Названия рыб или моллюсков.

¹⁹⁰ Рыба *SalmoThymallus*L.

¹⁹¹ Иголкожее *Echinus esculentus* L.

¹⁹² Улитка *Murex brandaris* L.

¹⁹³ Остров в Ионическом море (ныне Корфу).

лее вкусен каждый из этих сортов, и тем не менее люди образованные не порицают его. Так пусть не порицают и меня, если в пристойных и изящных выражениях я описываю погречески и по-латыни вещи, известные очень немногим!

40. Я уже достаточно сказал об этом, но прими во внимание еще вот какое соображение: что, если, испытывая склонность к медицине и неплохо разбираясь в ней, я стараюсь извлечь из рыб какие-нибудь лекарства? Да, несомненно, лечебные начала во множестве рассыпаны и рассеяны одним и тем же даром природы во всем и, между прочим, в каком-то количестве содержатся и в рыбах. Или, думаешь ты, знать и изыскивать лекарства свойственно скорее магу, чем врачу, чем, наконец, философу, который будет пользоваться ими не для наживы, а для оказания помощи? А ведь древние врачи знали даже целебные заклинания для ран, как свидетельствует величайший знаток древности Гомер, который заговором заставляет остановиться кровь, струящуюся из раны Улисса¹⁹⁴. Ведь нет и тени преступления ни в одном из действий, направленных к тому, чтобы вернуть человеку здоровье!

«Но, – говорят мне, – если не с коварным намерением, то для чего же разрезал ты рыбу, которую тебе принес раб Темисон?» Как будто я только что ни слова не сказал о том, что пишу о частях тел всех животных, об их расположении, количестве и взаимосвязи, что я тщательно изучаю книги Ари-

¹⁹⁴ См. «Одиссея», XIX, 456 ел.

стотеля по анатомии и дополняю их. И я до крайности изумлен тем, что вам известна только одна рыбешка, которую, по вашим сведениям, я изучал, между тем как я успел уже изучить очень большое количество рыб и делал это повсюду, где бы только они мне ни попадались, и к тому же не тайком, а совершенно открыто, так что кто угодно мог быть свидетелем моих занятий – даже человек посторонний. В этом я следую обычаям и правилам моих учителей, которые говорят, что у человека свободного и благородного, куда бы он ни направлялся, намерения должны быть написаны прямо на лбу. Ту самую рыбу, что вы называете морским зайцем, я показывал многим людям, которые были тогда со мной. Я даже не могу еще решить, как называется эта рыба. Тут нужны особенно тщательные исследования, потому что даже у древних философов я не нахожу описания ее характерной особенности, хотя встречается эта особенность крайне редко и, ей богу, достойна упоминания. Дело в том, что, насколько мне известно, только у этой рыбы, в остальном бескостной, есть в животе двенадцать связанных друг с другом и соединенных в цепочку косточек, напоминающих свиные бабки ¹⁹⁵. Отметить это в своих сочинениях, конечно, не преминул бы Аристотель, если уж он, как о чем-то чрезвычайно важном, упоминает о рыбе-осле ¹⁹⁶, которая единственная из всех обла-

¹⁹⁵ По-видимому, это действительно был морской заяц, так как анатомическое строение этого животного почти полностью соответствует описанию Апулея.

¹⁹⁶ Какая-то рыба из семейства тресковых.

дает сердцем, расположенным в центре брюшной полости.

41. «Ты, – говорят, – разрезал рыбу». Но допустимо ли вменять философу в вину то, что разрешается мяснику или повару? «Ты разрезал рыбу». Ты хочешь сказать: разрезал ее сырой? В этом меня обвиняешь? Если бы я сварил ее, взрезал живот и выковыривал оттуда печень, как учится у тебя обращаться со своей закуской этот мальчишка Сициний Пудент, то такой поступок не вызвал бы твоего осуждения. Но ведь для философа большее преступление поедать рыб, чем изучать их. Или прорицателям можно рассматривать печень, а философу, который считает себя гаруспиком ¹⁹⁷ всех животных, жрецом всех богов, нельзя ее исследовать? Ты видишь мое преступление в том, чем я и Максим восхищаемся у Аристотеля? Нет, ты не сможешь обвинить меня до тех пор, пока не изгонишь из библиотек книг этого философа и не вырвешь их из рук ученых людей. Но довольно об этом – я и так сказал уже чересчур много.

Взгляни-ка ¹⁹⁸ теперь, как они сами себя опровергают. Они утверждают, что с помощью магических средств и морских приманок я старался овладеть женщиной, но не отрицают, что как раз в то время я находился в горах, в глубине Гетулии, где рыб-то, пожалуй, можно найти разве только в случае девкалионова потопа ¹⁹⁹. Еще счастье для меня, что они не

¹⁹⁷ См. прим. 38 к кн. I «Метаморфоз».

¹⁹⁸ Обращение к Максиму.

¹⁹⁹ Миф рассказывает, что Зевс, истребив потопом преступный человеческий

знают о том, что я читал *«О животных, жалящих и кусающихся»* Феофраста²⁰⁰ и *«О противоядиях при укусах животных»* Никандра²⁰¹, – если б не это, они обвинили бы меня и в отвратительстве. Конечно! Ведь и к сегодняшним неприятностям привело меня изучение Аристотеля и желание подражать ему. Не меньше виноват и мой Платон, который заявляет, что человек, посвятивший себя этим исследованиям *«Забавляется в жизни забавой, не заставляющей расквашиваться»*²⁰².

42. Теперь, когда ты уже достаточно познакомился с их рыбами, послушай о другой выдумке, столь же глупой, но еще более беспочвенной и нелепо сочиненной. Они и сами знали, что «рыбная аргументация» будет ненадежна и ничтожна, а ее необычность, кроме всего прочего, вызовет смех. (И правда, слыханное ли дело – для магических церемоний соскребать с рыб чешую и вынимать хребет?) Нужно, решили они, придумать что-нибудь связанное с представлениями, более широко распространенными и уже пользующимися доверием. Так, вот, приноравливаясь к ходячим мнениям и верованиям, они прикинулись, будто им известно, что

род медного века, пощадил только Девкалиона и его жену Пирру, которые спасли«» в ковчеге, выстроенном по совету Прометея, отца Девкалиона.

²⁰⁰ Это сочинение не дошло. О Феофрасте см. прим. 166.

²⁰¹ Никандр Колофонский (II в. до н. э.) – поэт александрийской школы. Его дидактическая поэма об укусах диких зверей сохранилась.

²⁰² Цитируемых Апулеем слов нет ни в одном из дошедших до нас сочинений Платона.

я заморозил заклинаниями какого-то мальчика в укромном и недоступном посторонним взорам месте, где свидетелями были лишь алтарь да светильник, да немногочисленные сообщники; что на том самом месте, где его заморозили, мальчик рухнул на землю, а потом, находясь в бессознательном состоянии, был поставлен на ноги ²⁰³. Но пойти дальше в своей лжи они все же не посмели: действительно, чтобы басня приобрела законченный вид, следовало еще прибавить, будто тот же мальчик много чего напередсказал и напроорочил. Да, потому что практическая польза от заклинаний в том и заключается, что мы получаем предсказания и прорицания, и не только предрассудок черни, но и авторитет ученых мужей подтверждает, что такие чудеса действительно совершаются с мальчиками. Мне помнится, что у философа Варрона ²⁰⁴, человека чрезвычайно ученого и образованного, среди других заметок того же рода я читал между прочим и следующую. В Траллах, – пишет он, – во время магического гадания об исходе Митридатовой войны ²⁰⁵ мальчик, созерцая в воде изображение Меркурия, в ста шестидесяти стихах возвестил вопрошавшим о том, что произойдет ²⁰⁶. Тот же ав-

²⁰³ Вероятно, Апулея обвиняли в том, что он пользовался загипнотизированным мальчиком как медиумом для каких-то дальнейших злокозненных целей.

²⁰⁴ Марк Теренций Варрон Реатинский (р. в 116 г. до н. э.) – один из величайших римских ученых.

²⁰⁵ Траллы – город в Малой Азии. Речь идет об одной из войн Рима с понтийским царем Митридатом VI (I в. до н. э.).

²⁰⁶ Гидромантия (гадание на воде) широко применялась древними магами. Они

тор рассказывает, как Фабий ²⁰⁷, потеряв пятьсот денариев, пришел посоветоваться к Нигидию ²⁰⁸. Мальчики-рабы, под влиянием заклинания Нигидия, указали, в каком месте был зарыт кошелек с частью денег и как разделены остальные. Один из этих денариев оказался даже у философа Марка Катона ²⁰⁹, причем Катон признал, что получил его от своего слуги, как пожертвование в казну Аполлона ²¹⁰.

43. Вот, приблизительно, какие и сходные с этими рассказы о магических церемониях и о мальчиках читал я у многих писателей, но все же колеблюсь, считать мне их правдой или нет. Впрочем, я верю Платону, что существуют какие-то божественные силы, стоящие по своей природе и положению между богами и людьми, и что они управляют всеми прорицаниями и чудесами магов. Почему же невозможно, размышляю я, чтобы человеческая душа, а в особенности – простая душа ребенка, то ли в ответ на какие-то стихи ²¹¹, то ли под воздействием опьяняющих запахов, погрузилась в сон, испытала полное отчуждение от всего окружа-

старались вызвать пузыри на поверхности воды и увидеть в них какие-то образы и картины. Мошенники даже изобретали аппараты, пускавшие водяные пузыри

²⁰⁷ Неизвестно, кто имеется здесь в виду.

²⁰⁸ Публий Нигидий Фигул (ум. в 44 г. до н. э.) – известный грамматик и философ. Его перу принадлежали три сочинения о предсказаниях.

²⁰⁹ Речь идет о Катоне Младшем (Утическом).

²¹⁰ Эти жертвования собирались во время празднеств в честь Аполлона (*iudi Apollinares*).

²¹¹ *Carmen* по-латыни – и «стихотворение», и «заклинание».

ющего и забыла о нем; чтобы, утрачивая на короткое время память о собственном теле, она вновь обрела свою исконную природу, которая, разумеется, бессмертна и божественна, и в таком состоянии, как бы в некоем сне, предсказывала будущее...²¹² Но как бы то ни было, если все это заслуживает хоть какого-то доверия, то сама суть дела требует, насколько мне известно, чтобы этот мальчик-прорицатель, которого выберут, был, кем бы он ни оказался, красив и непорочен, обладал живым умом и даром слова, так, чтобы божественная сила обитала в нем достойно, как в прекрасном храме, – если только она заключена в теле мальчика, – а также чтобы сама душа, как только наступит ее пробуждение, обращалась к своему божественному прозрению, которое покоится в ней еще в полной свежести, не ослаблено силой забвения и поэтому легко поддается передаче. Ведь не из всякого дерева, как говорил Пифагор, подобает вырезать Меркурия.

Если дело обстоит таким образом, то скажите, кто же был этот мальчик, здоровый, непорочный, одаренный, красивый, такой, какого я будто бы удостоил, с помощью заклинания, посвящения в таинства... Ведь Талл, которого вы назвали, больше нуждается во враче, чем в маге; ведь комициальная болезнь²¹³ довела этого несчастного до того, что часто он по

²¹² Ср. учение Платона о душе и ее воспоминаниях о мире идей (например, в диалоге «Федр»). Ссылаясь на Платона несколько выше, Апулей имеет в виду, вероятно, диалог «Пир», р. 202E.

²¹³ Так римляне называли эпилепсию. Обычно это название объясняют тем, что эпилептический припадок с участником комиций (т. е. народного собрания)

три-четыре раза в день падает без всяких заклинаний, набивая себе синяки на всем теле; лицо у него покрыто язвами, лоб и затылок расшиблены, взор оступел, ноздри расширены, ноги подкашиваются. Самым великим из всех магов будет тот, в чьем присутствии Талл долго простоит на ногах: во власти болезни, он клонится почти все время к земле, подобно тому, как шатается человек, охваченный сном.

44. И все же вы утверждали, будто его заставляют падать мои заклинания, на том основании, что он как-то упал случайно у меня на глазах. Здесь присутствует много его товарищей-рабов, которых вы потребовали доставить сюда. Все они могут сказать, почему отплевываются ²¹⁴ в присутствии Талла, почему никто не решается есть вместе с ним из одной миски, пить из одной чашки. Да и зачем мне говорить о рабах? Вы и сами не слепые. Посмейте-ка отрицать, что еще задолго до моего приезда в Зю Талл нередко падал на землю от этой болезни и что его часто показывали врачам. Станут ли отрицать это его товарищи-рабы? Станут ли отрицать те, что находятся в услужении у вас самих? Я признаю себя уличенным во всем, если только уже давно не был он

считался дурным предзнаменованием, и собрание прерывалось. Но, как кажется, можно предложить и другое объяснение. Эпилептические припадки особенно часто случаются при большом скоплении людей (ср. в прошлом кликушество в церквах и во время крестных ходов, причем кликушествуют не только женщины, но и мужчины). Таким скоплением (наиболее обычным) в древности и были комиций.

²¹⁴ Чтобы отвратить от себя болезнь. Ср. с современным аналогичным обычаем (только греки плевали не через плечо, а себе в пазуху).

отослан в деревню, в отдаленное поместье, чтобы не испортил остальных рабов (да и сами они не могут отрицать, что именно так обстояло дело). Во почему мы не сумели сегодня доставить его сюда. Ведь все обвинение в целом необдуманно и случайно, поэтому только третьего дня Эмилиан потребовал у нас доставить к тебе ²¹⁵ пятнадцать рабов ²¹⁶. Здесь находятся четырнадцать – те, что были в городе. Нет только Талла, потому что, как я уже сказал, он отделен от Эи расстоянием почти в сто миль ²¹⁷. Нет одного только Талла, но мы уже отправили за ним человека, который быстро привезет его сюда. Спроси, Максим, у тех четырнадцати рабов, которых мы сюда представили, где мальчик Талл и как он поживает, спроси также и у рабов, принадлежащих моим обвинителям. Они не станут отрицать, что это безобразнейший мальчишка с дряблым и больным телом, эпилептик, необразованный, грубый. Да, что и говорить, прекрасного мальчика вы избрали, чтобы допускать его к участию в жертвоприношениях, прикасаться к его голове ²¹⁸, одевать в чистый плащ и ждать от него прорицаний. Ей-богу, хотелось бы мне, чтобы он был здесь; я предоставил бы его в твое распоряжение,

²¹⁵ Обращение к Максиму.

²¹⁶ Истцы требуют у ответчика его рабов для допроса.

²¹⁷ Римская миля (*mille passura* – букв. «тысяча шагов», причем имеется в виду двойной шаг) = 1478,7 м.

²¹⁸ Может быть, речь идет о ласке («гладить по головке»), но возможно, Апулей имеет в виду особые движения рук заклинателя, по сути дела – гипнотические пассы.

Эмилиан, и поддерживал бы под руку, если б ты стал его допрашивать: еще посреди допроса, не сходя с этого места, перед трибуналом ²¹⁹, он обратил бы к тебе свои отвратительные глаза, заплел бы тебе лицо, свел конвульсивно руки, затряс головой и, наконец, упал бы к тебе на грудь.

45. Четырнадцать рабов, которых ты потребовал, я представляю. Почему ж ты никак не воспользуешься ими для допроса? Ты требуешь только одного мальчика, да и тот – эпилептик, которого, как тебе известно не хуже, чем мне, давно уже нет в городе... Был ли когда клеветнический навет более очевидным? Четырнадцать рабов, по твоему требованию, находится здесь – ими ты пренебрегаешь; нет одного мальчишки – на него-то и ссылаешься. Чего же ты, в конце концов, хочешь? Допустим, что Талл здесь. Ты хочешь доказать, что он упал в моем присутствии? Охотно признаюсь. Говоришь, что причиной этого были заклинания? Этого мальчик не знает, а я утверждаю, что это ложь. И ты не осмелишься отрицать, что мальчик – эпилептик, так почему же приписывать его падение скорее заклинаниям, чем болезни? Разве не могло получиться так, чтобы случайно в моем присутствии с ним произошло то, что уже неоднократно происходило в присутствии многих? А если бы я считал важным делом свалить с ног эпилептика, то к чему были заклинания, когда, как можно прочесть у естествоиспытателей, зажжен-

²¹⁹ Возвышение, на котором сидели должностные лица при исполнении своих обязанностей.

ный камень гагат ²²⁰ превосходно, без всякого труда обнаруживает эту болезнь, и, пользуясь его запахом, обыкновенно определяют на рабских рынках, здоровы или больны выставленные на продажу рабы. Даже диск, который крутит гончар, своим вращением вредно влияет на человека, страдающего этой болезнью: настолько вид вращающегося круга обессиливает его пораженный дух. И если нужно свалить с ног эпилептика, то гончар это сделает куда лучше, чем маг.

Ты так, попусту, потребовал от меня доставить сюда рабов, а я, напротив, с полным основанием требую, чтобы ты назвал очевидцев, присутствовавших при том искупительном таинстве, когда я толкнул падающего Талла ²²¹. Ты называешь только одного – этого мальчишку Сициния Пудента, от имени которого ты и обвиняешь меня: он утверждает, что был при этом. Но если бы даже его ребяческий возраст и не мешал ему принимать участие в обрядах, все же его роль обвинителя заставила бы отнестись с недоверием к этим показаниям. Было бы проще, Эмилиан, и куда убедительнее сказать, что ты сам был при этом таинстве и с тех пор начал сходить с ума, а не предоставлять всего дела мальчикам, как будто это детская игрушка. Мальчик упал, мальчик видел – уже не мальчик ли какой и заклинание произносил?

²²⁰ Черный янтарь. Получил свое название от города Гаги (Gagae) в Малой Азии.

²²¹ *Aliquem guentem impellere* («толкнуть падающего») – латинская пословица со значением «окончательно погубить».

46. Тут Танноний Пудент, видя, что и эта ложь встречает холодный прием и что, судя по выражению лиц всех присутствующих и по их ропоту, она уже почти отвергнута, поступил довольно хитро. Чтобы удержать у некоторых хоть тень подозрения, он не скупится на обещания и заявляет, что приведет других мальчиков, которых я точно так же околдовал; а затем он перешел к другой группе доказательств. Хотя я мог бы не обращать внимания на эти слова, тем не менее и в этом случае, как и во всех остальных, я сам вызываю противника на бой. Я хочу, чтобы привели этих мальчиков, которых, как я слышал, убедили солгать, соблазнив их надеждой на освобождение... но – ни слова более: пусть их приведут! Итак, я настоятельно требую, Танноний Пудент, чтобы ты выполнил свое обещание. Подавай-ка сюда этих мальчиков, на которых ты уповаешь, приведи их, скажи, кто они. Можно воспользоваться для этого моей водой ²²², я не против. Говори, повторяю тебе, Танноний! Что же ты молчишь, что медлишь, что оглядываешься?... А если он не знает своего урока или забыл имена, так хоть ты, Эмилиан, выйди сюда, скажи, что ты поручил своему адвокату, покажи мальчиков! Что же ты побледнел? Что молчишь? И это значит обвинять?! Это значит сообщать о таком страшном преступлении?! Или это значит издеваться над таким человеком, как Клавдий Максим, и преследовать меня клеветническими нападками? Так вот, если твой адвокат случайно оговорился и

²²² См. прим. 118.

у тебя нет никаких мальчиков, которых ты мог бы привести, то, по крайней мере, найди какое-нибудь применение четырнадцати рабам, которых я предоставил в твое распоряжение.

47. А для чего ты вызывал в суд столько рабов? Обвиняя меня в магии, ты потребовал допросить 15 рабов. А что, если бы ты обвинял меня в насилии, сколько рабов тогда вызвал бы ты в суд? Итак, пятнадцать рабов знают о чем-то, и все же это – тайна. Или же это не тайна, но связано с магией? Одно из двух должен ты признать: либо в моем поступке не было ничего недозволенного, раз я не побоялся такого количества соучастников, либо, если он был недозволенным, не должно было быть такого количества соучастников, которые знали бы о нем. Эта самая магия, насколько мне известно, – занятие, порученное бдительности законов и уже издавна запрещенное XII таблицами из-за ее таинственной власти над урожаем. Стало быть, она не только отвратительна и ужасна, но и безусловно сохраняется в тайне; при занятиях ею обычно бодрствуют по ночам, прячут ее во мраке, она избегает свидетелей, а заклинания произносятся шепотом. Не только что рабы, но даже из свободных очень немногие допускаются к участию в ней. А ты хочешь, чтобы при этом присутствовало пятнадцать рабов? Свадьба это была, что ли, или какой-нибудь другой многолюдный праздник, или изобильный пир? Пятнадцать рабов принимают участие в магическом таинстве, наподобие пятнадцати мужей, вы-

бранных для устройства священных обрядов ²²³. Да для чего мне нужно было столько рабов, если даже для соучастия в таинстве это число слишком велико? Пятнадцать свободных людей – это гражданское общество, столько же рабов – дворня, столько же скованных рабов – тюрьма... Или, может быть, потому помощь стольких рабов была необходима, что нужно было долго держать животных, назначенных для искупительного жертвоприношения? Но ты не упоминал ни о каких животных, кроме кур ²²⁴. Или они были нужны, чтобы считать крупинки ладана, или чтобы сбить с ног Талла?

48. Вы сказали еще, что ко мне в дом приводили и свободную женщину, страдающую той же болезнью, что Талл; что я будто бы обещал вылечить ее и что после моих заклинаний она тоже упала. Как видно, вы пришли сюда обвинять борца, а не мага: ну да, ведь, по вашим словам, все, кто приближались ко мне, падали. Однако, Максим, врач Темисон, который приводил женщину ко мне на осмотр, сказал, в ответ на твой вопрос, что с ней не случилось ничего дурного и что я только спросил ее, звенит ли у нее в ушах и в каком из двух больше ²²⁵. Она ответила, что ее чрезвычайно беспокоит правое ухо и немедленно после этого ушла.

²²³ *Quindecemviri sacris faciundis* были жрецами Аполлона и ведали Сивиллинскими книгами.

²²⁴ Куры – обычная жертва подземным богам.

²²⁵ Гиппократ расценивал звон в ушах как признак нездоровия. Маги, по свидетельству папирусов, придавали большое значение тому, звенит ли в ушах, и в каком именно ухе, у мальчика, которым пользовались в качестве медиума.

Теперь, Максим, хоть при складывающихся обстоятельствах я умышленно воздерживаюсь от похвал тебе (ведь иначе может показаться, что я лъщу в интересах собственного дела), я все же не могу удержаться и не похвалить твоего искусства вести допрос. Действительно, только что, когда об этом шла речь и они утверждали, что женщина была околдована, а врач, который был тогда с нею, возражал, ты, в высшей степени разумно, задал вопрос, что за выгода была мне от этого колдовства. Они ответили: «Чтобы женщина упала». «Что же дальше? Она умерла?» – спрашиваешь ты. «Нет», – говорят они. «Так к чему ж вы ведете речь? Что за польза для Апулея, если б даже ока упала?» Это было отлично сказано, и ты так настойчиво задал тот же вопрос в третий раз, как человек знающий, что во всех поступках нужно чрезвычайно тщательно изучать их мотивы; что очень часто стараются найти поводы, пренебрегая самыми поступками; что тех, кто выступает в защиту тяжущихся, потому и называют «causidici»²²⁶, что они разъясняют причину каждого поступка. Впрочем, отрицать факт – дело легкое и не нуждающееся ни в каком адвокате; но доказать, что поступок был справедливым или наоборот, – это куда тяжелее и затруднительнее. Поэтому пустое занятие – вести расследование, действительно ли произошло то, что не имело в себе никакой

²²⁶ Causa в слове causidicus означает «судебное дело». Но первое значение слова causa – «причина». И греки и римляне чрезвычайно любили заниматься этимологией.

преступной заинтересованности. Так, когда дело разбирается у хорошего судьи, обвиняемый освобождается от мелочного судебного следствия, если ему не было никакого расчета совершать тот проступок, в котором его обвиняют. Но так как в данном случае они не доказали ни того, что женщина была околдована, ни что ее свалили на землю, а я, со своей стороны, не отрицаю, что осмотрел ее по просьбе врача, то я объясню тебе, Максим, почему я задал этот вопрос о звоне в ушах. И цель моя – не столько оправдаться в поступке, который ты уже признал не имеющим ничего общего ни с виной, ни с преступлением, сколько не обойти молчанием ничего, достойного быть выслушанным тобой и соответствующего твоей учености. Я буду говорить как можно короче: ведь тебе нужно только мое напоминание, а не поучение.

49. Философ Платон в своем знаменитом «Тимее» с каким-то божественным красноречием создал целый мир. Изложив, помимо остального, чрезвычайно искусно вопрос о трех силах нашего духа ²²⁷ и показав чрезвычайно удачно, зачем создан божественным провидением каждый из наших членов ²²⁸, он рассматривает три группы причин всех болезней ²²⁹. Первую из них он соединяет с первоначалами тел (если нарушена гармония между самими свойствами элементов

²²⁷ «Тимей», р. 35А. Словом «сила» (potestas) Апулей переводит греческое обоих (сущность).

²²⁸ «Тимей», р. 70 ел.

²²⁹ «Тимей», р. 82А – 86В.

– влажным и холодным и двумя противоположными; а это случается, когда какое-либо из них выходит из своих нормальных пределов или покидает свое место ²³⁰). Следующая причина болезней коренится в изъянах соединений, складывающихся из простейших элементов, но имеющих свой особый характер. Такова кровь, внутренности, кости, костный мозг и, далее, то, что возникает в результате смещения отдельных из этих соединений ²³¹. Наконец, в-третьих: скопления в теле различных видов желчи ²³², беспокойно двигающегося воздуха ²³³ и маслянистой влаги ²³⁴ служат возбудителями недугов.

50. Среди этих возбудителей особое место занимает тот, что лежит в основе комициальной болезни (о ней-то я и начал говорить). Когда, подвергаясь воздействию вредоносного огня, мясо разжижается в плотную пенящуюся жидкость, выделяя пузырьки пара, то под влиянием жара сжатого воздуха начинает течь беловатая вздувающаяся жижа. И если эта жижа прорвется наружу, она разливается, принося больше безобразия, чем вреда: ведь она разукрашивает лишаями поверхность кожи на груди и испещряет ее всевозможными

²³⁰ К первому виду болезней Платон относит различные лихорадки.

²³¹ Вторая причина, по Платону, порождает чахотку, болезни мозга и костей.

²³² Отсюда опухоли и поносы.

²³³ Пороки дыхания вызывают колики и судороги.

²³⁴ Т. е. лимфы. Скопление ее рождает золотуху и лишай. Причиной душевных болезней является неправильная циркуляция лимфы и черной желчи.

пятнами. Но тот, с кем это приключится, никогда впоследствии не подвергнется комициальной болезни, откупаясь, таким образом, от чрезвычайно тяжелого душевного недуга незначительным телесным уродством. Напротив, если этот губительный возбудитель, оставшись внутри и смешавшись с черной желчью, пройдет, неистовствуя, по всем жилам, а затем, проделав путь вплоть до макушки головы, смешает свое ужасное течение с мозгом, то немедленно парализует царственную часть души (которая, владея разумом, занимает темя человека, как крепость и царский дворец), закупоривая и приводя в расстройство ее божественные пути и проходы мудрости. Менее губительным образом действует он во время крепкого сна, когда у людей, обильно нагрузившихся питьем и едой, предвестники комициальной болезни – судороги – проявляются в виде легкого удушья. Но если дело дойдет до того, что этот возбудитель разливается в голове больного, когда он бодрствует, тут уж разум внезапно окутывается облаком и человек падает с коченеющим телом и выходящей вон душой. Мы называем эту болезнь не только великой ²³⁵ и комициальной, но и божественной, подобно грекам, которые именуют ее *Священная болезнь*²³⁶, очевидно потому, что она действительно поражает именно разумную часть души, которая свята в наивысшей степени.

51. Узнаешь, Максим, теорию Платона? (Я изложил ее

²³⁵ Так называет эпилепсию лексикограф Гесихий Милетский (VI в. н. э.).

²³⁶ Именно так и называется эпилепсия у Платона в «Тимее».

настолько ясно, насколько было возможно при этих обстоятельствах). Вполне доверяя его мнению, что причиной божественной болезни служит приток этой заразы к голове, я, как мне казалось, расспрашивал вовсе не о пустяках, спрашиваясь, испытывает ли эта женщина тяжесть в голове, цепенеет ли у нее шея, стучит ли в висках, звенит ли в ушах. А то что у нее, как она признала, особенно часто звенит в правом ухе, это – признак глубоко укоренившейся болезни. Действительно, органы, расположенные справа, особенно крепки, и тем меньше остается надежды на выздоровление, если и они сами становятся жертвой болезни. Аристотель даже записал в «Проблемах», что труднее лечить тех эпилептиков, у которых болезнь начинается с правой стороны ²³⁷. Было бы долгим делом приводить мнение Феофраста ²³⁸ о той же болезни: да, и у него есть превосходное сочинение об эпилептиках. А лекарством для них, говорит он в другой книге, написанной о «животных – завистниках» ²³⁹, служат шкурки стеллионов ²⁴⁰, которые они, как и змеи, сбрасывают в определенное время наподобие старой одежды. И если эти шкурки тут же не унести, то животные, охваченные чувством злобы или во власти инстинктивного вожделения, немедленно

²³⁷ В дошедших до нас псевдо-Аристотелевых «Проблемах» ни о чем подобном не упоминается. Но Гиппократ («О болезнях», III) высказывает приблизительно такую же мысль.

²³⁸ Книга Феофраста «Об эпилепсии» не сохранилась.

²³⁹ «О так называемых животных-завистниках»

²⁴⁰ Звездчатая ящерица (*Stelliovulgaris*L.).

оборачиваются и пожирают их.

Я умышленно ссылался на исследования великих философов и называл при этом заглавия их книг, не желая касаться никого из врачей или поэтов, и все это – для того, чтобы эти господа перестали изумляться, если философы в своих научных занятиях исследуют причины болезней и средства от них. Итак, раз больную женщину привели ко мне для осмотра в надежде, что я вылечу ее, и раз из показаний врача, который ее привел, и моих доводов следует, что все это было сделано как полагается, то пусть они либо установят, что лечение болезней – занятие мага и злодея, либо, если этого они сказать не осмеливаются, пусть признают, что, разглагольствуя о мальчике и женщине, больных падучей болезнью, они выступили с ничтожной и прямо-таки «падучей» клеветой.

52. Больше того, по правде говоря, Эмилиан, особенно предрасположен к падению ты, если уже столько раз ты, клеветца, оступался и падал. Конечно, ведь телу падать не так больно, как душе, ногам подломиться не страшнее, чем разуму, заплевать себе лицо в комнате не так позорно, как вызвать презрение этого блестящего собрания. Но ты, пожалуй, считаешь себя человеком здоровым, потому что тебя не держат дома взаперти и ты устремляешься вслед за своим безумием, куда бы оно тебя ни повело. Ну, что ж, сравни, если угодно, свое бешенство с бешенством Талла: ты обнаружишь, что разницы нет почти никакой, разве только что

Талл беснуется во вред самому себе, а ты – и во вред другим. Кроме того, у Талла выворачиваются глаза, у тебя – истина, у Талла сведены руки, у тебя – адвокаты; Талл бьется на полу, ты – перед трибуналом ²⁴¹; наконец, что бы он ни вытворял, всему виной болезнь, он совершает оплошности, не сознавая этого, а ты, негодяй, безобразничаешь сознательно и в полном рассудке – вот какой силы болезнь владеет тобой. Ложь ты выдаешь за истину, в несовершенном обвиняешь, как в содеянном, человека, как тебе точно известно, ни в чем не повинного, обвиняешь, как виновного.

53. Да что там! – об этом я забыл сказать: есть такие вещи, в которых, по твоему собственному признанию, ты ничего не смыслишь и все же, на манер человека сведушего, заявляешь, будто в них-то как раз и таится преступление. Ведь ты говоришь, что я держал рядом с ларами Понтиана какие-то предметы, завернутые в платок. Что именно там было завернуто, какого рода эти предметы – ты признаешь, что не знаешь этого и что нет никого, кто бы видел их. Тем не менее ты настойчиво утверждаешь, что это были орудия магии. Ничего лестного о тебе, Эмилиан, не скажешь, ведь в твоём обвинении нет никакой ловкости, нет даже наглости – этого ты и не воображай!... Так что же есть в нём? Бесплодное бешенство озлобленной души и жалкое безумие упрямой старости. Ведь ты обратился к строгому и пронизательному судье почти буквально со следующими словами: «Апулей держал

²⁴¹ См. прим. 219.

рядом с ларами Понтиана что-то, завернутое в полотняный платок. Я не знаю, что это было такое, следовательно, там было что-нибудь магическое, и я настаиваю на этом. Итак, верь тому, что я говорю, потому что я говорю о том, что мне неизвестно». Какие превосходные аргументы, и как неопровержимо они доказывают мое преступление! «Это было потому, что я не знаю, что именно это было». Ты один такой только отыскался, Эмилиан, знающий даже то, чего сам не знаешь. Вот как вознесла тебя над всеми твоя тупость. И действительно, самые проницательные и искусные философы говорят, что не следует доверять даже тому, что мы видим, а ты смело рассуждаешь о том, чего никогда не видал и не слышал. Если бы Понтиан был жив и ты спросил его, что там было завернуто, он ответил бы, что не знает. Вот вам вольноотпущенник, у которого до сегодняшнего дня находились ключи от этого помещения и который держит вашу сторону. По его словам, он никогда не разглядывал этого предмета, а между тем он, как хранитель книг, сложенных в той комнате, сам отпирал и запирает ее почти ежедневно, нередко входил туда со мной, а еще чаще – один и видел на столе полотняную покрывалку, ничем не опечатанную и не обвязанную. Почему бы это, а? Ну конечно, – там были спрятаны орудия магии: оказывается, вот почему хранил я их так беспечно, легкомысленно выставляя на показ – чтобы было легко разглядеть и обследовать их, а если захотелось бы, то и унести; вот почему я поручил посторонним людям оберегать их, предоста-

вил посторонним распоряжаться ими... Как же после всего этого ты хочешь, чтобы тебе верили? То, чего не знал Понтиан, с которым мы жили душа в душу, как самые близкие друзья, знаешь ты, хоть я встретил тебя перед этим трибуналом впервые? Или, может быть, то, чего не увидел не отлучавшийся никогда из дому вольноотпущенник, у которого была полная возможность все рассмотреть, то, чего этот вольноотпущенник не увидел, увидел ты, никогда и близко к тому месту не подходивший? Впрочем, ладно: пусть то, чего ты не видел, будет таким, как ты говоришь! И все же, глупец, если бы сегодня этот платок оказался у тебя в руках, то, что бы ты из него ни вынул, я заявил бы: между этой вещью и магией нет ничего общего.

54. Больше того, представь, изобрази, выдумай что-нибудь такое, что могло бы оказаться магическим, – я тебе разрешаю: даже и в этом случае я поборолся бы с тобой. Я сказал бы, что эту вещь мне подбросили или что получил ее, как лекарство, или что мне передали ее для священнодействия, или что я выполнял приказание, полученное в сновидении²⁴². Есть тысяча других способов, самых обычных и чрезвычайно широко распространенных: воспользовавшись ими, я мог бы вполне правдоподобно опровергнуть твои доводы. А между тем ты стараешься, чтобы тот предмет, который, даже

²⁴² Т. е. божественное повеление. Ср. метод лечения, который применялся жрецами Асклепия: больной ложился спать в храме, ожидая, что бог во сне даст ему указания, как исцелиться. Жрецы же растолковывали эти указания.

если бы он был налицо, у справедливого судьи не причинил бы мне никакого вреда, предмет, о котором никто ничего не знает, выступил из-за вздорных подозрений моим обвинителем.

Быть может, ты опять заведешь свою старую песенку и скажешь: «Что же все-таки это было такое? Что ты завернул в полотно и держал совсем рядышком с ларами?» Не так ли, Эмилиан?... Ты ведешь обвинение таким образом, что все получаешь от обвиняемого, а сам не даешь никаких точных сведений. «Почему разыскиваешь рыб? Почему осматривал больную женщину? Что у тебя было в платке?» Ты для чего сюда пришел – обвинять или задавать вопросы? Если обвинять, то сам и доказывай то, что говоришь; если вопросы задавать, то не предрешай заранее того, что было: ведь именно потому ты и должен спрашивать, что ничего не знаешь. Впрочем, в таком случае все люди окажутся обвиняемыми, если у человека, привлекающего другого к суду, не будет никакой обязанности доказывать, но, напротив, – полная возможность расспрашивать. Ну да, поступки каждого, чем бы вообще люди ни занимались, будут представлены в таком виде, что окажутся усердными занятиями магией. Ты написал обет на бедре какой-нибудь статуи – стало быть, ты маг; а в противном случае – зачем написал? Ты молился богам в храме тихим голосом – стало быть, ты маг; а в противном случае – о чем ты просил? Наоборот: ты вовсе не молился в храме – стало быть, ты маг; а в противном случае – почему

не воссылал просьб к богам? И то же самое – если ты принесешь какой-нибудь дар, совершишь жертвоприношение, соберешь священные ветви. Мне не хватило бы дня, если бы я вздумал проследить все, в чем клеветник точно так же может потребовать у тебя отчета. А в особенности все то, что спрятано, запечатано, сохраняется в доме под замком, все это на том же основании объявят магическим и потащат из кладовой на форум и в суд.

55. Что это были бы за дела, Максим, и каких бы они достигли размеров, какое поле открылось бы для клеветы, если пойти по этой эмилиановой дорожке, сколько пролилось бы невинного пота из-за одного этого платка ²⁴³ – мне ничего не стоит сказать обо всем этом гораздо подробнее. Но я буду следовать своему решению: я признаюсь даже в том, чего можно и не открывать, и отвечу на вопрос Эмилиана. Ты спрашиваешь, Эмилиан, что я держал в платке. Я мог бы вообще отрицать, что какой-то мой платок лежал в библиотеке у Понтиана, или, в крайнем случае, признавая это, все же утверждать, что в нем ничего не было завернуто. Если бы я так говорил, меня невозможно было бы уличить ни свидетельскими показаниями, ни каким-либо доводом: ведь нет никого, кто держал бы платок в руках, и только один вольноотпущенник, по твоим словам, видел его. Тем не менее, повторяю я, ладно – я согласен, пусть в нем действительно

²⁴³ В оригинале – игра слов: «платок» – по-латыни sudariolum, т. е. букв «потовой [платок]» (suder – пот).

было что-то, наполнявшее его до самых краев. Думай, если угодно, так, как думали некогда товарищи Улисса, похищая надутый ветрами мех в надежде найти сокровище ²⁴⁴. Ты хочешь, чтобы я сказал, что это за вещи, завернутые в платок, я поручил охранять ларам Понтиана? Твое любопытство будет удовлетворено.

В Греции я был посвящен во многие священные обряды ²⁴⁵. Некоторые знаки и эмблемы, подаренные мне жрецами на память, я тщательно сохраняю. Я вовсе не имею в виду чего-нибудь необыкновенного, чего-нибудь неведомого. Вот хоть вы, мисты отца Либера ²⁴⁶, присутствующие здесь, вы знаете, что запираете и прячете в доме и что втайне чтите, удалившись от всех непосвященных. А я, как уже сказал, из любви к истине и из почтения к богам изучил разнообразные священнодействия, многочисленные ритуалы и различные обряды. Я не выдумал этого ради нынешнего удобного случая: прошло ведь уже около трех лет с тех пор, как в первые дни после моего прибытия в Эю, выступая публично на тему о величии Эскулапа ²⁴⁷, я открыто говорил то же самое и перечислил все священные обряды, которые мне известны. Эта моя речь пользуется широкой популярностью, ее повсю-

²⁴⁴ См. «Одиссея», X, 28 – 55.

²⁴⁵ См. XI книгу «Метаморфоз», носящую, как полагают ученые, автобиографический характер. В связи с данным местом особый интерес представляют гл. 11 и 27.

²⁴⁶ Т. е. Вакха. Мисты – участники мистерий.

²⁴⁷ Может быть, это то же выступление, о котором говорится в 73-й главе.

ду читают, она в руках у каждого, она имеет успех у благочестивых жителей Эи благодаря не столько моему красноречию, сколько упоминанию имени Эскулапа. Пусть кто-нибудь, если случайно помнит, скажет наизусть начало этого отрывка. Слышишь ли, Максим, как мне подсказывают со всех сторон? Да что там – вот уж и книгу несут! Я попрошу прочесть этот отрывок, потому что, судя по очень приветливому выражению твоего лица, ты не отказываешься выслушать его ²⁴⁸.

56. Может ли еще кому бы то ни было казаться удивительным (если у человека сохранились хоть какие-то воспоминания о благочестии), что лицо, посвященное в столь многие божественные таинства, хранит у себя в доме несколько амулетов, связанных со священными обрядами, и заворачивает их в полотно, которое является самым чистым покровом для святынь? Ведь шерсть вырастает на теле чрезвычайно ленивом, состригают ее с глупого животного, и уже со времен законов Орфея и Пифагора это – чисто светское одеяние. Напротив, лен, чистейшее из растений, один из самых лучших плодов земли, употребляется не только для верхнего и нижнего облачения благочестивых египетских жрецов, но и как покров для священных предметов.

Я знаю, правда, что кое-кто, и в первую очередь – этот самый Эмилиан, балагурства ради насмеваются над религией. Действительно, как я слышал от некоторых жителей Эи, ко-

²⁴⁸ Читается указанный отрывок.

которые его знают, он вплоть до этого самого времени не молился никаким богам и не посещал никаких храмов ²⁴⁹. Проходя мимо какой-нибудь святыни, он считает грехом поднести руку к губам в знак почтения. Даже деревенским богам, которые его кормят и одевают, он вовсе не уделяет первин от своей жатвы, виноградника или стада. В его поместии нет ни одного святилища, ни одного посвященного богам места или роши. Да что говорить о роше к святилище?! Те, кто бывали в его владениях, говорят, что не видели там даже камня, умащенного маслом, или ветви, украшенной гирляндой. Вот он и получил два прозвища: Харона, как я уже сказал ²⁵⁰, за безобразное лицо и душу, а второе (оно ему нравится больше), за презрительное отношение к богам, – Мезенция ²⁵¹. Поэтому я легко могу понять, что мое длинное перечисление посвящений в мистерии кажется ему вздором; и, возможно, именно из-за этого упорного пренебрежения к религии он не в силах заставить себя поверить в мою правдивость, когда я говорю, что свято оберегаю знаки, напоминающие мне о многих священнодействиях. Но что бы ни думал обо мне Мезенций, я и пальцем не шевельну в его сторону. Остальным же я громко заявляю: если есть здесь случайно

²⁴⁹ Судя по словам Апулея (если только можно доверять тому, что язвительный и склонный к ловким передержкам оратор говорит о своем противнике), Эмилиан был христианским или еврейским прозелитом.

²⁵⁰ Ср. гл. 23 (в конце).

²⁵¹ Мезенций – легендарный этрусский царь. См. Вергилий, «Энеида», VII, 648 (Мезенций назван там *contemptor divom* – презирающим богов).

какой-нибудь участник тех же мистерий, что и я, подай знак и ты сможешь услышать, что я сохраняю. Потому что никогда никакая опасность не заставит меня сообщить непосвященным о том, что мне поведали, взяв клятву молчать.

57. Я удовлетворил, Максим, как мне кажется, любой, даже крайне враждебно настроенный ум, а что до платка, то я смыл все пятно обвинения целиком. Теперь, ничем не рискуя, я перейду от подозрений Эмилиана к пресловутым показаниям Красса, которые они огласили вслед за тем, как нечто чрезвычайно серьезное и важное.

Ты слышал, как они прочитали по тетрадке показания некоего обжоры и отчаянного мота Юния Красса. Он утверждает, будто в его доме я не раз устраивал ночные священнодействия вместе с моим другом Аппием Квинтианом, который снимал у него квартиру. И хотя Красе был в то время в Александрии, все же, по его словам, он узнал об этом по дыму факелов и по птичьим перьям. Ну конечно! Пируя в Александрии (ведь Красс – большой любитель таскаться по пирам среди бела дня), он ловил в трактирном угаре перья, долетавшие из его родного дома, и узнавал дым своего очага, поднимающийся вдали над отеческой кровлей. Если он видел этот дым воочию, то его зрение превосходит желания и мечты Улисса. Улисс, долгие годы смотря с берега на море, тщетно старался поймать взглядом дым, подымавшийся над его землей ²⁵², а Красе в течение немногих месяцев, когда он

²⁵² См. «Одиссея», I, 57.

отсутствовал, без всякого труда видел этот самый дым, сидя в винной лавке. А если он уловил ноздрями чад из своего дома, то остротой обоняния превосходит собак и хищных птиц. И в самом деле, какая собака или хищная птица могла бы под небом Александрии учуять какой-нибудь запах, идущий из Эи? Действительно, ваш Красе – великий кутила и ему известны «ароматы» любого сорта, но, разумеется, из-за усердия в пьянстве (это одно достоинство за ним признают все) к нему в Александрию легче могли прийти винные пары, чем кухонный чад.

58. Он и сам понимал, что этому невозможно будет поверить, потому что, как рассказывают, продал свои показания до второго часа дня, еще натошак и в трезвом виде. Вот он и написал, что обнаружил это следующим образом. Вернувшись из Александрии, он направился прямо в свой дом, откуда Квинтиан уже съехал. Там, в передней, он неожиданно натолкнулся на целую гору птичьих перьев; кроме того, стены были испачканы сажей. Он, якобы, потребовал объяснений у своего раба, которого оставлял в Эе, и тот рассказал ему о моих с Квинтианом ночных священнодействиях. Как тонко сработано, как правдоподобно придумано! Ну, конечно, если бы я задумал сделать что-нибудь подобное, я не стал бы заниматься этим делом у себя в доме, а что касается поддерживающего меня в этом процессе ²⁵³ Квинтиана, имя ко-

²⁵³ Возможно, что Квинтиан не просто поддерживал Апулея морально, но даже выступал в его защиту (ср. прим. 8 к кн. III «Метаморфоз»).

торого, в силу связывающей нас тесной дружбы, его редкой образованности и замечательного красноречия, я называю с почтением и похвалой, у Квинтиана, говорю я, будь у него какие-нибудь птицы к обеду или если бы, как они утверждают, он убивал этих птиц с магическими целями, у него не нашлось бы раба, чтобы собрать перья и вынести их вон! И вдобавок дым был такой силы, что закоптил стены, а Квинтиан терпел это безобразие в своей спальне все время, пока жил в ней?... Молчишь, Эмилиан?... ²⁵⁴ Да, это не похоже на правду, разве только Красе, вернувшись, направился не в спальню, а, по своему обыкновению, – прямо к плите. А откуда узнал раб Красса, что стены скорее всего были закопчены ночью? Не по цвету ли дыма? По-видимому, ночной дым чернее и этим отличается от дневного! Почему же столь подозрительный и усердный раб допустил, чтобы Квинтиан съехал, не наведя прежде чистоты в доме? Почему эти перья, как будто они свинцовые, лежали так долго, ожидая приезда Красса? Но пусть не обвиняет Красс своего раба. Вернее всего, он сам все это наврал о саже и перьях, потому что даже в своих показаниях он не в силах оторваться от кухни.

59. А почему вы прочитали его показания по тетрадке? Сам Красс, в какой стране он находится? Уж не вернулся ли он в Александрию из-за отвращения к собственному дому? Или он очищает свои стены? Или, что вероятнее, этот

²⁵⁴ При другой пунктуации (принимаемой Г. Батлером и А. Оуэном) это место переводится так: «Вздор несешь, Эмилиан, не похоже...»

забулдыга болен с похмелья? Я, по крайней мере, достаточно ясно видел его вчера здесь, в Сабрате, посреди площади, где он рыгал тебе в лицо, Эмилиан. Спроси у своих номенклаторов ²⁵⁵, Максим, – хотя он лучше известен кабатчикам, чем номенклаторам, – все же, повторяю, спроси, не видели ли они здесь Юния Красса из Эй. Они не станут этого отрицать. Пусть Эмилиан представит нам этого почтеннейшего молодого человека, на чьи показания он полагается. Вы видите, который теперь час? Я утверждаю, что Крассе уже давно напился и храпит или, принимая второй раз ванну, смывает в бане винный пот, готовясь отправиться на выпивку после пира. Он здесь, Максим, он в городе, но разговаривает с тобой в письменной форме. И дело не в том, что он не до конца еще лишился чувства стыда и не мог бы лгать, вовсе не краснея, если бы очутился у тебя перед глазами. Нет, вероятно, он был не в состоянии ни на вот столечко удержаться от пьянства, хотя бы так, чтобы дождаться этого часа в трезвом виде. Или, скорее, Эмилиан действовал умышленно, чтобы не ставить Красса перед таким строгим взглядом, как твой, и чтобы ты не осудил это гнусное страшилище с голым подбородком ²⁵⁶, увидев безбородую и оплешивевшую голову этого молодого еще человека, его слезящиеся глаза, опухшие веки,

²⁵⁵ Номенклатор – раб, который должен был знать имена граждан и называть их своему господину.

²⁵⁶ В ту пору считалось принятым, чтобы молодые люди носили бороду, а люди средних лет и старики брились. Бритый подбородок у молодого человека считался признаком изнеженности и порочности.

слюнявые губы, трясущиеся руки, услышав его хриплый голос и пьяную икоту. Он уже давно промотал все наследство, и из отцовского имущества у него не осталось ничего, кроме одного дома, где он торгует клеветой; но никогда не сдавал он своего дома внаймы дороже, чем в этот раз, когда дал показания. Ведь свою пьяную выдумку он продал Эмилиану за три тысячи сестерциев, и нет в Эе никого, кто бы этого не знал.

60. Всем нам это дело было уже известно раньше, и, подав заявление в суд, я мог бы не допустить того, что случилось; но я знал, что такая глупая ложь повредит скорее Эмилиану, купившему ее себе в убыток, чем мне, заслуженно презирающему ее. Я хотел, чтобы и Эмилиан понес ущерб, и Красе был вконец опозорен собственными показаниями. Как бы то ни было, но сделка была заключена совершенно открыто в доме некоего Руфина, о котором я скоро буду говорить, причем посредниками и ходатаями были сами Руфин и Кальпурниан²⁵⁷. Руфин взял это на себя с тем большей охотой, что не малую часть вознаграждения – в этом он был уверен – Красе отдаст его жене, развратного поведения которой Руфин будто бы не замечает, хоть и отлично знает о нем. Я видел, Максим, что и ты, со свойственной тебе проницательностью, заподозрил их в сговоре и союзе против меня, и, когда тебе была представлена эта жалоба, я заметил на твоем лице презрение ко всей их затее. Наконец, хоть они и отличают-

²⁵⁷ Может быть, тот же самый Кальпурниан, о котором говорится в 6-й главе.

ся беспредельной наглостью и невыносимым бесстыдством, все же, видя, что показания Красса дали, так сказать, весьма вонючий осадок, они не осмелились ни сами прочесть их, ни вообще сослаться на них. Я же упомянул об этом не потому, чтобы опасался пугала из перьев и пятна сажи (в особенности у такого судьи, как ты), а для того, чтобы Крассе не продавал безнаказанно дыма ²⁵⁸ деревенщине Эмилиану.

61. Вот, наконец, еще одно обвинение, которое они выдвинули, читая письмо Пудентиллы: утверждают, будто я велел сделать какую-то статуэтку, изготовив ее, по их словам, для преступных занятий магией, тайным образом и из крайне редкого дерева. И хотя по внешности это – безобразный и страшный скелет, я, как они говорят, отношусь к нему с большим почтением и называю его греческим именем βασιλέα ²⁵⁹. Если не ошибаюсь, я шаг за шагом иду по их следам и, нить за нитью, распускаю всю ткань клеветы... Вы говорите, что статуэтка сделана тайном. Как же это может быть, если вы так хорошо знаете мастера, создавшего ее, что потребовали у него лично явиться в суд?... Вот перед вами мастер Корнелий Сатурнин, человек, прославленный среди товарищей своим искусством и отменной репутацией, которого ты, Максим, только что тщательно расспрашивал

²⁵⁸ Fumum vendere (продавать дым) – поговорка, обозначающая пустые обещания.

²⁵⁹ Винительный падеж от слова βασιλεύς – царь. В латинском и греческом языках при глаголах со значением «называть» (кого, кем) ставится двойной винительный падеж.

и который совершенно искренне и правдиво рассказал тебе по порядку, как было дело. По его словам, я увидел у него много самшитовых ²⁶⁰ геометрических фигур, тонко и умело сработанных. Восхищенный его мастерством, я попросил сделать для меня кое-какие механические приспособления и одновременно – вырезать изображение какого-нибудь бога – какого сам выберет, – а я, по своему обыкновению, буду молиться ему. Материал для меня безразличен – лишь бы это было дерево. Ну вот, он и начал с самшита. Тем временем, пока я был в деревне, мой пасынок Сициний Понтиан, желая доставить мне удовольствие, принес мастеру шкатулку из черного дерева, полученную им от Капитолины, женщины весьма почтенной, и убедил его воспользоваться этим более редким и твердым материалом: такой подарок, сказал он, будет мне особенно приятен. Мастер так и сделал, в той мере, насколько ему хватило шкатулки. И вот, из разрезанных на кусочки и собранных затем в одну плотную массу дощечек ему удалось создать маленького Меркурия.

62. Все это, повторяю, ты, Максим, уже слышал. Кроме того, ведь и сын Капитолины, чрезвычайно порядочный молодой человек, сказал, в ответ на твои вопросы, то же самое: Понтиан выпросил шкатулку, Понтиан отнес ее мастеру Сатурнину. Не отрицают и того, что Понтиан получил от Сатурнина готовую статуэтку и потом подарил ее мне. А раз все

²⁶⁰ Древесина самшита (*Buxus sempervirens* L.), отличающаяся большой твердостью и плотностью, широко применяется в производстве деревянных изделий.

это ясно и неоспоримо доказано, остается ли вообще хоть что-нибудь, в чем может укрыться хотя бы малейшее подозрение в магии? Более того, есть ли вообще хоть что-нибудь, что не уличало бы вас в явной лжи? Тайком, по вашим словам, было сделано то, об изготовлении чего позаботился почтенный всадник Понтиан; что у всех на глазах вырезывал, сидя в своей мастерской, Сатурнин, человек влиятельный и хорошо известный среди своих товарищей; чему содействовала своим подарком блистательная матрона; о чем многие как из рабов, так и из друзей, часто бывавшие у меня в доме, знали и до того, как оно было сделано, и после этого. И вы не постыдились солгать, будто я с ног сбился, разыскивая дерево по всему городу ²⁶¹, хоть и знаете, что меня в то время вовсе не было в городе и что я, как было доказано, просил мастера сделать статуэтку из любого материала?

63. Вот ваша третья ложь: изготовили изображение тощего или даже вовсе лишённого плоти безобразного трупа, прямо-таки наводящее ужас и напоминающее страшный призрак. Если вам было доподлинно известно, что это магическая фигура, почему вы не потребовали у меня показать ее? Не для того ли, чтобы получить возможность беспрепятственно лгать по поводу вещи, которой нет перед глазами? Но в данном случае, благодаря одной своей счастливой при-

²⁶¹ В латинском тексте – непереводимая игра слов (*lignum a me toto oppido el quidem oppido quaesitum*), основанная на омонимии слова *oppido*: твор. п. ед. ч. от *oppidum* (город) и наречие «очень».

вычке, я отнял у вас эту возможность лгать. Дело в том, что у меня есть обычай, куда бы я ни отправлялся, носить с собой, вместе с моими записями, изображение какого-нибудь бога и в праздничные дни молиться ему, сожигая ладан, совершая возлияния, а иногда – принося жертвы. Слыша, что ходят крайне бессовестные и клеветнические толки о скелете, я немедленно приказал, чтобы побежали и принесли из гостиницы, где я остановился, маленького Меркурия, которого вот этот самый Сатурнин сделал для меня в Эе. Дай-ка, пусть они взглянут на него, подержат в руках, рассмотрят. Вот вам тот, кого этот нечестивец называл скелетом ²⁶². Слышите ли вы возмущенные крики всех присутствующих? Слышите ли, что ваша лож осуждена? Неужели, в конце концов, вам не стыдно, что вы столько наклеветали? Это ли скелет, это ли чудовище, это ли то, что вы называли демоном? Магическое это изображение или обычное и общеупотребительное? Возьми, прошу тебя, Максим, и посмотри: твоим рукам, таким чистым и благочестивым, можно доверить священный предмет. Вот, взгляни, как он очарователен и полон здоровья, как радостен лик бога, как красиво спускается пушок по щекам, как выбиваются вьющиеся волосы из-под широких полей шляпы, бросающих тень на лицо, как прекрасно выступают над висками два одинаковых крылышка, как изящ-

²⁶² В латинском тексте – характерная для Апулея игра слов, построенная на почти полном созвучии: *scelestus ille sceletum nominabat*. В лучшей рукописи «Апологии» читается: *sceletus... sceletum*, и один из исследователей (Кронеберг) предлагает оставить это чтение, сопоставляя: *larvam... larvatus* (конец главы).

но наброшен на плечи плащ. Тот, кто смеет называть его скелетом, никогда, наверное, не видел ни одного изображения богов или презирает их все. А кто считает его чудовищем, тот как раз сам чудовище.

64. А на тебя, Эмилиан, этот бог, вестник и небожителей и обитателей преисподней, за твою ложь пусть наведет проклятие и тех и других богов; пусть все время будут попадаться навстречу тебе лики мертвых, все призраки, все лемуры, все маны ²⁶³, все чудовища, сколько их ни найдется, все ночные привидения, все могильные ужасы, все гробовые страшилища, от которых, впрочем, и по возрасту, и по качествам своим ты не столь уж далек.

Так или иначе, но мы, последователи платонической школы, знаем только вещи торжественные, радостные, священные, возвышенные, небесные. Более того, в своем стремлении ввысь эта школа вознеслась в области более высокие, чем самое небо, и остановилась на самой крайней вершине мира. Максим знает, что я говорю правду, Максим, который внимательно прочитал в «Федре» слова: *«наднебесное место»* и *«вершина неба»* ²⁶⁴. В то же время он отлично понимает (ответчу вам уж заодно и по поводу названия), кто именно этот βασιλεύς, названный так впервые не мною, а Платоном: *«...царя превыше всего, он – все, и все существует ра-*

²⁶³ См. прим. 22 к кн. IV «Метаморфоз».

²⁶⁴ Платон, «Федр», р. 274 В-D

ди него»²⁶⁵; кто этот βασιλεὺς – причина, смысл и первоначало всей природы, высший создатель духа, вечный спаситель всего живого, неустанный творец своего мира, – и при том творец, творящий без усилий, спаситель, спасающий без труда, прародитель, не рождающий, не связанный ни временем, ни местом, не подверженный никаким изменениям, лишь для немногих мыслимый, для всех несказанный. Вот я и сам подкрепляю подозрение в занятиях магией. Я не скажу, Эмилиан, кто этот βασιλεὺς, которого я чту. Больше того, если бы сам проконсул спросил, что же такое мой бог, я бы и ему не ответил²⁶⁶.

65. О названии, на этот раз, я сказал достаточно. Остается еще одно: иные из присутствующих (мне это и самому известно) стремятся услышать, почему я хотел, чтобы изображение сделали не из серебра или золота, а именно из дерева. И они желают этого, полагаю я, не столько для того, чтобы найти оправдание мне и моей скупости, сколько для того, чтобы, найдя правду²⁶⁷, положить конец и этому сомнению, так как все подозрения в преступлении, как они видят, полностью рассеяны. Итак, слушайте те, кто хочет узнать это,

²⁶⁵ Piatonis Epistula II, p. 312 E

²⁶⁶ Об особой роли Гермеса (Меркурия) в религиозных представлениях императорской эпохи см., например, статью Ф. Ф. Зелинского «Гермес Триждывеличайший» («Из жизни идей», т. 3. СПб., 1907). Такое же название носил анонимное мистическое сочинение, прежде ошибочно приписывавшееся Апулею.

²⁶⁷ Игра слов оригинала передана приблизительно (ignoscere – простить, оправдать, cognoscere – понять, познать)

но только как можно внимательнее и сосредоточеннее, как если бы вы внимали словам самого старца Платона, цитирующего из своей последней книги – «Законы»: *«Нужно, чтобы средний человек приносил богам умеренные дары. А земля и домашний очаг посвящены всем богам. Пусть же никто дважды не посвящает богам жертву»*²⁶⁸. Тем самым он запрещает кому бы то ни было сооружать частные святилища, считая, что гражданам для принесения жертв достаточно общественных храмов. Затем он добавляет: *«В других городах золото и серебро у частных лиц и в храмах – предмет, возбуждающий зависть; слоновая кость, добываемая из тела, покинутого душой, – неподходящее приношение, а железо и медь – орудия войны. Но из дерева, из одного только дерева, пусть каждый посвящает все, что ему угодно, и равным образом – из камня»*²⁶⁹. Общее собрание, Максим и вы, члены совета, показало, что я, кажется, очень удачно пользуюсь Платоном и как учителем жизни и как защитником в суде, повинаясь, как видите, его законам²⁷⁰.

66. Теперь время перейти к письмам Пудентиллы или да-

²⁶⁸ «Законы», XII, р. 955 E

²⁶⁹ Апулей стремится доказать, что ему безразлично, из какого дерева вырежет мастер статуэтку, лишь бы только она была из дерева (см. гл. 61). Ср., однако, это утверждение с тем афоризмом Пифагора, который приведен в 43 гл. («не из всякого дерева... подобает вырезать Меркурия»).

²⁷⁰ Средневековые переписчики (начиная с лучшей и древнейшей рукописи – Laurentianus 68, 2) делят «Апологию» на две книги. Первая из них кончается 65-й главой. Новые издатели отбросили это деление.

же обратиться к событиям, несколько более ранним, чтобы всем стало абсолютно ясно, что я, вторгшийся, по их словам, в дом Пудентиллы из любви к наживе, должен был бы избегать этого дома, если бы помышлял хоть о какой-нибудь наживе. Да, потому что и в остальном этот брак имеет весьма мало преимуществ и был бы даже прямо враждебен моим интересам, если бы сами добродетели моей жены не уравновешивали бесчисленных неудобств. Действительно, кроме ничтожной и бесплодной зависти, нельзя найти никакой иной причины, которая возбудила бы против меня этот процесс, да и прежде не раз угрожала моей жизни. Какие мотивы, кроме этого, могли двигать Эмилианом, даже если он, и в самом деле, убедился, что я маг? Ведь я не только что каким-нибудь делом, но даже ни малейшим словечком не задел его, так чтобы могло показаться, будто он намерен отомстить мне по заслугам. Да и не ради славы обвиняет он меня, как обвинял М. Антоний Гн. Карбона, Г. Муций – А. Альбуция, П. Сульпиций – Гн. Норбана, Г. Фурий – М. Аквиллия, Г. Курий – Кв. Метелла ²⁷¹. В самом деле, эти блестя-

²⁷¹ Апулей называет несколько знаменитых в истории римского суда процессов видных политических деятелей последнего века Республики. Истцы обвиняли ответчиков в государственной измене или во взяточничестве во время исполнения последними должности. Цель Апулея – произвести впечатление на судей большим количеством громких имен. К самим же именам он относится очень небрежно. Например, Муция звали не Гай, а Квинт, Альбуция – не Авл, а Тит, и к тому же не Мупий обвинял Альбуция, а наоборот. И это не случайность: для представителя второй софистики, философа-эклетика и вульгаризатора Апулея характерны знания обширные, но поверхностные. В этой незначительной детали

ще образованные молодые люди, мечтая о славе, предпринимали этот первый шаг на политическом поприще, чтобы с помощью какого-нибудь выдающегося процесса приобрести известность среди сограждан. В древние времена допускалось обычаем, чтобы молодые начинающие ораторы показывали цвет своего таланта; но порядок этот давно уже вышел из употребления. Впрочем, даже если бы такой обычай процветал и теперь, все же Эмилиан не имел бы к нему никакого отношения: не к лицу было бы человеку грубому и необразованному выставлять на показ свое «красноречие», ни желать славы – неотесанной деревенщине, ни начинать судебную карьеру – старику, одной ногой стоящему в могиле. Разве только Эмилиан из-за своей строгости дал пример подобного рода и, возмущенный самими преступлениями, принял по безупречности своих нравов это обвинение... Я с трудом допустил бы такое предположение даже в отношении того славного Эмилиана, Африканского и Нумантинского ²⁷², бывшего цензора к тому же, а не то что – этого вот африканца. И мне поверить, что в подобном чурбане заложена способность – я уже не говорю – ненавидеть преступления, но попросту понимать их?!

67. Что же из этого следует? Любому ясно, как день, что одна только зависть и ничто иное толкнула Эмилиана, его

проглядывает, вдобавок, характер самого Апулея – человека тщеславного и глубоко презирающего не только своих обвинителей, но и всю «необразованную» чернь, толпящуюся вокруг трибунала.

²⁷² См. прим. 88.

подстрекателя Геренния Руфина, о котором я сейчас буду говорить, и остальных моих врагов к клеветническим измышлениям, касающимся магии.

Итак, есть пять вопросов, которые мне нужно рассмотреть. Ведь если память мне не изменяет, их обвинения, связанные с именем Пудентиллы, были таковы. Во-первых, после смерти первого мужа у нее никогда не было желания выйти замуж, но, по их словам, ее принудили к тому мои заклинания. Во-вторых, – ее письма, которые, как они думают, служат признанием в моих занятиях магией. Их третье и четвертое обвинения состояли в том, что на шестидесятом году жизни Пудентилла вышла замуж из-за похотливых желаний и что брачный контракт был подписан в деревне, а не в городе. Последний и в то же время самый злобный навет касается приданого. Здесь они излили весь свой яд, напрягли все силы; здесь заключено то, что мучило их более всего: они заявили, будто в самом начале нашей связи я выманил у влюбленной женщины огромное приданое ²⁷³, удалив предварительно свидетелей и уединившись с нею в загородном доме. Я покажу, что все это так лживо, ничтожно и неосновательно, и так легко и бесспорно опровергну это, что, клянусь богом, Максим и члены совета, я боюсь, как бы вы не решились, что обвинитель подослан и подкуплен мною с целью найти возможность унять эту зависть открытым путем. Поверь-

²⁷³ Приданое становилось собственностью мужа, остальное имущество жены оставалось ее собственностью.

те мне, вы действительно убедитесь в следующем: мне придется приложить все возможные усилия, лишь бы вы только не подумали, что столь вздорное обвинение – скорее моя ловкая выдумка, чем глупая их затея.

68. Теперь я кратко изложу ход дела и постараюсь заставить Эмилиана (после того, как все разъяснится) признать, что им двигала неоправданная зависть ко мне, что он заблуждался и был очень далек от истины. А вы тем временем ознакомьтесь, прошу вас, очень внимательно, как поступали до сих пор, или даже, если можете, еще внимательнее с самим источником и основанием нашего процесса.

Эмилия Пудентилла, ныне моя жена, родила от некоего Сициния Амика, за которым была замужем прежде, двух сыновей, Понтиана и Пудента. Дети остались сиротами под властью деда со стороны отца ²⁷⁴(Амик умер, когда отец его был еще жив), и в течение почти что четырнадцати лет она, с заслуживающим упоминания чувством долга, усердно воспитывала их, хотя и не испытывала никакого удовольствия от такого долгого вдовства в самом цветущем возрасте. Но дед мальчиков старался, вопреки ее желанию, свести ее со своим сыном Сицинием Кларом и поэтому устранял всех остальных, сватавшихся к ней. Кроме того, он угрожал, что по завещанию не оставит мальчикам из состояния их отца ниче-

²⁷⁴ По римским законам, отец (paterfamilias) до самой своей смерти сохранял власть над сыном. Имущество Сициния Амика и его дети официально принадлежали отцу, а после смерти Сициния Амика стали принадлежать старику и фактически, чем и объясняется угроза лишить детей отцовского наследства.

го, если она выйдет замуж за чужого человека. Видя, что это условие, поставленное стариком, неустранимо, Пудентилла, как женщина разумная и чрезвычайно добродетельная, чтобы не доставить по этой причине каких-нибудь неприятностей своим сыновьям, заключает брачный контракт с человеком, которого ей навязывали, то есть – с Сицинием Кларом. Но от брака ²⁷⁵, с помощью различных хитростей, она уклонялась до тех пор, пока не умер дед мальчиков, оставив ее сыновей наследниками, причем так, что старший, Понтиан, стал опекуном своего младшего брата.

69. Когда она избавилась от этой тревоги и самые знатные люди стали просить ее руки, она решила не оставаться дольше вдовой: ведь если она и могла стойко переносить тоску одиночества, то терпеть физическое нездоровье она более не могла. Женщина безупречно целомудренная, Пудентилла провела все эти годы вдовства без единого проступка, и молва не коснулась ее. Но, отвыкнув от супружеской жизни, ослабев от долгой бездеятельности своих внутренних органов и страдая тяжелым расстройством матки, она часто оказывалась на краю гибели, изнемогая от страшных болей.

²⁷⁵ Брачный контракт (*tabulae nuptiales*) – документ, подтверждавший законность заключенного брака и определявший размеры приданого и права мужа на него. Подписание такого контракта свидетелями происходило обычно в день свадьбы и совпадало с началом брачных отношений между супругами; но, как можно вывести из нашего текста, бывали и исключения из этого правила. Заключение браков посредством подписания брачного контракта (своего рода гражданский брак) вошло в обычай в начале императорской эпохи. Ср. прим. 15 к кн. V «Метаморфоз».

Врачи вместе с повивальными бабками единодушно решили, что болезнь вызвана отсутствием брачной связи, что недуг со дня на день усиливается, что положение становится все более тяжелым; пока она еще не совсем состарилась, говорили они, здоровье надо поправлять замужеством. Все одобрили этот совет, а горячее остальных – этот вот Эмилиан, который только что нагло лгал, уверяя, будто Пудентилла никогда не думала о браке, прежде чем я не принудил ее к этому своими преступными магическими действиями, и будто я один нашелся такой, что с помощью заклинаний и приворотных зелий запятнал как бы девственность ее вдовства. Я часто слышал, как не без основания говорили, что лгуну следует обладать хорошей памятью ²⁷⁶; но ты, очевидно, не припоминаешь, Эмилиан, как еще до моего приезда в Эю ты даже написал письмо к сыну Пудентиллы Понтиану о том, что ей следует выйти замуж; Понтиан, уже возмужавший, в то время жил в Риме. Эй, передай-ка ²⁷⁷ сюда это письмо или лучше дай его самому Эмилиану. Пусть он прочтет и сам уличит себя своим же голосом и своими словами.

Так твое ли это письмо? Что же ты побледнел? Ну, конечно, – краснеть ведь ты не умеешь? Твоя ли это подпись?... Прочти, прошу тебя, погромче, чтобы все поняли, насколько язык его и его рука не согласны друг с другом и насколько меньшее противоречие существует у меня с ним, чем у него

²⁷⁶ Известная поговорка (*mendacem memorem esse oportet*).

²⁷⁷ Обращение к секретарю суда.

с самим собой.

70. Написал ли ты, Эмилиан, то, что здесь прочли? «Я знаю, что она хочет и должна выйти замуж, но кого она выберет, не знаю». Ты прав: ты этого не знал, потому что Пудентилла, отлично видя твое неприязненное и враждебное отношение, говорила тебе только о самом намерении, но ничего не сказала о претенденте. Все еще думая, однако, что она выйдет за твоего брата Клара, ты советовал ее сыну Понтиану дать свое согласие. Стало быть, если бы она вышла замуж за деревенщину и дряхлого старика Клара, ты говорил бы, что она по своему желанию и без всякой магии уже давно собиралась выйти замуж. Но так как она выбрала молодого человека, такого, каким вы описываете меня, ты говоришь, что она сделала это против своей воли и что вообще она всегда отвергала брак. Ты не знал, негодяй, что у нас в руках твое письмо, отправленное по этому поводу, не знал, что тебя уличат твои собственные показания. Однако это письмо, как свидетельство и доказательство твоих намерений, Пудентилла предпочла не выбрасывать и сохранила ²⁷⁸, зная тебя за человека настолько же ненадежного и непостоянного, насколько лживого и бессовестного. Сама она, впрочем, написала об этом своему сыну Понтиану в Рим и даже привела полностью мотивы своего решения. Она говорила обо всем, что касалось ее здоровья. Не остается больше ничего, писала

²⁷⁸ По-видимому, Понтиан, вернувшись из Рима, передал матери письмо Эмилиана.

она, что обязывало бы ее стойко переносить страдания. Ценою долгого вдовства, пренебрегая собственным благополучием, она достигла того, что ее сыновья получили наследство деда, а она даже увеличила это наследство своими неустанными заботами. Самому ему, Понтиану, писала она далее, по воле богов уже пришло время жениться, а его брату – надеть мужскую тогу ²⁷⁹. Пусть же они позволят и ей положить, в конце концов, предел своему одиночеству и болезни. Впрочем, ни ее материнские чувства, ни последняя воля пусть не тревожат их: к ним, и после замужества, она будет относиться так же, как и в годы вдовства... Я просил бы прочесть копию этого письма к сыну.

71. Теперь, я думаю, каждому ясно, что не мои заклинания побудили Пудентиллу отказаться от ее непреклонного вдовства, но что она уже давно, по собственной воле, не чужда была мысли о браке и, по-видимому, предпочла меня остальным. Почему этот выбор столь почтенной женщины должен служить для меня обвинением, а не похвалой – я не нахожу оснований. Меня изумляет только одно: отчего это Эмилиан и Руфин так тяжело переживают решение Пудентиллы, если даже те, кто ранее сватались к ней, спокойно перенесли известие, что им предпочли меня?

Кроме того, поступая таким образом, Пудентилла пови-

²⁷⁹ Т. е. Сициний Пудент уже близок к совершеннолетию (ему около 16 лет). Несоввершеннолетние дети полноправных римских граждан носили тогу с пурпурной каймой, тога же взрослого человека (*toga virilis*) была сплошь белой.

новалась скорее своему сыну, чем собственной склонности. Именно так обстояло дело, и Эмилиан не сможет этого отрицать. Действительно, Понтиан, получив от матери письмо, тотчас поспешил вернуться из Рима, опасаясь, как бы мать, попав в руки какого-нибудь жадного человека, не передала всего имущества, как это часто случается, в дом мужа. Эта забота причиняла ему немалое беспокойство. Все надежды на богатство у него и его брата были связаны с материнским состоянием. Дед оставил им очень немного, мать же обладала 4 миллионами сестерциев (правда, часть этой суммы составляли деньги, взятые в долг у детей – без всякого письменного обязательства, а, как и должно быть среди родных, под честное слово). Этого опасения Понтиан не высказывал вслух и не решался открыто возражать, чтобы не показалось, будто он не доверяет матери.

72. Итак, дело было в таком положении: мать намеревалась выйти замуж, сын опасался этого; – и вот случайно или по воле богов прибываю я, держа путь в Александрию. Клянись богом, я мог бы сказать: «О, если бы этого никогда не случилось!» – но уважение к жене удерживает меня... Была зима. После утомительного пути я довольно много дней пролежал больным у своих друзей Аппиев, присутствующих здесь, имя которых я называю, чтобы почтить их и выразить свою любовь. Туда пришел ко мне Понтиан: всего лишь несколько лет назад в Афинах ²⁸⁰ он познакомился со мной

²⁸⁰ Вероятно, Понтиан заканчивал в Афинах свое образование.

через одних общих приятелей, а затем между нами установилась тесная дружеская связь. Он окружает меня уважением и почетом, с жаром заботится о моем здоровье и искусными приемами завоевывает мою любовь. Еще бы! Ведь ему показалось, что он нашел для матери самого подходящего мужа, которому может, ничем не рискуя, доверить все домашнее имущество. Сначала, прибегнув к иносказаниям и недомолвкам, он выясняет мои намерения. Видя, что я собираюсь продолжать путь и вовсе не склонен к женитьбе, он просит меня, по крайней мере, хоть немного задержаться в Эе, говоря, что хочет уехать вместе со мной. На Сиртах – жара и бродят дикие звери ²⁸¹. По его мнению, нужно подождать следующей зимы, раз уж эту отняла у меня болезнь. Долгими просьбами он добивается согласия моих друзей Аппиев на то, чтобы перенести меня к себе, в дом своей матери. Он говорит, что там у меня будет более здоровое помещение. А кроме того – вид на море, который я очень люблю: я могу любоваться им когда угодно, прямо из их дома.

73. Он настаивает, не щадя сил, убеждает меня, и я соглашаюсь на все. Он поручает моим заботам свою мать и своего брата – вот этого мальчика. Я оказываю им кое-какую помощь в наших совместных занятиях ²⁸², дружба становится

²⁸¹ Речь идет о караванном пути в Александрию, который пролегал вдоль берега Средиземного моря по пустыне, называвшейся Сирты (так же назывались и два больших залива на этом берегу). Лучшим временем для путешествия по пустыне считалась зима.

²⁸² Т. е. в занятиях науками и литературой, которыми увлекалась, повидимому,

все более тесной. Тем временем я поправляюсь. По просьбе друзей я публично выступаю на какую-то тему. Все присутствовавшие, наполнившие в огромном количестве базилику, где происходило выступление, криками выражают свое одобрение и, между прочим, восклицая в один голос «замечательно!», просят остаться и стать гражданином Эи. Едва слушатели разошлись, Понтиан, использовав этот случай, чтобы напасть на меня, истолковывает единодушное восклицание народа как божественное предзнаменование и открывает мне свой замысел – соединить мать, которую очень многие жаждут получить в жены, со мною, если я не возражаю. Ведь только на меня он может положиться во всем, только мне доверяет! А если я не возьму на себя этой задачи, по той причине, что мне предлагают в жены не хорошенькую девочку, а женщину заурядной внешности и мать двух детей, если бы из этих соображений я ради красоты и богатства стал бы сохранять себя для другого предложения, я поступил бы и не как друг и не как философ. Моя речь оказалась бы чересчур длинной, если б я захотел припомнить, что я возражал на это, как долго и как много раз спорили мы друг с другом, сколько просьб (и какие просьбы!) я непрерывно выслушивал от него, пока он не добился своего. Не то чтобы за целый год, все время живя вместе, я не оценил Пудентиллы и не заметил достоинств, которыми она одарена. Дело было в том, что, охваченный страстью к путешествиям, я отвергал

в то время брак как помеху. Вскорости, однако, и я захотел получить руку такой женщины, как она, ничуть не меньше, чем если бы сам первым пожелал этого. Понтиан, со своей стороны, убедил мать отдать мне предпочтение перед всеми другими и с невероятным рвением стремился как можно скорее осуществить свой план. Мы едва добиваемся от него самой ничтожной отсрочки, – до тех пор, пока он сам женится, а брат его начнет носить мужскую тогу. А после этого мы должны будем сочетаться браком.

74. О если бы я мог, не нанося делу тяжелого ущерба, обойти молчанием то, о чем предстоит говорить, чтобы не казалось, что, чистосердечно простив Понтиана, умолявшего меня извинить ему его заблуждение ²⁸³, я упрекаю его теперь за легкомыслие! Да, я признаю (и это послужило аргументом против меня), что после женитьбы он уклонился от исполнения заключенного договора; изменив неожиданно свои намерения, он стал с равным упорством препятствовать тому, к чему прежде с таким нетерпением стремился, и, наконец, был готов что угодно вынести, что угодно сделать, лишь бы только наш брак не состоялся. Впрочем, обвинять за эту перемену к худшему и за вражду к матери следует не его, а его тестя, вот этого Геренния Руфина, который в ничтожестве, бессовестности и порочности не имеет себе равных в целом свете. В немногих словах, как можно сдержаннее, я нарисую облик этого человека: мне не хотелось бы,

²⁸³ См. гл. 77 (о ссоре Понтиана с Апулеем) и 94 (о раскаянии Понтиана).

чтобы его старания, если я вовсе умолчу о нем, пропали даром, – он ведь не щадил своих сил, раздувая против меня это дело.

Ведь это он подстрекнул этого мальчонку ²⁸⁴, он составил обвинение, он нанял адвокатов, он скупил свидетелей, он очаг всей клеветы, он факел и бич этого Эмилиана, он повсюду с необыкновенной наглостью хвастается, что из-за его хитрости меня привлекли к суду. И правда, ему есть за что рукоплескать себе в таких делах. Посредник во всяких тяжбах, изобретатель всяких обманов, мастер всяческого притворства, рассадник всяческих пороков, жилище, логовище, вертеп сладострастия и распутства, всеми позорными делами, вместе взятыми, ты стал известен уже с самого юного возраста! Когда-то, в детстве, еще до того, как эта плешь обезобразила его, он беспрекословно подчинялся всем неслыханным желаниям тех, кто его лишал его мужского достоинства, а потом, в юности, плясал на сцене ²⁸⁵, очень вяло и дрябло, но, как я слышал, с какой-то грубой и неуклюжей извращенностью. Говорят, что от актера в нем не было ничего, кроме бесстыдства.

75. Даже в таком возрасте, как сейчас (да погубят его боги! – нужно заранее просить извинения за то, что приходится оскорбить ваши уши), весь его дом – это дом сводника, вся

²⁸⁴ Т. е. Сициния Пудента.

²⁸⁵ Речь идет, вероятно, о пантомиме (см. прим. 34 к кн. X «Метаморфоз»). Ремесло актера считалось позорным и недостойным свободного человека.

семья опозорена; сам он человек бесчестный, жена – прости-тутка и сыновья не лучше. Днем и ночью непрерывно на по-теху молодежи наружная дверь дома распахивается настежь ударами ноги, под окнами орут песни, столовая не отдыхает от шумных пирушек, спальня открыта для прелюбодеев. всякий смело может войти туда, если только заранее уплатит мужу. Так позор брачного ложа служит для него источником дохода. Некогда он ловко торговал самим собою, теперь же зарабатывает, торгуя телом жены. Очень многие с ним самим – я не лгу! – с ним самим договариваются о ночах его жены. При этом между мужем и женой существует определенный сговор: кто принесет жене богатый подарок, тех никто не замечает, и они уходят, когда хотят. А кто придет с пустыми руками, тех по данному сигналу захватывают как прелюбодеев, и они, как если бы пришли учиться, уходят не раньше, чем распишутся ²⁸⁶.

Да, но что остается делать бедному человеку, растратившему довольно большое состояние, доставшееся ему, правда, неожиданно, благодаря мошенничеству отца. Его отец, задолжав многим и запутавшись в долгах, предпочел деньги честному имени. Когда со всех сторон ему стали предъявлять векселя, требуя уплаты, и когда все встречные стали ловить его, как обычно ловят сумасшедших, он говорит: «Ладно!», – утверждает, что не может расплатиться, снимает

²⁸⁶ Непереводимая игра слов: глагол *scribere*, кроме общего значения «писать», употреблялся еще как специальный термин в значении «давать вексель».

с себя золотые перстни и другие знаки достоинства ²⁸⁷ и заключает сделку с кредиторами. А между тем большую часть имущества, необыкновенно ловко смошенничав, он переводит на имя жены. Сам нищий, голый и надежно защищенный своим позором, он оставляет этому Руфину – я не лгу! – три миллиона сестерциев на жратву. Действительно, такую сумму, не обремененную никакими долгами, он получил из материнского имущества, не считая того, что ежедневно приносила ему в приданое его жена. Однако, за несколько лет этот кутила все спустил в брюхо и промотал на всевозможных пирушках. Можно было подумать, будто он опасается, как бы не сказали, что у него еще есть кое-какие средства, полученные благодаря мошенническому банкротству отца. Человек справедливый и нравственный, он постарался, чтобы приобретенное дурным путем дурным же путем и исчезло ²⁸⁸, и из достаточно внушительного состояния у него не осталось ничего, кроме жалкого честолюбия и ненасытной прожорливости.

76. Кроме того, жена, порядком состарившаяся и потрепанная, отказалась от своего занятия, уже столько раз покрывавшего дом позором. А дочь по рекомендации матери, безуспешно предлагали очень богатым молодым людям, а неко-

²⁸⁷ Т. е. знаки, указывающие на человека свободнорожденного и, следовательно, имеющего право быть избранным на общественные должности. Ко времени Апулея ношение золотого кольца уже перестало быть привилегией всаднического сословия.

²⁸⁸ Поговорка. В оригинале: *quod male partum erat, ut male periret*.

торым даже позволили сделать пробу, и не натолкнись она на безвольного Понтиана, сидеть бы ей, пожалуй, до сих пор дома вдовой, так и не став невестой. Понтиан, хоть мы и очень отговаривали его, назвал ее своей женой – ничего не стоящее и мнимое название! Ведь ему было хорошо известно, что незадолго до того, как он женился на ней, один знатный юноша, с которым она прежде была обручена, удовлетворив свою страсть, бросил ее. Итак, к нему пришла новобрачная, спокойная и бестрепетная, с похищенным целомудрием; цветок ее сорван, а свадебная фата изорвана ²⁸⁹; снова девица после недавнего разрыва помолвки, она принесла мужу скорее одно только имя девушки, чем невинность. Ее носили восемь рабов, а если вы были при этом, то, конечно, видели, как бесстыдно разглядывала она юношей, как, не зная меры, выставляла себя на показ. Кто мог не узнать материнского воспитания, глядя на размалеванный рот девушки, нарумяненные щеки и распутные глаза? Все приданое до последней четвертушки асса взяли в долг накануне свадьбы, и даже в большем количестве, чем того требовал нищий и переполненный детьми дом.

77. Между тем этот человек ²⁹⁰ с умеренными возможностями, но неумеренными притязаниями, настолько же алчный, насколько нищий, заранее окрыленный нелепыми надеждами, уже сожрал в мыслях четыре миллиона Пудентил-

²⁸⁹ В оригинале: *flore exsoleto, flammeo obsolete.*

²⁹⁰ Руфин.

лы. Меня, считал он, нужно, удалить, чтобы легче было обманывать безвольного Понтиана и одинокую Пудентиллу, и он начинает бранить зятя за то, что тот просватал свою мать за меня. Он советует как можно скорее, пока не поздно, отступить, выбраться из этой опасности и самому распоряжаться материнским имуществом, а не передавать его добровольно в руки чужого человека. А если он этого не сделает (старая bestия сеет тревогу в молодом влюбленном!), он угрожает, что отберет у него дочь. Короче говоря, юноша, простодушный и вдобавок накрепко привязанный к прелестьям своей молодой жены, оказывается совращенным с пути, как того желал Руфин. Он идет к матери, чтобы передать ей слова Руфина, он тщетно пытается поколебать ее непреклонное намерение. Напротив, он сам выслушивает от нее упреки в легкомыслии и непостоянстве и возвращается к тестю с, весьма суровым ответом: его требование разгневало мать, несмотря на ее кроткий и тихий характер, и послужило очень хорошей поддержкой ее упорству. От нее не укрылось, добавила Пудентилла, заканчивая разговор, что это требование предъявлено ей по наущению Руфина, и помощь мужа тем более необходима ей против бессовестной алчности этого человека.

78. Обозленный тем, что ему пришлось выслушать, этот сводник собственной жены так раздулся от гнева и с таким бешенством вспыхнул, что о женщине самой чистой и скромной, в присутствии ее сына, стал говорить вещи, до-

стойные своей собственной спальни. Он вопил, что она распутница, а я маг и отравитель (и многие это слышали, я называю их по именам, если хочешь), что он убьет меня своей рукой. Клянусь Геркулесом, я с трудом подавляю свой гнев – такое негодование поднимается в душе! Ты ли, баба из баб, угрожаешь мужчине смертью от своей руки? Да от чьей же это руки? Филомелы, Медеи или Клитемнестры ²⁹¹? Но ведь когда ты танцуешь эти роли, то так трусишь, так страшишься вида железа, что танцуешь даже без бутафорского меча!

Впрочем, не будем отступать еще дальше от намеченного плана. Пудентилла, видя, что сын, вопреки ожиданиям, изменил свои взгляды и настроен против ее решения, уехала в деревню и – с целью побранить его – написала ему то самое пресловутое письмо, в котором, по словам вот этих господ, она призналась, что с помощью магии я влюбил ее в себя и лишил рассудка. Однако, в присутствии секретаря Понтиана ²⁹², мы со своей стороны, как и сицилиан, сняли позавчера с этого письма, повинуюсь твоему приказу, Максим, заверенную свидетелями копию. Все в ней опровергает утверждения этих людей и говорит в мою пользу.

79. Допустим, Впрочем, что Пудентилла прямо назвала меня магом – возможно, что, желая оправдаться в глазах сы-

²⁹¹ См. трагедии «Медея» Эврипида и «Агамемнон» Эсхила. Трагедия о Филомеле, убившей своего племянника, чтобы отомстить его отцу Терею, не сохранилась.

²⁹² Может быть, тот же вольноотпущенник, о котором говорится в 50-й главе.

на, она предпочла сослаться скорее на мое могущество, чем на свое собственное желание. Разве одна Федра придумала фальшивое любовное письмо ²⁹³, и разве не пользуется этот прием самым широким распространением среди всех женщин? Ведь когда у них появляется какое-нибудь желание в этом роде, они предпочитают казаться жертвами насилия... А если она даже искренне верила, что я маг – не потому ли мне считаться магом, что так написала Пудентилла? Вы со всеми вашими аргументами, свидетелями и такой длинной речью не в состоянии доказать этого – а она, может быть, докажет одним словом? Да и, в конце концов, подписанная в присутствии суда жалоба должна иметь куда большее значение, чем то, что написано в письме. Почему бы тебе не уличить меня, опираясь на мои собственные поступки, а не на чужие слова? Впрочем, таким же самым образом многие подвергнутся обвинениям в каких угодно преступлениях, если считаться с тем, что любой человек напишет в письме из любви или ненависти к кому-нибудь. «Пудентилла назвала тебя в письме магом – стало быть, ты маг». А если бы она написала, что я консул, так я был бы консулом? А что, если бы она назвала меня живописцем, а, что, если врачом? И, наконец, если бы написала, что я ни в чем не виновен? Неужели ты поверил бы хоть чему-нибудь из этого только на том основании, что она так сказала? Разумеется, нет? Но ведь это верх несправедливости, если враждебным показа-

²⁹³ См. трагедии Эврипида «Ипполит».

ниям человека верят, а благоприятным показаниям того же человека – нет, если его письмо может погубить, но не может спасти! «Но, – скажешь ты, – дух ее был в смятении, она безумно любила тебя». Допускаю это на время. Однако неужели все те, кого любят, – маги, даже если это и напишет кто-нибудь, находясь во власти любви? Но, как мне кажется, Пудентилла в то время вовсе не любила меня, если только она действительно разгласила в письме то, что должно было явно повредить мне.

80. Чего же ты хочешь, в конце концов? Была она в здравом уме, когда писала, или нет? Да? В таком случае она не была жертвой магии. Нет? В таком случае она не знала, что пишет, и поэтому ей нельзя верить. Больше того, будь она безумна, она не знала бы, что она безумна. Ведь нелепо поступает человек, который говорит: «Я молчу» (потому что в тот самый момент, когда он произносит: «Я молчу», он нарушает молчанье и самим своим заявлением опровергает то, о чем заявляет). Но еще большее противоречие – в утверждении: «Я безумен», потому что правдой может быть только то, что человек говорит сознательно; тот же, кто знает, что такое безумие, находится в здравом уме, потому, что безумие не может себя опознать, точно так же как слепота не может себя увидеть. Стало быть, Пудентилла была в здравом рассудке, если полагала, что лишена рассудка. Я мог бы еще многое добавить к этому, если бы захотел, но довольно диалектики

²⁹⁴. Я прочту само письмо. В нем ясно говорится совсем другое, и оно как будто специально составлено в расчете на этот процесс. Возьми и читай ²⁹⁵ до тех пор, пока я не прерву тебя ²⁹⁶.

Задержись немного и остального пока не читай: мы дошли до поворота. До сих пор, Максим, по крайней мере – насколько мне удалось заметить, женщина ни в одном месте не произнесла слова «магия». Она повторила то, о чем я говорил немного раньше, в том же порядке, какого придерживался и я: долгое вдовство, лекарство от недуга, желание выйти замуж, лестные отзывы обо мне, которые она слышала от Понтиана, его собственный совет выйти замуж именно за меня.

81. Вот то, что уже успели прочитать. Остается последняя часть письма, подобно первой, написанная в мою защиту, но обращающая теперь свои рога ²⁹⁷ якобы против меня же самого. Она должна была отвлечь от меня подозрения в занятиях магией (с этим намерением и было послано письмо), но и здесь Руфин может праздновать свою достопамятную победу! – она сыграла совсем иную роль и даже породила у некоторых граждан Эй враждебное мнение обо мне, буд-

²⁹⁴ Диалектикой у древних называлось искусство вести спор, вскрывая противоречия в речах противника.

²⁹⁵ Обращение к секретарю суда.

²⁹⁶ Читается письмо Пудентиллы к Апулею.

²⁹⁷ Поговорка.

то я действительно маг. Ты многое слышал, Максим, из уст людей, еще больше узнал, читая книги, немало изучил сам; но ты не станешь отрицать, что еще никогда не сталкивался с такой хитрой изворотливостью в сочетании с таким удивительным коварством. Какой Паламед ²⁹⁸, какой Сизиф ²⁹⁹, какой, наконец, Эврибат или Фрионд ³⁰⁰ мог бы придумать такую штуку?! Все те, кого я назвал, а также и те другие, кого нужно было бы упомянуть за их хитрость, по сравнению с одним только этим мошенничеством Руфина будут выглядеть просто шутами гороховыми ³⁰¹. О, изумительная выдумка! О, мастерство, достойное тюрьмы и робура ³⁰²! То, что прежде было защитой, превратилось, не изменив ни единой буквы, в обвинение – кто мог бы подумать, что такая вещь возможна?! Ей-богу, это невероятно! И все же это невероятное случилось, и я сейчас покажу, каким образом.

82. Мать упрекала сына за то, что сначала он говорил ей обо мне с большой похвалой, а теперь, находясь под влиянием Руфина, меня же называет магом. Вот то, что она пи-

²⁹⁸ См. прим. 44 к кн. X «Метаморфоз».

²⁹⁹ Легендарный основатель и царь Коринфа. Хитростью он превзошел даже сына Меркурия Автолика, знаменитого вора и хитреца.

³⁰⁰ Знаменитые хитрецы и обманщики, имена которых (так же, как имена Паламеда и Сизифа) стали в древности нарицательными.

³⁰¹ В латинском тексте *massi et biscones*, персонажи народной латинской комедии масок (Макк – дурак, Буккон – обжора).

³⁰² Робуром (*robur*) называлась подземная часть тюрьмы в Риме (*carcer Mamertinus*); в робуре содержались самые важные государственные преступники.

сала, слово в слово: *«Апулей – маг, я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме»*. Эти самые слова, которые я процитировал по-гречески, только эти слова и выбрал Руфин. Отделив их от контекста и заявляя во всеуслышание, что это как бы признание Пудентиллы, он показывал их каждому встречному, водя при этом за собой по форуму плачущего Понтиана. Он даже давал читать само письмо – то место, о котором я только что сказал, скрывая все, что было написано выше и ниже: по его словам, там были вещи чересчур непристойные, чтобы их показывать. Достаточно и того, говорил он, что становится известным признание женщины, касающееся магии. Чего же еще нужно? Всем это показалось похожим на правду, и то, что было написано с целью очистить меня от подозрений, возбуждало у людей неосведомленных страшную ненависть ко мне. А этот негодяй бесновался посреди форума, как вакханка, возглашая при этом: *«Апулей – маг! Так говорит та, которая сама ощущает это и испытывает на себе самой! Каких вам еще доказательств?»* Не нашлось никого, кто вступился бы за меня и ответил бы ему так: *«Покажи-ка мне, пожалуйста, все письмо, позволь мне просмотреть его целиком, прочесть от начала до конца. Многое, как мне кажется, может дать повод к клевете, если упоминать только об этом в отдельности. Речь любого человека могла бы навлечь на себя подозрения, если бы то, что связано с предыдущим и вытекает из него, обманным образом было оторвано от своего начала, если бы*

произвольно умалчивали о какой-нибудь части написанного, если бы сказанное в ироническом смысле читали тоном категорического утверждения, а не упрека». Вот что (или что-нибудь в таком роде) можно было сказать тогда с полным основанием. Об этом говорит и сам текст письма.

83. Однако посмотри-ка еще раз, Эмилиан, вписал ли ты в свою копию в присутствии свидетелей также и следующие слова: *«Ведь когда я хотела выйти замуж по тем причинам, о которых говорила тебе, то ты сам убедил меня отдать ему предпочтение перед всеми, потому что восхищался этим человеком и очень хотел, чтобы он, через меня, стал членом нашей семьи. А теперь, когда наши коварные обвинители переубеждают тебя, Апулей вдруг становится магом, а я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме»..*

Я спрашиваю тебя, Максим: если бы буквы – ведь некоторые из них называются «гласными» – действительно обрели собственный голос, если бы слова – как говорят поэты – имели крылья и беспрепятственно летали повсюду, неужели в тот момент, когда Руфин, со злым умыслом цитируя это письмо, читал лишь маленький кусочек и умалчивал о многом благоприятном для меня, неужели остальные буквы не закричали бы тогда во всю мочь, что они злодейским образом лишены свободы? Неужели слова, которые утаил Руфин, не выскользнули бы из его рук, наполняя шумом весь форум? «Мы тоже посланы Пудентиллой, – сказали бы они, –

есть и у нас наказ, который мы должны передать. Не слушайте бессовестного и преступного человека, который старается обмануть вас, пользуясь чужим письмом, выслушайте лучше нас: Апулей не обвинен Пудентиллой в занятиях магией, наоборот, он объявлен ею невиновным в ответ на обвинения Руфина!» И если тогда все эти слова не были сказаны, то зато теперь, когда польза от них куда больше, они яснее ясного дня. Твои приемы раскрыты, Руфин, обманы обнаружены, разоблачена твоя ложь. Истина, которую ты прежде извратил, появляется вновь, и клевета низвергается как бы в глубину пропасти.

84. Вы ссылаетесь на письмо Пудентиллы – в этом письме моя победа. Если вы хотите услышать самый конец его, я возражать не стану. Скажи-ка ты ³⁰³, какими словами окончила свое письмо эта женщина, околдованная, потерявшая рассудок, безумно влюбленная. *«Я не околдована и не влюблена. Судьбу...»* ³⁰⁴. Чего же больше? Пудентилла заявляет вам протест и во всеуслышание, прямо как глашатай, защищает свой здравый рассудок от вашей клеветы. А что касается замужества, то причину или необходимость его она относит на счет судьбы. Между судьбою же и магией – огром-

³⁰³ Обращение к секретарю суда.

³⁰⁴ Возможно, что текст испорчен. Из следующих слов Апулея ясно, что Пудентилла жалуется на судьбу, которую никто не может одолеть. Поэтому очень подходит конъектура Р. Гельма, который так восстанавливает греческий текст *«Кто мог бы избежать своей судьбы?»*. Р. Гельм полагает, что Апулей прервал чтение на полуслове.

ное расстояние или, вернее сказать, нет вовсе ничего общего. Что за сила остается у заклинаний и зелий, если судьбу любой вещи, подобно самому бурному потоку, невозможно ни задержать, ни подстегнуть? Значит, высказывая такое мнение, Пудентилла не только опровергает утверждение, будто я маг, но и вовсе отрицает существование магии. Хорошо, что Понтиан, по своему обыкновению, в неприкосновенности сохранил письмо матери. Хорошо, что поспешность, с которой ведется процесс, не давала вам ни минуты передышки и не позволила ничего изменить в письме. Твоя заслуга, Максим, и благой результат твоей предусмотрительности, что ты с самого начала разгадал всю их клевету и, ускорив ход дела, чтобы не дать ей времени набраться сил, опроверг ее тем, что отказал в какой бы то ни было отсрочке.

Допустим теперь, что мать в чем-то призналась сыну, рассказав ему в тайном письме о своей любви, как это иногда бывает. Было ли это справедливо, Руфин, было ли это – я уже не говорю честно, но просто по-человечески, предавать такое письмо гласности и всем показывать его, в особенности используя сына как глашатая? Впрочем, разве я не знаю, с кем имею дело, что требую от тебя пощады для чужой скромности, когда ты и свою уж давно потерял?

85. Что мне, однако, жаловаться на прошлое, когда настоящее не менее печально? До какой степени должен быть испорчен вами этот несчастный мальчик ³⁰⁵, чтобы вслух

³⁰⁵ Сициний Пудент.

читать письмо своей матери (считая его любовным) перед трибуналом проконсула, в присутствии человека таких безупречных нравов, как Клавдий Максим, перед этими статуями императора Пия?!³⁰⁶ Сын упрекает мать в позорных поступках, обвиняет ее в развратных любовных связях! Найдется ли человек настолько снисходительный, чтобы не возмутиться? Что ж, подлец, ты роешься в душе у своей матери, следишь за ее взорами, считаешь вздохи, выведываешь настроения, перехватываешь письма, уличаешь в любовной страсти? Ты стараешься разузнать, что делает она у себя в спальне, ты хочешь, чтобы твоя мать – я уже не говорю не была бы любовницей, но и женщиной-то вообще не была? И все это, по-твоему, только сыновняя забота, и ничего больше? О, несчастное твое лоно, Пудентилла! О, бесплодие, которое краше такого материнства! О, горестные десять месяцев!³⁰⁷ О, невознагражденные четырнадцать лет вдовства! Гадюка, как я слышал, прогрызает чрево матери и выползает на свет – она рождается, таким образом, ценою матереубийства³⁰⁸. Тебе – а ты живешь и видишь это – твой уже взрослый сын наносит укусы еще более жестокие! Твое молчание разбирают по косточкам, твою стыдливость оскверняют, копаются в твоём сердце, выволакивают наружу самое сокро-

³⁰⁶ Антонин Пий (Благочестивый; 86 – 161 гг. н. э.) – преемник Адриана.

³⁰⁷ Время беременности. Почему Апулей называет срок в 10 месяцев, – не ясно

³⁰⁸ Это наивное заблуждение вызвано, повидимому, тем, что гадюки – живородящие, а не яйцекладущие змеи.

венное. Такой-то благодарностью ты отплачиваешь матери, добрый сын, за жизнь, которую она тебе дала, за наследство, которого она для тебя добилась ³⁰⁹, за те долгие четырнадцать лет, которые она тебя содержала? Так вот какие уроки преподал тебе дядя, чтобы ты не рисковал и не женился, если ты будешь уверен, что дети будут похожи на тебя? Многим известен стих поэта: «Ненавижу я младенцев, скороспелых разумом» ³¹⁰. Но к ребенку, скороспелому в испорченности, кто не почувствует отвращения и ненависти, кто не увидит в нем какое-то чудовище: в преступлениях – человек бывалый, прежде чем юноша возмужалый, еще мухи слабей, а уже злодей, зелен юнец, да сед и злобен хитрец ³¹¹. А еще больше вреда приносит то, что он злодействует безнаказанно: для наказания он еще слишком молод, но для беззакония уже созрел. Для беззакония, говорю я? Мало того – для преступления против матери, преступления нечестивого, чудовищного, непростительного!

86. Афиняне, захватив письма своего врага Филиппа Македонского, читали некоторые из них публично. Но, в силу общего для всех закона человечности, они запретили читать одно письмо, адресованное Филиппом своей жене Олимпиаде. Они предпочли пощадить врага, лишь бы не разгласить

³⁰⁹ См. гл. 68.

³¹⁰ Автор этого стиха неизвестен.

³¹¹ В оригинале: prius robustum scelere quam tempore, ante nocentem quam potentem, virida pueritia, caena malitia.

супружеской тайны, полагая, что всеобщий неписанный закон нужно ставить выше, чем личное мщение ³¹². Так поступили враги с врагом, а ты, сын, как поступил ты с матерью? Ты видишь, как похожи те положения, которые я сопоставляю. И, однако, ты сын, читаешь любовное, по твоим словам, письмо матери в этом собрании, где ты, конечно, не осмелился бы читать какого-нибудь особенно игривого поэта, если бы тебя об этом просили, – какое-то чувство стыда все же помешало бы тебе. Более того, ты никогда не стал бы знакомиться с письмами твоей матери, если бы был хоть немного знаком с науками ³¹³.

Теперь о твоём собственном письме, которое ты нагло разрешил прочесть. Это письмо, где ты отзываешься о матери чрезвычайно непочтительно (хотя в то время она еще воспитывала и опекала тебя), ты тайком послал Понтиану, очевидно для того, чтобы не ограничиться одним единственным проступком и чтобы твой столь славный подвиг не был похищен забвением. Несчастный, ты разве не понимаешь, что твой дядя для того и разрешил тебе читать письмо, чтобы (как он надеется) оказаться чистым в глазах людей, которые узнают из твоего письма, что ты еще до того, как поселился у дяди, еще в то время, когда нежно ласкался к матери, уже тогда был хитрой лисой и нечестивцем?!

³¹² См. Плутарх, «Жизнеописание Деметрия», 22.

³¹³ В оригинале: *nunquam matris tuae litteras attigisses, si ullas alias litteras attigisses.*

87. Впрочем, нет, я никак не могу себе этого представить! Неужели Эмилиан был так глуп, чтобы полагать, будто мне повредит письмо ребенка – к тому же выступающего в качестве моего обвинителя?

Было и еще одно письмо – подложное: я его не писал, да и сочинено оно вовсе неправдоподобно. Им хотелось создать впечатление, будто в этом письме я соблазняю Пудентиллу лестью. Для чего стал бы я льстить, если мог положиться на магию? И каким путем попало к ним письмо, уж конечно, посланное Пудентилле с каким-нибудь верным человеком: в таких обстоятельствах обыкновенно действуют предусмотрительно. Кроме того, зачем бы я стал писать такими безобразными словами, таким варварским языком, владея в то же время греческой речью, по их утверждениям, совсем не плохо? Зачем бы стал я так нелепо льстить и так по-кабацки грубо заигрывать, отлично умея в то же время, как они сами говорят, шалить в любовных стихах? Итак, бесспорно, каждому ясно: раз письмо Пудентиллы, написанное по-гречески более или менее правильно, он ³¹⁴ прочитать не сумел, а это письмо прочел без труда и умело использовал – стало быть, это его собственное письмо.

О письмах, по-моему, будет сказано вполне достаточно, если я прибавлю еще одно только замечание. Пудентилла после того самого письма, где притворно, издевки ради написала: *«Приди же, пока я еще в здравом уме»*, вызвала к се-

³¹⁴ Вероятнее всего – Руфин, но может быть и Эмилиан.

бе обоих сыновей и невестку и прожила вместе с ними почти два месяца. Пусть теперь этот почтительный сын скажет, что особенно странного, такого, что было бы следствием безумия, заметил он в поступках или речах своей матери за то время? Будет ли он отрицать, что она с большим знанием дела подписывала счета управляющих виллами, пастухов, конюхов? Будет ли он отрицать, что она серьезно убеждала его брата Понтиана остерегаться козней Руфина? Будет ли он отрицать, что она действительно упрекала брата за то, что тот повсюду трубил о письме, которое получил от нее, читая его притом совсем недобросовестно? Будет ли он после всего того, о чем я сказал, отрицать, что его мать вышла за меня замуж на вилле – место, о котором мы условились с ней заранее.

Да, действительно, мы предпочли сочетаться браком в загородной вилле, чтобы граждане снова не сбежались за подарками ³¹⁵, так как еще незадолго до этого Пудентилла раздала народу из своих средств пятьдесят тысяч сестерциев, в тот день, когда Понтиан женился, а этот мальчонка облекся в тогу. Кроме того, нам хотелось избежать множества утомительных пиров, которые, по заведенному обычаю, почти всегда являются обязанностью для новобрачных.

88. Вот тебе, Эмилиан, и вся причина, по которой брач-

³¹⁵ Долгом богатых граждан считались денежные раздачи для народа по всяким торжественным дням (бракосочетание, рождение давно ожидаемого наследника и т. п.).

ный контракт между мной и Пудентиллой был подписан не в городе, а в загородной вилле: чтобы не нужно было снова бросать на ветер пятьдесят тысяч сестерциев и обедать вместе с тобой или у тебя. Подходящая причина?

Меня удивляет, однако, что ты испытываешь такое отвращение к вилле, сам по большей части живя в деревне. По крайней мере, закон Юлия о порядке заключения браков³¹⁶ нигде не содержит запрещения такого рода: «пусть никто не вступает в брак на вилле». Мало того, если хочешь знать, для будущего потомства – куда большая удача, если брак совершается на вилле, а не в городе, на тучной почве, а не в бесплодном месте, на зеленой траве поля, а не на камне площади. Пусть будущая мать выходит замуж, сама покоясь на материнской груди, среди спелых хлебов, на плодородной пашне. Пусть возлежит она под брачным вязом, на лоне матери-земли, среди побегов травы, отростков виноградной лозы и молодых деревьев. Здесь более всего уместен этот стих, который так часто повторяют в комедиях:

«Чтоб, лоно матери вспахав, детей родить»³¹⁷.

³¹⁶ Имеется в виду один из двух законов императора Августа (Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа) о браке.

³¹⁷ Параллели из комедии указать трудно, так как греческая комедия сохранилась далеко не полностью, но ср., например: Софокл, «Антигона», 569; Эврипид, «Медея», 1280.

Еще предкам римлян, Квинтиям ³¹⁸, Серранам ³¹⁹ и многим другим, им подобным, предлагали в полях принять не только жен, но даже консульства и диктатуры. На этом месте, откуда открываются такие блестящие перспективы, я останавливаюсь, чтобы, восхваляя деревню, не оказать тебе, Эмилиан, услуги.

89. Далее ты с такой наглостью лгал о возрасте Пудентиллы, что заявил даже: «Она вышла замуж шестидесяти лет отроду». На это я отвечу тебе очень кратко, потому что в столь очевидном деле нет нужды рассуждать подробнее.

Отец Пудентиллы, по общему правилу, сделал заявление о рождении дочери ³²⁰. Касающиеся этого документы частью хранятся в архиве, частью – дома, вот их уже подносят тебе ³²¹ к самому носу. Передай-ка Эмилиану эти документы. Пусть осмотрит нить, узнает приложенные печати, прочтет имена консулов и подсчитает те шестьдесят лет, которыми он наделил Пудентиллу. Пусть он согласится на пятьдесят пять лет: соврал, мол, на пятилетие. Этого еще мало, я буду щедрее: ведь сам он широким жестом подарил Пудентил-

³¹⁸ Луций Квинтий Цинциннат был диктатором во время войны против эаков (V в. до н. э.).

³¹⁹ См. прим. 32.

³²⁰ Отец ребенка в течение 30 дней после рождения должен был сообщить имя новорожденного государственному архивариусу (если дело происходило в провинции). Такой порядок установился в II в. н. э., но законодательно был закреплен лишь в конце века императором Марком Аврелием.

³²¹ Обращение к Эмилиану.

ле много лет, вот и я, в свою очередь, верну десять лет. Мезенций вместе с Улиссом просчитались...³²² Пусть же он, по крайней мере, докажет, что ей пятьдесят лет. О чем говорить? Действуя на манер квадруплатора³²³, я дважды удвою пятилетие и сразу сброшу двадцать лет. Прикажи, Максим, сосчитать число консульств. Ты обнаружишь, если не ошибаюсь, что Пудентилле сейчас немногим больше сорока лет. Какой наглый и чудовищный обман! Какая ложь, заслуживающая двадцатилетней ссылки в наказание! Ты соврал на целую половину, Эмилиан, и нагло называешь число в полтора раза большее, чем настоящее. Если бы ты сказал тридцать вместо десяти, могло бы еще казаться, что ты спутал счетные движения и раздвинул те пальцы, которые должны были бы составить круг³²⁴. Но раз речь идет о сорока и если ты увеличиваешь на половину те самые сорок, что по сравнению с другими числами обозначаются очень просто – ладонью с вытянутыми пальцами, то не может быть, чтобы ты спутал движения пальцев. Разве только, полагая, что Пудентилле тридцать лет, ты сосчитал за эти годы всех консулов, – ведь их ежегодно бывает два.

³²² Ср. гл. 56, где Апулей называет Эмилиана Мезенцием, и гл. 81, в которой Руфин сравнивается со знаменитейшими обманщиками. При другой расстановке знаков препинания перевод будет иным: «Как Улисс скитался десять лет, так на десять лет ошибся Мезенций» (т. е. Эмилиан).

³²³ Доносчик, получавший 1/4 штрафа, взыскивавшегося с его жертвы.

³²⁴ Для обозначения чисел часто пользовались особыми комбинациями и движениями пальцев рук.

90. Ну, довольно об этом. Перехожу теперь к самому корню обвинения, к самому делу о «злодеянии». Пусть Эмилиан и Руфин ответят на такой вопрос: будь я даже действительно величайшим магом в мире, чего ради, пользуясь заклинаниями и зельями, стал бы я склонять Пудентиллу к браку? Насколько мне известно, многие обвиняемые, привлекавшиеся к суду за какой-либо проступок, если было доказано, что существовали некоторые причины для такого проступка, с успехом защищались, указывая на одно только то, что образ их жизни противоречит подобного рода преступлениям. Тот факт, что существовали, как кажется, какие-то поводы к злодеянию, не должен, говорили они, служить аргументом против них. Ведь все, что могло случиться, нужно считать действительно случившимся, бывают различные неожиданности. Надежное доказательство – это характер каждого человека. Если кто-нибудь постоянно, в силу одной и той же особенности своего характера, склонен к добродетели или злу, это верный аргумент для того, чтобы принять обвинение или отвергнуть его. Так говорили эти обвиняемые. Хоть я и мог бы с полным правом сказать то же самое, я, тем не менее, отказываюсь от этого в вашу пользу. Для меня недостаточно полностью очиститься от всех ваших обвинений, если только при этом я допущу, чтобы где-то осталось хоть малейшее подозрение в магии. Подумайте сами, с какой уверенностью в своей невинности, с каким презреньем к вам я веду это дело! Если будет обнаружен хоть малейший повод, который

должен был побуждать меня добиваться брака с Пудентиллой по каким-нибудь соображениям личной выгоды; если вы докажете, что этот брак приносит мне какую-нибудь, даже самую незначительную, материальную пользу, то пусть я буду пресловутым Кармендом ³²⁵, Дамигероном ³²⁶... ³²⁷ Моисеем, Иоанном ³²⁸, Аполлобеком, пусть буду я даже самим Дарданом ³²⁹ или любым другим магом, одним из тех, кто прославился со времен Зороастра и Остана ³³⁰.

91. Взгляни, Максим, прошу тебя, какой шум они подняли из-за того, что я назвал по имени несколько магов. Что же мне делать с такими неотесанными невеждами? Опять объяснять, что эти и многие другие имена я прочитал в общественных библиотеках у самых знаменитых писателей? Или

³²⁵ Это имя нигде более не встречается.

³²⁶ Имя этого мага упоминают церковные писатели Тертуллиан (ок. 150 – 230 г. н. э.) и Арнобий (ум. ок. 330 г. н. э.).

³²⁷ Испорченное место. В оригинале: *vel his*. Некоторые комментаторы полагают, что надо читать *IHS* – аббревиация имени Иисуса. Действительно, язычники (а также и евреи) считали Христа волшебником. Конъектур к этому месту сделано очень много, но все они так же мало убедительны, как приведенная здесь.

³²⁸ Г. Батлер и А. Оуэн читают *Iarmes*, так как о маге Иоанне нигде не упоминается, а Иоанн Креститель и евангелист Иоанн никак не могут быть заподозрены в магии. Ианн, по еврейской традиции, – египетский маг, противник Моисея, безуспешно пытавшийся помешать его деятельности.

³²⁹ Дардана и Аполлобека воспел в своей поэме философ Демокрит (V в. до н. э.), как сообщает Плиний Старший (XXX, 9). Может быть, упоминаемый здесь Дардан идентичен с мифическим основателем Трои.

³³⁰ См. прим. 111 и 114.

пуститья в рассуждения о том, что быть знакомым с именами – одно, а быть причастным к самому искусству – совсем другое, и что слова, свидетельствующие об образованности и хорошей памяти, нельзя считать признанием в преступлении? Или (и это куда правильнее!) положиться на твою ученость, Клавдий Максим, и на твое превосходное образование и с презрением отказаться отвечать на крики глупцов и неучей? Так я скорее всего и сделаю; что они думают, это мне совершенно безразлично, а я возвращаюсь к своему прежнему намерению – доказать, что у меня не было никакой причины пользоваться приворотными зельями и соблазнить Пудентиллу вступить в брак.

Они сами, первые, с большим неодобрением отозвались о внешности и возрасте Пудентиллы и обвинили меня в том, что такой жены я мог пожелать только из алчности, и даже в том, что при первом интимном свидании я выманил у нее большое и богатое приданое. Я не намерен, Максим, утомлять тебя долгой речью по этому поводу. Нет никакой нужды в словах, когда сам брачный контракт говорит куда красноречивее. Теперешнее положение дел и наши планы на будущее (а все это ты найдешь в контракте) опровергают те предположения, которые делают обо мне эти господа, снедаемые жадностью. Прежде всего, приданое очень богатой женщины оказывается весьма скромным, причем она не подарила его мне, а всего только одолжила. Кроме того, брак был заключен на том условии, чтобы все приданое, если Пудентилла

умрет, не родив от меня детей, осталось ее сыновьям Понтиану и Пуденту. Если же после ее кончины будут в живых сын или дочь от меня, то половина приданого пусть достанется ребенку от второго брака, а другая половина – детям от первого брака.

92. Это, как я уже сказал, я докажу на основании самого контракта Быть может, Эмилиан и сейчас не поверит, что в контракте записано только триста тысяч сестерциев, причем сыновьям Пудентиллы дано право получить их обратно. Возьми, если хочешь, этот документ собственными руками, передай своему подстрекателю Руфину. Пусть он прочтет, и пусть ему станет стыдно за свои чрезмерные претензии и за свою тщеславную нищету! И правда, сам нищий и голый, он взял в долг четыреста тысяч сестерциев и дал их дочери в приданое. А Пудентилле, богатой женщине, хватило трехсот тысяч, и муж ее, который не раз отвергал огромные приданные, вполне удовлетворился ничтожной суммой этого крохотного приданого, потому что он думал только о жене, не делая никаких иных подсчетов, и полагал, что все домашнее убранство, все богатство заключено в согласии между супругами и во взаимной любви. Впрочем, какой человек, хоть немножко разбирающийся в жизни, осмелился бы порицать вдову и женщину уже далеко не в расцвете красоты, но еще в расцвете лет, если бы она, пожелав выйти замуж, старалась большим приданым и выгодными условиями привлечь к себе молодого человека безупречной внешности, характера

и происхождения? Красивая девушка, будь она даже очень бедна, все же с избытком наделена приданым: она приносит мужу юную свежесть своей души, обаяние красоты, нетронутый цветок невинности ³³¹. Сама девственность, законно и заслуженно, – наиболее желанное для каждого мужа качество. В самом деле, все прочее, что ты получил в приданое, ты можешь, если не захочешь быть обязанным чьим бы то ни было благодеянием, вернуть в том же виде, в каком прежде получил: деньги – отсчитать обратно, рабов – возвратить, из дома – выехать, поместье – покинуть. Только одну девственность, раз уж ты ее принял, вернуть невозможно; из всего приданого только ее одну муж получает в вечную собственность. А женщина, потерявшая супруга, какой вступала в брак, такой и уходит в случае развода. Она не приносит ничего такого, чего нельзя было бы потребовать обратно; ты получаешь цветок, когда-то уже сорванный другим, и уж во всяком случае, тому, чего ты от нее желаешь, ей вовсе не надо учиться. Она смотрит на свой новый дом с таким же недоверьем, с каким люди должны смотреть на нее самое, уже расторгшую однажды узы брака. Либо смерть похитила у нее мужа – и тогда это злое предзнаменование: оно указывает на то, что эта женщина приносит несчастье в браке, и лучше не искать ее руки. Либо она получила развод и ушла – и тогда эта женщина повинна в одном из двух пороков: или она настолько невыносима, что муж с ней развелся, или от-

³³¹ В оригинале: *floris rudimentum*.

личается такой дерзостью, что сама развелась с мужем. По этим-то и еще по другим причинам вдовы прельщают женихов большим приданым. Так поступила бы и Пудентилла по отношению ко всякому другому мужу, если бы не встрети-лась с философом, вообще презирающим приданое.

93. И правда, добивайся я этой женщины из-за алчности, то было ли у меня какое-нибудь более удобное средство завладеть ее домом, чем посеять раздор между матерью и сыновьями, вырвать у нее из души любовь к детям, чтобы тем свободнее и крепче самому завладеть покинутой женщиной? Это и было бы естественным для разбойника, которым вы меня изображаете, не так ли? Но я, сторонник, создатель, покровитель мира, согласия и благочестия, я не только не посеял новой ненависти, но даже с корнем вырвал старую. Я уговаривал свою жену, все состояние которой, по их словам, я уже успел поглотить, уговаривал, говорю я, и, наконец, уговорил отдать сыновьям деньги, которые они требовали у нее (об этом я сказал немного выше ³³²), отдать им эти деньги немедленно, расплачиваясь низко оцененной землей, по той цене, какую они сами назначили. Кроме того ³³³, я уговорил Пудентиллу подарить им из ее собственного имущества самые плодородные поля, громадный, богато убраный дом, много пшеницы, ячменя, вина, масла и других плодов земли, по меньшей мере четыреста рабов и, наконец, немалое коли-

³³² Гл. 71 (конец).

³³³ Т. е. помимо долга, о котором говорится в 71-й главе.

чество скота, который стоил недешево; – все это для того, чтобы, с одной стороны, успокоить сыновей той частью, которую она выделит им, а с другой – пробудить в них надежду получить остальную часть имущества в наследство. Итак, с трудом я добился от Пудентиллы согласия, хоть она и была против этого (она позволит мне рассказать все, как было); ценою очень долгих просьб я победил ее сопротивление и гнев, помирил сыновей с матерью, и первым же благодеянием отчима было то, что я значительно увеличил состояние своих пасынков.

94. Это стало известно всему городу. Руфина все проклинали, меня превозносили до небес. Еще до того, как дар был сделан, пришел ко мне Понтиан со своим братом, который так непохож на него. Он бросился мне в ноги, умоляя простить и забыть все, что произошло, он плакал, осыпал поцелуями мои руки, раскаиваясь в том, что слушался Эмилиана и подобных ему людей. Потом он смиренно просит, чтобы я вернул ему также расположение славного мужа Лоллиана Авита³³⁴, которому я незадолго перед тем рекомендовал его первые опыты на ораторском поприще (Понтиан узнал, что за несколько дней до того я написал Авиту обо всем случившемся). Он добивается и этого, и вот, получив от меня письмо, отправляется в Карфаген, где Лоллиан Авит, уже почти закончив срок своего консульства³³⁵, ожидал твоего приез-

³³⁴ См. прим. 101.

³³⁵ Наместничество в провинции считалось как бы продолжением выполнения

да, Максим. Прочтя мое письмо и, по своей редкостной доброте, поздравив Понтиана с тем, что тот быстро исправил свою ошибку, он написал и передал ему для меня ответ, и какой ответ! Милостивые боги! Какая ученость! Какое остроумие! Какой в то же время прекрасный очаровательный слог – ну прямо «муж благородный, в речах искусный»³³⁶. Я знаю, Максим, что ты охотно слушаешь его письмо, и, если можно, я прочту его сам³³⁷. Передай-ка мне письмо Авита. Оно всегда было моей славой, пусть же теперь будет моей защитой! А ты не задерживай воду – пусть течет³³⁸. В самом деле, я мечтаю трижды и четырежды перечитать письмо этого замечательного человека, сколько бы времени ни пришлось на это потратить!³³⁹

95. Я прекрасно знаю, что этим письмом Авита должен был бы закончить свою речь. Действительно, могу ли я привести человека, который хвалил бы меня с большим авторитетом, более безупречно свидетельствовал о моей жизни, красноречивее защищал меня? За свою жизнь я знал много красноречивых римлян (и нарочно искал таких знакомств), но никто не вызывал у меня равного восхищения. Нет в наши дни, насколько я могу судить, никого, кто, поль-

обязанностей консула.

³³⁶ Цитата из Катона Старшего (см. Seneca, Contr. I, praef. 9).

³³⁷ По правилам римского судопроизводства все письменные документы читались секретарем суда.

³³⁸ См. прим. 174.

³³⁹ Читается письмо Авита.

зуюсь в красноречии каким-то именем и подавая какие-то надежды, не предпочел бы безусловно быть Авитом, если только он пожелает сравнить себя с ним, отбросив всякую зависть: ведь все достоинства оратора, чуть ли не противоположные, гармонично сочетались в нем. Любая созданная Авитом речь будет так всесторонне совершенна, что и Катон³⁴⁰ не пожелал бы большего величия, ни Лелий³⁴¹ – нежности, ни Гракх³⁴² – стремительности, ни Цезарь – страстности, ни Гортензий³⁴³ – стройности, ни Кальв³⁴⁴ – остроумия, ни сжатости – Саллюстий, ни изобилия – Цицерон. Одним словом (чтобы мне всего не перечислять), если бы ты услышал Авита, то не захотел бы ничего ни прибавить, ни убавить, ни изменить.

Я вижу, Максим, как благожелательно ты слушаешь, вспоминая при этом черты своего друга Авита. Твое доброе отношение побудило меня сказать о нем хоть несколько слов. Но я не стану злоупотреблять твоей благосклонностью настолько, чтобы только теперь, когда я уже почти обессилен своей речью, идущей все же к концу, начать говорить о замечательных достоинствах Авита. Я откладываю эту беседу, потому что предпочитаю вести ее со свежими силами и на

³⁴⁰ См. прим. 74.

³⁴¹ См. прим. 87.

³⁴² Гай Гракх (153 – 121 г. до н. э.).

³⁴³ Современник и главный соперник Цицерона в ораторском искусстве.

³⁴⁴ Старший современник Цицерона.

досуге.

96. Теперь, хоть мне это и очень неприятно, моя речь от воспоминаний о таком человеке должна снова вернуться к этим зачумленным.

Осмелишься ли ты, Эмилиан, меряться силами с Авитом? Человека, которого он называет честным, чей характер он восхваляет в своем письме без всяких оговорок, ты решишься преследовать обвинениями в магии, в злодеянии? Или, может быть, то, что я ворвался якобы в дом Пудентиллы и разграбил ее имущество, должно было огорчать тебя больше, чем Понтиана? А между тем Понтиан в беседе с Авитом даже в мое отсутствие признал свою вину передо мной за продолжавшуюся несколько дней ссору, виновниками которой были, разумеется, вы, и говорил этому великому человеку о своем чувстве благодарности ко мне. Представь себе, что я прочитал бы запись беседы, в которой участвовал Авит, а не его письмо (в чем ты или кто другой могли бы обвинить меня за такой поступок?)³⁴⁵. Понтиан сам говорил, что подарок, полученный им от матери, он получил благодаря мне, Понтиан от всего сердца радовался, что приобрел такого отчима, как я. Ах, если бы он в добром здравии вернулся из Карфагена! Или если бы ты, Руфин (раз уже такая была ему определена судьба), не мог помешать ему выразить свою последнюю волю! Как горячо он благодарил бы меня лично или, по крайней мере, в завещании! Все же у меня есть письма, ко-

³⁴⁵ Текст испорчен. Перевод дается приблизительный.

торые он отправил из Карфагена или с дороги, чтобы предупредить о своем возвращении, быть может, еще здоровый, быть может, уже захворав. Разреши, прошу тебя, Максим, уделить несколько минут и прочесть эти письма, полные уважения, полные любви, чтобы его брат, мой обвинитель, знал, насколько он во всех отношениях отстает на ристалище Минервы ³⁴⁶ от своего брата – человека, оставившего по себе самые лучшие воспоминания.

97. Слышал ли ты, какими именами наделяет меня твой брат Понтиан? Он называет меня своим отцом, господином, учителем, как во многих других случаях, так и в последнее время своей жизни... ³⁴⁷ Я показал бы и твое письмо такого же содержания, если бы считал, что для этого стоит задержаться хотя бы ненадолго. Мне куда больше хотелось бы все-таки представить суду, хоть оно и осталось недописанным, последнее завещание твоего брата, в котором он вспоминал обо мне с самым глубоким почтением. Руфин, однако, не допустил, чтобы это завещание было полностью подготовлено и утверждено, считая позором потерю наследства, которое, по своим расчетам, он должен был получить, хотя и был тестем Понтиана всего несколько месяцев, но каждую ночь своей дочери он оценивал очень высоко. Кроме того, он советовался с какими-то халдеями, спрашивал у них, какая будет ему выгода от замужества дочери. Они, как мне

³⁴⁶ Т. е. на поприще наук и искусств.

³⁴⁷ Текст испорчен.

рассказывали, ответили (о, если бы это их предсказание не оправдалось!), что через несколько месяцев ее первый муж умрет. Остальное (то, что касалось наследства) они, по своему обыкновению, выдумали в соответствии с желаниями клиента. Но богам было угодно иное, и Руфин, наподобие слепого хищника, понапрасну разинул пасть. Понтиан, хорошо узнав на свое несчастье дочь Руфина, не только не сделал ее своей наследницей, но даже приличной части не выделил ей по завещанию: чтобы опозорить ее, он велел записать на ее имя денариев на двести полотна, желая дать понять, что был разгневан и знал ей настоящую цену, а не просто забыл о ней. Наследниками и в этом завещании, как и в предыдущем, которое здесь читали ³⁴⁸, он назначил мать и брата, еще совсем, как видишь, ребенка. Тем не менее Руфин подкатывает к несчастному мальчику все то же осадное орудие – свою дочь, подсовывая ему женщину, которая куда старше его и которая чуть ли не вчера была женой его брата.

98. А мальчишка, оказавшись всецело во власти прелестей продажной девки и соблазнов ее сводника-родителя, едва только брат испустил дух, оставил мать и перебрался на жительство к дядюшке, чтобы, отделавшись от нас, легче осуществить свои замыслы. Дело в том, что Эмилиан покровительствует Руфину и желает ему успеха. Ах, да! Вы ³⁴⁹вер-

³⁴⁸ По-видимому, в завещании Понтиана было все же что-то порочашее Апулея. Иначе, зачем стали бы обвинители читать в суде этот документ?

³⁴⁹ Обращение к публике или, может быть, к друзьям.

но напоминаете: добрый дядюшка соединяет с племянником и свои собственные вожеления, нежно их оберегая. Ведь ему известно, что умри мальчик, не оставив завещания, – и он будет его наследником (скорее по закону, чем по справедливости). Клянусь Геркулесом, я не хотел бы, чтобы это исходило от меня: не к лицу было моей скромности с шумом вытаскивать на свет те немые подозрения, которые были у каждого. Как нехорошо с вашей стороны, что вы мне это подсказали! Но, впрочем, Эмилиан, многие, если хочешь знать, сильно удивлены твоей неожиданной привязанностью к мальчику, которая обнаружилась после того, как умер его брат Понтиан: ведь прежде ты был настолько мало знаком с ним, что даже при встрече не узнавал в лицо сына своего брата. А теперь обнаруживаешь по отношению к нему такое терпенье, так портишь своим попустительством, что подтверждаешь этим подозрения особенно недоверчивых людей. От нас ты получил безбородого мальчишку – под твоими руками он живо оброс бородой разврата ³⁵⁰. Воспитываясь у нас, он посещал учителей – теперь изо всех сил старается удрать от них в кабак. Серьезных друзей он избегает и с юнцами самого низкого разбора, среди потаскушек и винных чаш (это в его-то возрасте!) проводит время на пирушках. Он сам верховодит в твоём доме, сам – хозяин челяди, сам распорядитель на пирах. Его частенько видят и на гладиаторских играх;

³⁵⁰ В латинском тексте: *investem a nobis accepisti, vesticipem ilico reddidisti*. Слово «*vesticeps*» имеет два значения – «возмужалый» и «развращенный».

об именах гладиаторов, их боях и ранах он, в качестве именитого юноши, узнает прямо от самого ланисты ³⁵¹. Разговаривает он все время только по-пунийски, и едва-едва помнит до сих пор несколько греческих слов, которым когда-то его выучила мать. По-латыни же он и не хочет и не может разговаривать. Только что, Максим, ты слышал (о, какой позор!), как мой пасынок, брат такого красноречивого юноши, каким был Понтиан, едва сумел пролепетать несколько слов, когда ты спрашивал его, действительно ли они с братом получили от матери подарок, сделанный, как я говорил, по моему настоянию.

99. Так вот, я призываю в свидетели тебя, Клавдий Максим, вас, члены совета, и даже вас, что вместе со мною стоите перед трибуналом ³⁵²: вина за его испорченность и беспутство должна лечь вот на этого дядюшку и на того кандидата в тестя; я же отныне буду считать удачей для себя, что подобный пасынок сбросит с плеч ярмо моего попечения и что впредь мне не придется испрашивать для него прощения у его же матери. Да, потому что когда Пудентилла совсем недавно, после смерти Понтиана, захворала и стала писать завещание (чуть было не забыл об этом случае!), я долго боролся с ней, чтобы за все эти возмутительные и несправедливые оскорбления она не лишила сына наследства. Я настоя-

³⁵¹ Ланиста – хозяин и учитель гладиаторов.

³⁵² Эти слова относятся к друзьям, которые пришли в суд, чтобы своим присутствием морально поддержать Апулея.

тельно просил ее уничтожить чрезвычайно-суровое завещание, которое – клянусь богом! – было уже написано. В конце концов, я стал угрожать, что разойдусь с ней, если не добьюсь своего. В то же время я убеждал ее оказать мне эту услугу, великодушием победить дурного сына и окончательно избавить меня от всего, что могло навлечь на меня ненависть. И я не отступился, пока она не сделала того, что я хотел. Жаль, что я избавил Эмилиана от тревоги по этому поводу, сообщив ему столь неожиданную новость. Взгляни, прошу тебя, Максим, как он вдруг остолбенел, услышав мои слова, как опустил глаза в землю. Еще бы! ведь он ждал совсем другого, и не без оснований: он знал, что Пудентилла сыта по горло оскорблениями сына, что моя преданность привязала ее ко мне. Что касается меня самого, то и тут у него были поводы для опасений: любой человек, будь он даже, совсем как я, безразличен к вопросам наследства, все же не отказался бы отомстить до такой степени неучтивому пасынку. Именно это беспокойство в первую очередь и было причиной их обвинения против меня; по свойственной им жадности они решили, что все наследство оставлено мне, но ошиблись. Впредь я освобождаю вас от этого страха, потому что ни возможность получить наследство, ни возможность отомстить не смогли изменить моего образа мыслей. Я, отчим, защищал скверного пасынка от разгневанной матери, как защищал бы отец самого любимого сына от мачехи, и счел себя удовлетворенным лишь тогда, когда сдержал необыкновен-

ную щедрость ко мне моей доброй жены – пожалуй, даже в большей мере, чем следовало.

100. Дай-ка сюда это завещание, составленное матерью в то время, когда сын был уже ее врагом. Я, грабитель, как они меня называют, не переставая ее упрашивать, диктовал его слово за словом. Прикажи распечатать эти таблички, Максим: ты установишь, что наследником назначен сын, а мне завещана какая-то безделица, просто в знак уважения, на тот случай, чтобы в завещании жены, если бы с ней приключилось нечто обычное для человека ³⁵³, не отсутствовало имя мужа. Возьми его, это завещание твоей матери – в нем-то как раз и обойдены законные наследники. Разве я не прав? Ведь в нем Пудентилла мужа, преданного ей как никто на свете, лишила наследства, а сына, враждебного ей как никто на свете, назначила наследником. Более того, даже и не в пользу сына пойдут эти деньги, а на вожделения Эмилиана, на брак, который подстраивает Руфин, на всю эту хмельную компанию твоих паразитов. Возьми, говорю тебе, о, образец для всех сыновей, и, отложив на минутку в сторону любовное письмо матери, прочти-ка лучше завещание. Если она что-нибудь и написала как будто во власти безумия, то ты найдешь это именно здесь, и немедленно, в самом начале: «Пусть мой сын Сициний Пудент будет моим наследником». Да, признаюсь, всякий, кто прочтет эти слова, найдет их безумными. Твой наследник – это тот сын, что, наняв

³⁵³ Тот же эвфемизм встречается у Энния и Цицерона.

шайку самых отъявленных молодых негодяев, хотел в самый момент похорон своего брата выгнать тебя из дому, который ты же ему и подарила? Что был расстроен и возмущен, узнав, что брат оставил тебя его сонаследницей? Что тут же бросил тебя одну с твоими скорбями и печалью и из твоих материнских объятий сбежал к Руфину и Эмилиану? Что затем сам нанес тебе множество оскорблений словом, а с помощью дяди – и делом? Что трепал твое имя по судам? Что пытался, ссылаясь на твои же письма, публично опозорить тебя? Что обвинил в уголовном преступлении твоего мужа, которого ты избрала и которого – в чем он же сам упрекал тебя – любишь до безумия. Открой, прошу тебя, доблестный юноша, открой завещание, таким путем ты легче всего докажешь, что твоя мать не в своем уме.

101. Что же ты теперь возражаешь и отказываешься, когда ты уже избавился от беспокойства по поводу материнского наследства? Ну, ладно... Так или иначе, Максим, я оставляю эти таблички здесь, прямо у твоих ног, и впредь, заверяю тебя, вовсе не стану интересоваться тем, что пишет Пудентилла в своем завещании. В будущем пусть уж он, как ему будет угодно, сам спрашивает свою мать, а собственными просьбами за него я сыт по горло. Пусть уж он сам, как человек самостоятельный и взрослый, диктует по адресу своей матери письма пооскорбительней, а потом пусть сам смягчает ее гнев: кто умел в суде говорить, сумеет и уговорить ³⁵⁴. А с

³⁵⁴ В оригинале: qui potuit perorare, poterit exorare.

меня сейчас вполне достаточно, если я не только опроверг полностью все предъявленные мне обвинения, но даже вырвал и выкорчевал корень этого процесса, а именно – ненависть из-за наследства.

Наконец, чтобы не обойти молчанием ничего, я разобью, прежде чем кончить речь, еще одно ложное обвинение. Вы утверждали, будто я, взяв у жены большую сумму, купил на свое имя превосходное поместье. А я утверждаю, что речь идет о крохотном именице ценою в шестьдесят тысяч ассов, да и купил-то его не я, а Пудентилла на свое собственное имя; имя Пудентиллы стоит в купчей, от имени Пудентиллы уплатили налог за этот клочок земли. Здесь присутствует государственный квестор ³⁵⁵, которому были внесены деньги, Корвиний Целер, почтеннейший человек. Здесь же находится и опекун Пудентиллы ³⁵⁶, подтвердивший законность покупки, человек редкого авторитета и благочестия, имя которого я должен назвать с чувством глубочайшего уважения, – это Кассий Лонгин. Спроси его, Максим, чью покупку он удостоверял и за какую ничтожную цену эта богатая женщина купила себе клочок земли.

[Свидетельские показания опекуна Кассия Лонгина и кве-

³⁵⁵ Квестор собирал налоги, в том числе и поземельный налог.

³⁵⁶ Так как Пудентилла имела свою собственность и в этом отношении не была во власти мужа (*in manu mariti*), то для совершения купчих и некоторых других гражданских актов ей нужен был опекун. Возможно, что постоянного опекуна не было, а в случае нужды обращались к какому-нибудь уважаемому лицу.

стора Корвиния Клемента] ³⁵⁷.

Обстоит ли дело так, как я утверждал? Записано ли хоть где-нибудь в купчей мое имя? Разве сама цена поместья вызывает зависть? Разве, наконец, даже эта сумма досталась мне?

102. Так что же, Эмилиан, остается, на твой взгляд, еще не опровергнутым? Ты обнаружил, какую выгоду я получил от занятий магией? Для чего волшебными зельями совратил Пудентиллу? На какую прибыль при этом рассчитывал? Для того, чтобы она назначила Mfte приданое поскромнее, а не побольше? Да, превосходные заклинания! Или чтобы она дала обязательство вернуть это приданое своим сыновьям, а не оставила его мне? Ну, что еще можно прибавить к такой магии? Или чтобы она, по моему же совету, подарила сыновьям большую часть своего имущества (хотя до того, как вышла за меня замуж, никогда не делала им таких щедрых подарков), а мне чтоб не уделила ничего? Какой опасный маг! – не вернее ли сказать: сколько напрасных благ? ³⁵⁸ Или для того, чтобы в завещании, которое она писала в гневе на сына, она

³⁵⁷ Все это предложение – интерполяция. Поэтому квестора, надо полагать, звали именно Целер, а не Клемент.

³⁵⁸ Непереводимая игра слов: *O grave veneficium dicam, an ingratum beneficium?* Соль каламбура в том, что слова *veneficium* и *beneficium* звучали почти одинаково: *b* произносилось в африканском диалекте, как английское *w*. Стремясь полнее передать созвучие, мы несколько отступили от буквального смысла: «Какое вредное волшебное зелье! – сказал бы я, – или, может быть, бесплодное благодеяние?».

назвала наследником сына, хоть и была раздражена против него, а не меня, хоть и была привязана ко мне? Действительно, мне пришлось пустить в ход множество заклинаний, и немалых трудов мне стоило этого добиться.

Представьте себе, что вы ведете дело не перед Клавдием Максимом, человеком справедливым и неизменным блюстителем правосудия; поставьте на его место какого-нибудь другого судью, несправедливого и жестокого, благосклонно внимающего обвинениям, жаждущего осудить обвиняемого. Дайте же ему тропинку, по которой он мог бы пойти, предоставьте ему хоть намек на справедливый повод вынести приговор в вашу пользу. Сочините, в конце концов, что-нибудь, придумайте, что отвечать, если бы он задал вам те же вопросы, что и я. И так как всякому покушению обязательно должна предшествовать хоть какая-нибудь причина, то отвечайте, вы, утверждающие, что Апулей со своими магическими приманками напал на душу Пудентиллы: чего он от нее хотел, почему так поступил? Пленился ее красотой? Нет, – отвечаете вы. Желал ее богатства, по крайней мере? Нет, – отвечает брачная запись; нет, – отвечает дарственная запись; нет, – отвечает завещание. Все эти документы показывают, что он вообще не стремился, обуреваемый жадностью, воспользоваться щедростью своей жены, но, напротив, резко отверг эту щедрость. Так какая ж еще была причина? Что же вы онемели, что молчите? Где это грозное начало вашей жалобы, составленное от имени моего пасынка: «Я решил, Максим, госпо-

дин мой, привлечь его к твоему суду»?

103. Что же ты не прибавишь еще: «привлечь к суду моего учителя, моего отчима, моего заступника»?... Но что написано дальше? «Я обвиняю его в преступлениях необычайно многочисленных и совершенно очевидных». Подай-ка сюда хоть одно из этих «необычайно многочисленных», подай сюда хотя бы одно сомнительное или вовсе не поддающееся объяснению действие из этих «совершенно очевидных преступлений»! Впрочем, я отвечу на каждое из ваших обвинений не более чем двумя словами. Считай! «Чистишь зубы» – прости за чистоплотность. «Смотришься в зеркала» – обязанность философа. «Пишешь стихи» – это разрешено. «Исследуешь рыб» – Аристотель предписывает. «Освящаешь дерево» – Платон советует. «Женишься» – законы предписывают. «Она старше тебя» – нередкий случай. «Ты гнал за наживой» – возьми контракт, вспомни дарственную, прочти завещание... Если все это я достаточно опроверг; если рассеял всю клевету; если после всех обвинений и даже после всей этой брани я все так же далек от всякой вины; если я ни в чем не уронил достоинства философии, которое для меня дороже собственного спасения; если, напротив, я во всем поддержал это достоинство всеми «семью перьями»³⁵⁹; если дело обстоит так, как я сказал, то я могу спокойно и по-

³⁵⁹ Во время гладиаторских игр одной из самых распространенных пар были самнит с перьями на острии шлема и гладиатор, который стремился схватить эти перья и сорвать с противника шлем. Отсюда и взята употребленная Апулеем метафора.

чтительно ожидать твоего суждения, вместо того чтобы опасаться осуждения³⁶⁰. Потому что я считаю менее тяжелым и страшным для себя подвергнуться осуждению перед судом проконсула, чем выслушать хотя бы малейшее порицание от человека столь справедливого и столь безупречного.

Я кончил.

³⁶⁰ В оригинале: existimationem tuam revered quam potestatem vereri.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Апулей

II век н. э. принято характеризовать в современной исторической науке как «эпоху временной стабилизации империи»; общепринятый прежде термин «золотой век Антонинов» подвергся строгому пересмотру и вполне обоснованной критике, так как даже в течение этого века, сравнительно спокойного в области внешней политики, внутренний процесс распада и перерождения античного рабовладельческого строя неудержимо шел вперед. Однако было бы несправедливо отрицать, что время правления Антонинов все же представляло собой некоторое затишье между отшумевшими бурями эпохи Клавдиев и Флавиев и надвигающимся кризисом III века, едва не приведшим империю к полному крушению. Отсутствие внешних войн и быстрой смены правителей, все более тесные и оживленные сношения между восточной и западной частями империи дали возможность развиться новой своеобразной культуре, не носящей ярко выраженного национального характера, культуре синкретической и космополитической. Синкретизм охватывает все области умственной и духовной жизни: в философии начинают стираться резкие границы между школами; даже наибо-

лее далекие друг от друга стоики и эпикурейцы в области этики сближаются друг с другом, а с другой стороны, космология стоиков связывает их с идеализмом и эклектизмом Академии и неопифагорейства; более того, философия, как целое, начинает терять свой прежний рационалистический характер и метод и постепенно сливается с религиозно-мистическими учениями и культами, существовавшими искони, но не имевшими прежде ничего общего с философией, как таковой. В этот общий поток вовлекаются и литература и язык: границы между чисто-греческой и чисто-римской литературой стираются, так как римляне начинают писать по-гречески (напр., Элиан), а греки, египтяне, африканцы – по-латыни. Знание двух языков и свободное владение ими становится необходимым признаком образованности, а сама эта образованность становится все более широкой, но вместе с тем и все более поверхностной; с ней прекрасно уживаются самые нелепые суеверия, вера в магию, чудеса, превращения, призраки и демонические существа; отдельные писатели, как Лукиан, тщетно пытаются бороться против иррационализма, но и они не могут дать ничего, кроме скептического и иронического отношения ко всему существующему, не могут дать положительных идей и руководства в жизни и вынуждены уступить роль руководителей представителям самых различных культов, то фанатикам, то шарлатанам. Вся эта странная эпоха с ее сочетанием мистики и скептицизма, показного блеска и внутренней опустошенности, беспокой-

ных поисков чего-то лучшего и полного равнодушия к любому проявлению жестокости, подлости и разврата – вся она нигде не отразилась более ярко и всесторонне, чем в творчестве талантливого африканца Апулея.

Биографические сведения об Апулее почерпнуты в основном из его собственных произведений; однако год его рождения определяется и объективными данными; проконсулом Африки в 157/58 гг. был некий Клавдий Максим, который был председателем суда на процессе против Апулея по обвинению его в занятиях магией; из речи Апулея, произнесенной им на этом суде и носящей название «*Apologia sive pro se de magia liber*», видно, что Апулею в это время было 30 – 33 года; следовательно, он родился в двадцатых годах (принята дата 124/25 гг. н. э.), во время правления Адриана; расцвет его творчества падает на правление Антонина Пия; из имен еще нескольких проконсулов, упоминаемых в сборнике отрывков из его речей под названием «*Florida*» («Цветник»), можно заключить, что в семидесятых годах он был еще жив. Дальнейших дат его жизни мы не имеем.

Уроженец Мадавры, колониального города на границе Гетулии и Нумидии, Апулей был сыном крупного, довольно состоятельного чиновника, получил в юности хорошее образование и имел влечение к риторике и философии; начав изучение этих наук в своем родном городе, он завершил его в Карфагене, а когда, после смерти отца, он унаследовал некоторые средства, то употребил их на поездку в Афины,

где продолжал изучение философии, примкнув к школе платоников. Оттуда он направился в Рим, где, в совершенстве овладев латинским языком, стал выступать в суде; однако средств его на жизнь в Риме не хватало, он вернулся в Мадавру и некоторое время занимал там почетные должности в городском управлении; но страсть к путешествиям не покидала его и он отправился в Александрию. По дороге он тяжело заболел и был вынужден остановиться в городе Эе (теперь Триполи) для лечения; там произошел крутой поворот в его судьбе: он встретился со своим бывшим соучеником в Афинах, Понтианом, уроженцем Эй, и, поддавшись его уговорам, а может быть, соблазняемый спокойствием и достатком, женился на матери Понтиана, Пудентилле, состоятельной вдове; Пудентилле было за сорок лет, и Апулей, отзываясь о ней с большим уважением, нигде, однако, не говорит о браке по любви; именно этот брак и принес ему большие неприятности, так как родственники ее первого мужа, рассчитывавшие завладеть ее имуществом, обвинили Апулея в том, что он околдовал Пудентиллу, которая после смерти мужа долго отказывала всем, сватавшимся к ней. Процесс состоялся в городе Сабрате и кончился, по-видимому, полным оправданием Апулея, так как, судя по отрывкам его позднейших речей (в «Флоридах»), он избрал своим постоянным местом жительства Карфаген, где пользовался большим почетом и славой лучшего оратора и занимал должность верховного жреца. Еще при его жизни в честь его были постав-

лены в Карфагене две статуи (Флор., XVI).

Несмотря на то, что врагам Апулея не удалось погубить его, выдвинув против него обвинение в магии, – обвинение очень опасное, грозившее смертью, – за ним в позднейшие времена утвердилось слава мага, о чем свидетельствует Августин. По всей вероятности, этому способствовала не столько его «Апология», сколько его знаменитейшее произведение – «Метаморфозы» (или «Золотой осел»), в котором как фабула основного повествования, так и многие вставные новеллы все время вращаются вокруг мистико-магических тем.

Апулей был весьма высокого мнения о себе: явно не без удовольствия зачитывает он в начале «Апологии» (4) обвинительный акт по своему адресу, гласящий: «мы обвиняем перед тобой философа красивой наружности... столь же красноречиво изъясняющегося по-гречески, как и по-латыни»; и хотя он далее иронически опровергает эти обвинения, указывая на свои спутанные кудри и свое якобы безуспешное стремление к красноречию, но он в течение всей речи упорно подчеркивает свое прекрасное образование, широту своих интересов, и философских, и научных, свою воспитанность, умение одеваться, сочинять и декламировать стихи и не раз издевается над своим противником, Сицинием Эмилианом (братом первого мужа Пудентиллы), называя его «деревенщиной, тупицей» и т. п. В отрывках речей он тоже хвалится своей многосторонностью: он, по его словам, испил в Афинах из многих чаш, он вкусил прекрасный напи-

ток поэзии, чистый – геометрии, терпкий – диалектики и, наконец, нектар философии; но он не только воспринял все это, он научился и быть творцом во многих областях: «Эмпедокл создавал поэмы, Платон – диалоги, Сократ – гимны, Эпихарм – музыку, Ксенофонт – исторические сочинения, Кратет – сатиры: а ваш Апулей с одинаковым усердием трудится на ниве всех девяти Муз» (Флор., XX), – пишет Апулей, очевидно, считая это большим достоинством, хотя тут же с ложной скромностью прибавляет: «правда, он проявляет при этом больше рвения, чем умения». В «Апологии» он с таким же самодовольством говорит о своих естественно-научных и оптических изысканиях, но особенно настойчиво называет себя философом, погруженным в разрешение высших вопросов жизни и мироздания.

Достоверного изображения Апулея мы не имеем, но один медальон IV или V века, дошедший до нас с его именем, изображает его именно таким, каким его рисует обвинительный акт, цитируемый в «Апологии», – правильное, несколько женственное лицо, обрамленное длинными густыми локонами.

Произведения Апулея дошли до нас не полностью. По его словам, он писал по-гречески и по-латыни, но сохранились только следующие латинские сочинения: упомянутые уже «Апология» (в 103 главах), «Флориды» (23 отрывка из речей, избранных неизвестно кем и когда), роман «Метаморфозы» (в 11 книгах) и три философских трактата: «О Плато-

не и его учении» (изложение натурфилософии и этики Платона, довольно примитивное и поверхностное), «О божестве Сократа» (риторическое рассуждение о природе сократовского «дэмониона» и существовании демонов – промежуточных существ между богами и людьми) и «О мире» (популярное изложение трактата «Περὶ ἡδῶν», приписываемого Аристотелю).

О не дошедших до нас сочинениях Апулея известно отчасти из его собственных упоминаний о них, отчасти из сочинений различных позднейших авторов. Эти сочинения можно разделить на несколько групп: 1) поэтические произведения (шуточные и любовные стихи, гимны, панегирик консулу Орфиту); 2) эпитомы по истории Рима (упоминаемые Присцианом); 3) речи (упоминаются самим Апулеем и Августином); 4) сочинения научного характера (о рыбах, о деревьях, о сельском хозяйстве, о медицине, астрономии, арифметике и музыке); 5) роман под названием «Гермагор» (о нем упоминают Присциан и Фульгенций). О потере этого последнего сочинения можно пожалеть, так как, несомненно, именно в этой области Апулей проявляет огромный и редкий талант. Во всем остальном, не исключая и стихов (образцы которых он приводит в «Апологии»), он не возвышается над уровнем обычного ритора, а свои философские знания он безусловно оценивает слишком высоко.

Философская ценность дошедших трех трактатов Апулея весьма невелика. «Апология» и «Флориды» свидетельству-

ют о хорошем знании риторики, об остроумии, ловкости и искусном владении языком, а также дают много интересного для знания быта того времени; но все эти произведения не доставили бы Апулею той прочной и широкой известности, которую он заслужил своим блестящим романом «Метаморфозы», единственным в своем роде.

Оба произведения Апулея, дошедшие до нас полностью, чрезвычайно интересны и несомненно заслуживают как с исторической, так и с литературной точки зрения еще большего внимания, чем то, которое уделялось им до сих пор. Хотя Апулей, почти единственный из писателей поздней эпохи, не может пожаловаться на то, что его предали забвению, но полного анализа его произведений, который бы раскрыл их историческую ценность и их литературную «фактуру», мы все же пока не имеем.

Хронологическое соотношение «Апологии» и «Метаморфоз» было не раз предметом разногласий исследователей: так как «Апология» почти точно датирована (см. выше) 50-ми годами II века, то вопрос заключался в помещении «Метаморфоз» раньше или позже «Апологии». Некоторые исследователи относили их ко времени пребывания Апулея в Риме, т. е. к его возрасту в 27 – 28 лет, другие считали, что «Метаморфозы» отнюдь не носят на себе печати юношеского произведения, а являются итогом большого жизненного опыта, переработанного острым умом и облеченного в утонченную, до мелочей продуманную форму. К этому, несколь-

ко абстрактному доводу присоединяется и то обстоятельство, что противники Апулея, на суде в Сабрате не преминули бы выдвинуть против него, обвиняемого именно в занятиях магией, сочиненную им книгу, свидетельствующую о детальнейшем знакомстве его с самыми разнообразными культами, магическими обрядами, поверьями и суевериями. Поэтому из двух различных гипотез о датировке «Метаморфоз» большую вероятность, безусловно, имеет вторая.

Композиция «Апологии» как речи, действительно произнесенной в суде, достаточно ясна и прозрачна, хотя несколько отклоняется от традиционной схемы. Конечно, едва ли можно думать, что она была произнесена именно в той стройной, полностью обработанной форме, в какой она была выпущена в свет; ведь сам Апулей говорит, что он имел на подготовку ее лишь четыре дня; однако «Апология» (особенно ее вторая часть) написана в общем довольно простым языком, мысли, выраженные в ней, не замаскированы излишне изощренной формой, – как это часто бывает в «Метаморфозах», – и одна тема четко отделена от другой. Отклонение от обычной схемы защитительной речи состоит в том, что «повествование» (*narratio*) целиком отнесено во вторую часть, а «опровержение» (*refutatio*) начинается непосредственно после зачитывания обвинительного акта, первые слова которого цитирует сам Апулей. Впрочем, «повествование» служит здесь не столько выяснению обстоятельств, подавших повод к обвинению, сколько для возве-

личения бескорыстия и добродетелей самого Апулея и для унижительных характеристик, которые он дает своим врагам. Вся «Апология», так сказать, пропитана, с одной стороны, иронией, иногда довольно наивной, иногда острой, с другой – самоуверенностью и бахвальством.

В первой части «Апологии» Апулей разбирает и разбивает по пунктам обвинения, предъявляемые ему. Некоторые из них совершенно нелепы, другие, напротив, могли быть опасны для него. К первым относятся несколько «косметических» обвинений: Апулей красиво причесан и одет, он чистит зубы, носит при себе небольшое зеркало и пишет любовные стихи. Много опаснее обвинение в занятиях анатомией рыб, рассечение которых, как и других животных, считалось необходимой принадлежностью магических обрядов. Наиболее опасными были обвинения в том, что Апулей приводил одного мальчика-раба в бессознательное состояние и использовал его для прорицаний и что он хранит в своем доме какие-то предметы тайных культов, пряча их от глаз посторонних. Все эти обвинения Апулей опровергает одно за другим, первые – подшучивая над своими противниками, «грубыми неучами», не понимающими того, что «философ», уважающий себя, должен выглядеть не хуже, а лучше других; все, что ставят ему в вину, просто – признак хорошо воспитанного человека. С некоторым презрением опровергает он также и обвинения в занятиях анатомией, ссылаясь на Аристотеля, Феофраста и на свои собственные сочи-

нения по естествознанию, которые, по-видимому, действительно существовали (см. выше о недошедших сочинениях). Мальчик-раб, по словам Апулея, и по описанию, данному им в «Апологии», страдал тяжелой формой эпилепсии. Наиболее же искусно опровергает Апулей обвинение в хранении магических предметов. Открыто сознавшись в своей причастности к многим *мистериям* (но не к *магическим* обрядам), он показал судьям статуэтку Гермеса, которая, по его словам, служит предметом его поклонения, как бы талисманом. Статуэтка эта, судя по описанию, высокой художественной ценности и притом изображающая одного из общепризнанных олимпийцев, конечно, не могла послужить доказательством виновности Апулея; были ли у него еще какие-нибудь «талисманы» – этот вопрос Апулей обходит.

Во всей, довольно длинной и многословной аргументации Апулея бросается в глаза то, чего, очевидно, не подметили его недостаточно изошренные обвинители, что обвинения в занятиях магией он, в сущности, даже не коснулся: он доказывает, что ни то, ни другое, ни третье занятие, которое ставят ему в вину – не магия; но занимается ли он действительно чем-нибудь сходным с магией, этот вопрос остается открытым в результате всей первой части речи, занимающей 65 глав.

Вторая часть, «повествование», посвящена истории его взаимоотношений с Пудентиллой и ее двумя сыновьями от первого мужа – Понтианом, к моменту суда уже умершим

после краткого, но неудачного брака с легкомысленной и распущенной дочерью некоего Руфина, тоже врага Апулея, и с Пудентом, своевольным подростком, попавшим в сети того же Руфина и враждебно настроенного и к матери, и к Апулею. От имени этого подростка и было сочинено его дядей и Руфином обвинение против Апулея. Эта часть «Апологии» в бытовом отношении очень интересна: интриги по завещаниям, семейные распри, перехваченные письма, подкупленные свидетели и их ложные показания, – вся эта картина написана Апулеем мастерски. Особенно удались ему портреты Руфина и его безнравственной семьи, а также пропойцы «из благородных», Красса (гл. 57 – 60). Апулей никогда не упускает случая подчеркнуть свое бескорыстие и философскую чистоту нравов, не раз прибегает к давно испытанному средству, «завоеванию благосклонности» (*captatio benevolentiae*) председателя суда, проконсула Клавдия Максима, которого он осыпает любезностями, восхваляя его образованность, наблюдательность, справедливость и тонкий ум. Если Клавдий Максим действительно был таким, как его изображает Апулей, то можно себе представить, какое художественное наслаждение доставила ему эта искусно построенная, но по существу ничего не доказывающая «Апология». Отвечала она, правда, на столь же недоказательные обвинения, – будто бы нужны магические заклинания, а не чисто-житейские соображения, чтобы сорокалетняя вдова вышла замуж за красивого образованного иностранца моложе себя на 10 – 15

лет, а он бы согласился на этот неравный брак из-за известных материальных выгод и спокойной жизни, которые этот брак предоставлял ему. По всей вероятности, это понимали даже и невежественные обвинители Апулея, огорченные тем, что имущество Пудентиллы уплывало из их рук. Таким образом, процесс в Сабрате был в известной степени театральным представлением, которое, однако могло кончиться для Апулея трагически; судя по его дальнейшей блестящей карьере, к счастью для него, оно закончилось так, как должна кончатся комедия, – вполне благополучно.

Значительный интерес для филолога и историка представляет сборник «Флориды». Предполагают, что первоначально он был значительно больше (рукописная традиция делит «Флориды» на 4 книги, тогда как объем сборника в том виде, в каком он сохранился до нашего времени, немногим превышает одну книгу) и состоял только из целых речей; впоследствии же какой-то поклонник таланта Апулея выбрал из этих речей наиболее понравившиеся ему места. Принцип отбора был, повидимому, чисто стилистическим, так как никакой смысловой связи между отрывками нет; мало того, иные из них не содержат даже законченной мысли и обрываются на полуслове. То, что объединяет их все, – это лишь поразительная изощренность и отточенность стиля, столь характерная для второй софистики вообще, а для Апулея – в особенности. Безошибочно угадывается представитель второй софистики и по содержанию сборника, ценность которо-

го далеко не исчерпывается заключенным в отрывках фактическим материалом: «Флориды» – зеркало общественных и литературных нравов той эпохи, ее идей, настроения и радостей.

Роман «Метаморфозы» более известен под названием «Золотой осел», которое впервые встречается у Августина (С. D. 18, 18). Эпитет «золотой» было принято прилагать к произведениям, имевшим большой успех (например, «Золотые слова» Пифагора – неопифагорейская нравоучительная поэма). Сложная фабула этого романа повествует о приключениях молодого грека Луция (в греческом произношении – Лукия), который из любопытства захотел испытать на себе действие чудесной мази, превратившей на его глазах хозяйку дома, где он жил, в сову. По ошибке служанки, помогавшей ему в этом рискованном предприятии и перепутавшей банки с мазями, он был превращен не в птицу, а в осла и в ту же ночь похищен разбойниками, напавшими на этот дом. Ему было известно, что он немедленно превратится в человека, как только поест свежих цветов розы, но прошел почти год, пока он после бесконечного ряда злоключений смог добиться этой спасительной пищи: из рук жреца Изиды он получает розовый веночек, вновь становится человеком и поклонником Изиды и Озириса на всю свою жизнь. Роман состоит из 11 книг и написан в первом лице. О чудесном спасении Лукия повествует последняя книга, сильно отличающаяся по характеру от остальных. Между тем как в первых

же словах книги I герой говорит о своем чисто-греческом происхождении из Пелопоннеса, в конце книги XI он оказывается уроженцем Мадавры, как сам Апулей, и едет в Рим, где становится судебным оратором – тоже черта биографии Апулея. Уже из этого было бы видно, что мы имеем перед собой контаминацию, даже если бы у нас не было достоверных данных, что Апулей не является первым творцом этой истории. Такие данные, однако, имеются: во-первых, в рукописях Лукиана находится повесть на греческом языке «Лукий, или осел», по основному ходу событий полностью совпадающая с «Метаморфозами», но более короткая и менее сложная, без побочных сюжетов, искусно вплетенных Апулеем в основное повествование, и без мистически окрашенного заключения; конец ее весьма фриволен, и хотя эта повесть считается не принадлежащей самому Лукиану, но она написана всецело в жанре его сатир. Однако не эта повесть, по-видимому, современная роману Апулея, явилась первоисточником романа; оба эти произведения восходят к одному и тому же предку, до нас не дошедшему, но подробно характеризованному в «Библиотеке» патриарха Фотия, который читал и этот прототип, автором которого был некий Лукий из Патр, и «Осла», автором которого он считает Лукиана; Фотий сопоставляет оба произведения, хвалит повесть Лукия из Патр за «ясный и чистый» язык, но отмечает, что автор ее верит в возможность магических превращений людей в животных и «во всякий прочий взор и чепуху из старых мифов», а Лу-

киан «издевается над греческими суевериями». Хотя Фотий говорит, что ему неизвестно, кто из двоих писателей жил раньше, кто позже, но ясно, что именно эта повесть Лукия из Патр явилась источником, обработанным и псевдо-Лукианом, и Апулеем в разной манере, причем, вероятно, роман Апулея ближе к первоисточнику, чем чисто-сатирический «Осел» псевдо-Лукиана. Сам Апулей говорит в первой главе I книги, что он «расскажет на милетский манер... греческую басню». И действительно, и герой, и место действия, и легенды, и поверья в его романе – всецело греческие; только язык латинский.

Композиция «Метаморфоз» чрезвычайно сложна: в основную фабулу вплетены двенадцать новелл, которые рассказывает то или иное действующее лицо; большинство их носит характер авантюрно-уголовный и в то же время эротический; прекрасным исключением является вошедшая в мировую литературу и в изобразительные искусства прославленная сказка об Амуре и Психее, которая вложена в уста старухи, охраняющей разбойничий притон и пытающейся развлечь сказкой захваченную разбойниками в плен красавицу Хариту. По своим размерам и по тонкой художественной обработке сказка эта мало согласуется с мрачной обстановкой притона и образом зловещей старухи, пособницы разбойников.

В основное действие тоже вплетено немало побочных эпизодов, как, например, встреча с драконом, превратившимся

в старика и заманившим одного из путников в свое логово (VIII, 18 – 21), повесть о трех благородных юношах, вступившихся за бедняка, притесняемого богачом (IX, 33 – 38), и другие. Пересказать хотя бы кратко бесконечно развертывающуюся пеструю ленту приключений молодого Лукия, – и в его человеческом, и в ослином образе, – немыслимо; можно только попытаться наметить те основные черты реальной исторической обстановки, которые отразились в этом своеобразном зеркале, а также характеризовать особенности самого зеркала – т. е. литературные задачи и приемы Апулея.

В «Апологии» Апулей уже имел возможность показать свое умение рисовать образы людей и давать их характеристики, несколько карикатурные, но все же достаточно ясные, чтобы представите себе тот круг провинциальных землевладельцев, в котором ему довелось жить. Фабула «Метаморфоз» дала ему возможность написать более широкое полотно. И хотя Апулей обещает только «порадовать слух читателя», т. е. позабавить его, на самом деле он бегло и живо рисует самые различные слои современного ему общества; он делает это без серьезной критики, без горячего сочувствия и жалости к тем, кто страдает, но и без восхваления тех, кто заставляет других страдать; несколько равнодушный юмор окрашивает все повествование. На первых же шагах (I, 24 – 25) герой романа, еще в образе человека, встречается на рынке со своим бывшим школьным товарищем Пифием, который за это время успел стать эдилом; Пифий так пылко

относится к своим «обязанностям», что под предлогом, будто Лукию продали рыбу на рынке слишком дорого, уничтожает не только запас рыбы у провинившегося торговца, но и рыбу, уже купленную Лукием. Так я лишился «благодаря остроумной выдумке моего энергичного товарища и денег, и ужина», – заканчивает с юмором свой рассказ Лукий. В образе осла Лукию приходится повидать и претерпеть немало: он голодает с бедным огородником, который вместе со своим ослом не имеет другой пищи, кроме переросших метелок латука; но нахальный римский легионер отнимает у этого бедняка даже осла и за сопротивление бросает огородника в тюрьму; осел должен вертеть жернова на мельнице, но не знает, чья участь хуже, его ли или тех рабов, которые работают вместе с ним и почти потеряли человеческий облик. Рабы играют большую роль во многих вводных новеллах, но никак нельзя сказать, чтобы Апулей изображал их с симпатией; он относится к ним свысока: их легко подкупить и подбить на злодейство, они лживы, вороваты и трусливы. О неслыханно жестоких пытках и казнях, отравителях и отравительницах Апулей повествует тем же ровным и спокойным тоном, иногда только от лица своего четвероногого героя выражая удивление человеческой злобе и подлости. Боги тоже не лучше людей: Венера перестает мучить и преследовать Психею только после того, как Юпитер запрещает ей это и велит узаконить и отпраздновать брак ее сына с земной девушкой. Все люди, и мужчины, и женщины, пад-

ки на любовные приключения, даже противоестественные. Лишь изредка на этом темном фоне выступают люди, любящие справедливость и способные рисковать из-за нее: таковы трое юношей в новелле в IX книге и благородный врач, разоблачивший то преступление, к которому пытались склонить его самого (X, 7 – 12). Самых ужасных мерзостей пришлось насмотреться бедному ослу, когда его купили евнухи – бродячие жрецы сирийской богини, о культе которой Апулей говорит с отвращением. По-видимому, он, являясь приверженцем египетских мистерий, был противником других, соперничающих с ними культов. В одной из его новелл о жене мельника, женщине злобной и развращенной, исследователи видят намек на враждебность Апулея к христианству, так как, по его словам, эта женщина утверждала, что она «чтит единого бога» (IX, 14); однако это не вполне доказательно, так как строгий монотеизм был учением скорее иудейских сект, которых именно в Египте было немало, о христианских же только ходили разные слухи, крайне противоречивые.

Отношение самого Апулея к вере в богов довольно загадочно: с одной стороны, он уже в «Апологии» говорит о своей религиозности, а XI книга «Метаморфоз» включает в себе описание явления богини из моря и лирические гимны к ней, полные подлинного религиозного пафоса, резко отличающиеся от равнодушной иронии обычного повествования; в романе не раз идет речь о предсказаниях, чудесах,

колдовстве; и если в рассказах о ведьмах, которые погубили некоего Сократа, вложив ему вместо сердца губку, и о колдуньях, которые отрезали нос и уши человеку, сторожившему покойника, звучит ирония, то в новелле о трех юношах, вплетенной в основное действие, страшные предзнаменования, предвещавшие отцу гибель всех трех сыновей, передаются Апулеем без всякой насмешки. Тем не менее в полной искренности Апулея даже по отношению к избранному им культу Изиды и Озириса можно сомневаться: пафос первых глав XI книги сменяется в ее конце (гл. 26 – 30) крайне двусмысленным рассказом о том, как жрецы египетских божеств заставили его, в лице героя его романа, проходить трижды обряд посвящения, каждый раз вытягивая из него немало денег; взамен этого «Озирис в собственном своем божественном виде» доставил ему, как судебному оратору, хорошую клиентуру в Риме и даже включил его в коллегии своих жрецов, но ему пришлось обрить голову, как было принято у египтян. Если вспомнить, что в своем «гимне красоте волос» (II, 8 – 9) Апулей говорит, что даже Венера «если плешива будет, даже Вулкану своему понравиться не сможет», то последние слова романа (XI, 30) «теперь я хожу, ничем не осеняя и не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречных» звучат явной иронией и над культом Изиды, и над самим собой.

Чем больше вчитываться в текст «Метаморфоз», тем эти ноты пародии, – не серьезной, продуманной, горькой сатиры,

как у Лукиана, а безобидной пародии и даже буффонады – звучат все яснее. Артистически пользуясь всеми средствами риторики, непрерывно играя всеми ее приемами и фигурами, Апулей особенно искусно умеет пародировать ее блестящие, но бессодержательные фокусы: такова, например, его длинная патетическая тирада о несправедливых судьях (X, 33) (ее декламирует осел сам себе по поводу театрального зрелища, изображающего суд Париса), о мощи любви (VIII, 2), вышеупомянутая «похвала волосам». Апулей пародирует и ссылки на мифы и на веру в мощь звезд; то он сопоставляет миф о полете Пегаса с прыжками испуганного осла: «может быть и пресловутый Пегас от страха сделался летучим... и, взлетая до самого неба, на самом деле... уклонялся от укусов огненосной Химеры» (VIII, 16); то он иронизирует над мифом о замене Ифи-гении ланью (VIII, 26); то он заставляет оценщика осла говорить о гороскопе, составленном ученым астрологом для этого осла. Сцены на Олимпе в сказке об Амуре и Психее тоже пародируют гомеровский совет богов, внося в него современные черты: Юпитер жалуется на то, что Амур заставлял его не раз нарушать «Юлиев закон», начинает свою речь к богам с формулы обращения к римским сенаторам и упрекает Венеру в желании молодиться.

Но наиболее блестящие пародии на риторические декламации Апулей дает в речах действующих лиц, особенно в речах разбойников: «Фразилеон, честь и украшение шайки нашей, потерял свою жизнь, достойную бессмертия... Так по-

терян был для нас Фразилеон, но не потерян для славы» (IV, 21)... «Тут мы, почтив мужество великодушного вождя нашего, закутали старательно останки его тела полотняным плащом и предали на сокрытие морю. Ныне покоится Ламах наш, погребенный всей стихиею» (IV, II). Пародический характер речи подчеркивается еще и тем, что в нее введена явная несообразность: грабеж происходил в Фивах, где моря нет. Такой же пародией на «милостивый» судебный приговор является речь разбойника, предлагавшего не просто казнить пленную девушку за попытку к бегству, а зашить ее живой в брюхо убитого осла (VI, 31 – 32): «даруем же девице жизнь, но такую, какой она заслуживает», – патетически говорит он. Речи Тлеполема, жениха пленницы, выдающего себя за знаменитого разбойника и становящегося во главе шайки, полны пышных тирад (VII, 5 – 10): «Привет вам, клиенты бога сильнейшего, Марса, ставшие для меня уже верными соратниками... я отпрыск отца Ферона, ... вспоенный человеческой кровью, воспитанный на лоне шайки, наследник и соперник отцовской доблести... каменное это ваше жилище я превращу в золотое»; и сейчас же за этими торжественными фразами следует их антитеза в низком стиле: «я несколько не посрамил ни отцовской славы, ни своей доблести... хотя и пришлось натерпеться мне страху, видя прямо перед собою убийственные мечи, все же, скрывшись обманным образом под чужой одеждой, я сумел сколотить себе деньжонку на дорогу»; или «я прошу вас верить, что побуждает ме-

ня лишь забота о вашей пользе... Ведь я полагаю, что для разбойников, – для тех, по крайней мере, кто ясно понимает свое дело, – выше всего должна стоять прибыль, даже выше, чем желание мести, осуществление которой часто связано с убытком». Даже для нас, не столь искушенных в тонкостях риторики, как современники Апулея, пародический характер этих «надгробных речей» и «суазорий» бросается в глаза; можно себе представить, какой успех они должны были иметь у тех, кто имел перед собой десятки пародируемых Апулеем образцов.

История, погубившая так много великих произведений античности, была милостива к Апулею, сохранив не только его философские трактаты, не имеющие большого значения, но и два его интереснейших сочинения, «Апологию» и «Метаморфозы», на многие века. «Золотого осла» читали даже церковные деятели, как, например, сохранивший для нас это название романа Августин. Апулей не только благополучно пережил враждебное языческим сказкам средневековье, но его повесть об Амуре и Психее была истолкована Фульгенцием (в V в.) в религиозно-мистическом духе, как святая любовь души к божеству. Уже в раннем Возрождении его эротические новеллы были использованы Боккаччо в «Декамероне»; в XVII в. к Амuru и Психее вернулся Лафонтен, в XVIII в. Богданович в своей поэме «Душенька». Изображения Амuru и Психеи в живописи и скульптуре едва ли можно пересчитать. Первым русским переводом «Золотого осла»,

сделанным Е. Костровым и напечатанным в 1780 г., в типографии Новикова, зачитывались сотни людей. Можно надеяться, что и наш читатель откликнется на слова Апулея в 1-й главе его романа: «Внимай, читатель, будешь доволен».

М. Е. Грабарь-Пассек

О языке и стиле Апулея

Вопрос о языке Апулея, по-видимому, уже перестал быть спорным. Вероятно, каждый согласится сейчас, что это латинский язык II в. н. э., тот же самый латинский язык, на котором писали Светоний, Фронто, Авл Геллий, а не особый африканский диалект латинского языка (как доказывали некоторые ученые XIX в.). Признавая существование африканской латыни, как особого диалекта народного разговорного языка, современная наука считает, что влияние этого диалекта на язык произведений Апулея крайне незначительно и что характерные особенности, отличающие Апулея и других писателей африканского происхождения, носят в огромном большинстве случаев стилистический характер. Стилль этот (его часто называют *tumor Africus* – «африканская напыщенность») есть одно из частных проявлений так называемой «второй софистики» – литературного движения той эпохи, захватившего и греческую и римскую литературы и стремившегося к созданию нового стиля. Вторая софистика эклектически смешала принципы двух основных греческих стилистических направлений прошлого – азианизма, тяготевшего к пышной, блестящей форме (зачастую лишенной содержания) и всевозможным новшествам, и аттицизма, ориентировавшегося на строгий и скупой, уже ставший в какой-то мере архаическим язык классиков аттической прозы.

Впрочем, следует отметить, что ведущая роль в этой смеси принадлежит азианизму: он был основой всего здания второй софистики. На римской почве в конце I и начале II в. н. э. процветали эпигоны и азианизма (традиции Сенеки) и атикизма (школа Фронтонна). Апулей учился и у тех и у других, равно как и у великих мастеров прошлого, и с уверенностью, свойственной лишь большому таланту, синтезировал архаистические тенденции Фронтонна со смелыми языковыми новшествами, пользовался богатствами поэтического языка и, не задумываясь, черпал из сокровищницы просторечья. И синтез оказался удачным, какой бы анафеме ни предавали «игривый и развратный» стиль Апулея ученые эпохи Возрождения и даже XIX века (так Эд. Норден³⁶¹ не сумел удержаться от жестокой брани и сильных эпитетов). Он оказался удачным потому, что живая жизнь II века н. э. была в нем ключом, что маленькому человеку времен империи стала чуждой возвышенная простота лучших писателей прошлого, а для великих под тиранической властью принцепса места не оставалось. И напротив: виртуозность словесного жонглера, его страстность и порывистость, безумная расточительность в средствах языка, даже причудливая пестрота и вульгарный подчас тон – все это импонировало подданным императора. Увлечение Апулеем современников и потомков, дальнейшее развитие и расцвет африканского стиля доказывают это достаточно убедительно. Вот маленький,

³⁶¹ «Die antike Kunstprosa», Bd. II. Leipzig. 1898, S. 600 – 405.

взятый вне связи с текстом отрывок: «...in fabulis audienda posuit, verum etiam in theatris spectanda proposuit, ubi crimina plura essent, quam nomina...» – «Да, это Апулей», – скажут те, кто читал в оригинале «Метаморфозы» или «Флориды», но они ошибутся: это не Апулей, а его враг и подражатель, крупнейший христианский писатель IV – V вв. Аврелий Августин, епископ Гиппонский (Ер. СXXXVIII, 19).

Не приводя примеров (читатель во множестве найдет их в примечаниях), укажем основные особенности апулеевского стиля.

1. Скопления и нагромождения синонимов и синонимических оборотов, направленные к созданию как можно более яркого и выпуклого описания или вызванные стремлением добиться максимальной красоты звучания. Отсюда многочисленные плеоназмы, нередко затрудняющие понимание.

2. Архаизмы как в лексике (обветшалые слова), так и в морфологии (вышедшие из употребления формы). Бывает, что торжественно звучащий архаизм употребляется в самом неподходящем контексте, что создает комический эффект.

3. Греческие заимствования во всех частях языка и в таком значительном количестве, что ученые говорят о греческом колорите (*color Graecanicus*) у Апулея. Однако по большей части эти грецизмы не являются нововведением Апулея, а заимствованы им у поэтов эпохи Августа.

4. Обилие неологизмов.

5. Вульгаризмы (элементы разговорной народной речи),

придающие языку особую гибкость и живость. С влиянием разговорной речи связано и характерное для Апулея интонационное богатство фразы.

6. Афористичность речи, любовь к пословицам и поговоркам.

7. Частые злоупотребления средствами и приемами риторики (всем арсеналом их Апулей владел в совершенстве). Мысль его нередко тонет в море блестящих антитез, искуснейших параллелизмов (этот прием пользуется у Апулея особым предпочтением), замысловатых перифразов, патетических градаций и т. п. Здесь же уместно вспомнить о пристрастии Апулея к игре слов в самых разнообразных формах (тут и омонимы, и разные значения одного слова, и одно слово в разных формах, и однокоренные слова, и слова, сходно звучащие, и т. д.), к аллитерациям, ассонансам, рифмам (или, точнее, созвучиям). Все это, вместе взятое, равно как и тончайшая шлифовка каждой мелочи, зачастую стирает грань между прозой и стихом, тем более, что и ритмизованная проза – не редкость для Апулея.

8. Своеобразный синтаксис, анализ которого является важнейшей составной частью характеристики апулеевского стиля.

Огромный талант и языковое мастерство Апулея проявляются и в стилистическом разнообразии, отличающем его творчество. Еще гуманисты заметили, что в каждом сочинении он пишет иным стилем. И действительно, какой рез-

кий контраст между искусственностью и жеманностью «Метаморфоз» и прозрачную простотой трактата «О вселенной» (*De mundo*), к которому очень близка в стилистическом отношении и «Апология»! Да и внутри одного произведения стиль то и дело меняется. Разве одинаково говорят разбойники и жрец Митра, разве одни и те же интонации звучат в новелле о легкомысленной жене бедняка и в рассказе о страданиях покинутой Психеи? Вот почему «Метаморфозы», несмотря на всю их искусственность, во многих языковых деталях живее, реалистичнее и ближе к разговорной речи, чем «Апология», примыкающая в какой-то мере к традициям цицероновской прозы.

Задачей переводчиков было, не впадая в грех буквализма и не нарушая законов русского языка, отразить эти стилистические особенности оригинала со всею возможною точностью. И если читатель будет иметь это в виду, его, вероятно, не удивит приподнятый и несколько необычный язык перевода «Метаморфоз».

С. П. Маркиш